

Gekas Край

ПЛЕНИТЕЛЬ ДУШ

книга первая

НЕБЕСНЫЙ ВОИН

Мы многое слышали о конце Света. Каждый последующий раз нам поясняли те или иные даты его наступления. Пророки, ведуньи, предсказатели и экстрасенсы ведали таинственные факты, связанные с этим крупномасштабным событием. Даже индейские племена не остались в стороне, стараясь предсказать дату наступления конца всего сущего на Земле.

Но, вопреки всему, ничего не происходило!

Лишь до той поры, пока на горизонте не замаячил силуэт Горевестника!

Древний старец пытался предупредить людей о наступающем апокалипсисе, но не успел.

И теперь старые друзья используют человека с «меткой Дьявола», чтобы докопаться до правды. И эта правда повергнет их в шок! Настоящие события переворачивают представление о гибели мира с ног на голову, а потому следует поспешить и остановить «зло».

Но, для того, чтобы искренне поверить в происходящее вокруг, человеку с «меткой Дьявола» предстоит узнать страшную тайну друзей, увидеть все собственными глазами, и испытать на себе невероятный ужас.

Глава 1. Безумный Макс

Пассажир медленно приходил в себя.

Его тонкий безотказный слух работал уже в полную силу, пока еще тяжеленные веки отказывались подчиняться замутненному сознанию. Он уже слышал рев старого автомобильного движка, прекрасно понимая, что его везут на потрепанном драндулете, неизвестно какого года рождения, и неизвестно в какое место.

Все, что нужно сейчас — это полностью сосредоточиться.

Сосредоточиться так, как никогда в жизни. Напрячь свою феноменальную память, чтобы вспомнить, что же произошло накануне, и какого черта он очутился в салоне неизвестного для него средства передвижения.

Пассажир снова попытался поднять веки, но безуспешно.

Неподъемной тяжестью они давили на глаза, заставляя смириться с пугающей неизбежностью, и всякий раз, когда веки немного приподнимались, неизвестная сила снова возвращала их в исходное состояние. С таким же успехом он мог бы постараться поднять этот автомобиль, который с неопишуемой скоростью нес его по ухабистой дороге.

Внезапно всплыли недавние события.

Стрельба, кровь, погоня и, конечно же, смерть!

Пассажир вспомнил, что произошло накануне, и тем страшнее стало его нынешнее положение. Он тотчас понял, что произойдет в следующий промежуток времени. Его везли по городской дороге в неизвестное для него место с одной единственной целью — УБИВАТЬ!

Нужно немедленно выбираться!

Но каким образом это сделать, если даже веки были сейчас не на его стороне? Как уйти от немедленной расправы?

Поиск ответа сразу же встал на первый план. Все остальное было уже неважно.

Левый поворот руля.

Автомобиль с удовольствием выполнил приказ водителя, отчего тело пассажира накренилось вправо, придавливая рядом сидящего громилу. А мгновение спустя, возвратилось в исходное положение. Здоровяк грубым толчком плеча вернул пассажира на прежнее место.

И снова бешено взревел мотор. Неистовый водитель утопил педаль акселератора в пол, всем своим действием показывая, что время в данный момент важнее всего на свете.

Оно неумолимо мчалось с той же скоростью, что и старенький автомобиль, если не быстрее. И никто на этом свете, уже не в силах был его остановить.

Еще несколько километров минуло позади, когда пассажир получил все же контроль над своим телом.

Веки, наконец, поддались, а память потихоньку толкала сознание.

«Куда меня везут?» — немой вопрос болью отозвался в шумной голове. Мысли лихорадочно бросались из стороны в сторону, но ответа не нашлось. Мелкая дрожь овладела телом, словно по спине поползла армия муравьев, оставляя за собой крупные мурашки. И вот тут пришла необыкновенная, но в то же время, реальная мысль: он умрет далеко от своего города, в неизвестном месте, и его труп никогда не найдут, словно человека попросту не существовало.

И вот тут стало по-настоящему страшно!

Пассажир приложил последнее усилие, и тяжелые веки разомкнулись.

Сквозь пелену затуманенных глаз он разглядел размытые очертания людей, сидящих на передних креслах автомобиля. Сам он располагался на заднем сидении, а два здоровенных амбала прижимали его с обеих сторон своими мощными телами так плотно, что сделать вдох полной грудью было проблематично.

На правом переднем кресле вольготно расположился еще один пассажир с красным платком, повязанным вокруг тонкой шеи.

Ну и, конечно же, водитель!

Толстый зрелый боров, словно готовящийся на убой. На мгновение мелькнула мысль: как эта туша вообще поместилась между сиденьем и миниатюрным рулем?

И будто услышав его мысли, толстяк мельком взглянул в зеркало заднего вида:

— Он пришел в себя! — глаза его еще больше расширились, словно он увидел живого призрака.

Человек с красным платком на шее тут же взглянул через плечо:

— Костя!..

Пассажир ощутил легкое жжение в правой руке, а потом волна невыносимой усталости прокатилась по измученному телу, создавая впечатление то ли полета, то ли падения. Веки вновь налились неподъемным свинцом, и мир в салоне старенького автомобиля тут же потух.

Небольшой домик на загородной даче одиноко располагался за пределами городской черты.

Большая комната обставлена слишком скромно для того, чтобы в ней кто-то постоянно проживал. Это место больше похоже на тайный пункт преступной группировки, где можно было назначать важные встречи, хранить что-то ценное, или вовсе залечь на дно.

В середине комнаты располагался небольшой стол, вокруг которого примостились четверо незнакомцев, и потрепанный диван, где в неудобной позе без сознания лежал человек. Руки его были туго связаны за спиной.

К комнате примыкала небольшая кухня, выполненная в обычном стиле. Столешница, ящички для всякой утвари, и газовая плита на четыре конфорки.

Простое и вполне себе неплохое жилище, если мерить его удобством и непредвзятостью к дешевому интерьеру.

Незнакомец с красным платком на тонкой шее, взял со стола сотовый телефон и набрал номер.

Несколько секунд он слышал монотонные гудки, после чего на другой стороне линии ему ответил грубый мужской голос.

Собеседник плотнее подтянул к уху телефон и сказал:

— Привет! Это Лихач. Объект упакован, ждем человечка!

В трубке послышалось радостное гудение, после чего человек в красном платке продиктовал адрес.

Собеседник на другой стороне линии не стал более затягивать разговор и тут же прервал связь.

Лихач осторожно положил сотовый перед собой и громко выдохнул:

— Будем ждать.

Все четверо переглянулись.

По правде говоря, им хотелось светить эту «хату». И уж тем более тащить сюда такого важного, но, самое главное, — опасного человека. И пусть на кону стояли большие деньги, (слишком большие, по меркам этого города), риск от провала операции — слишком велик, и никогда не оправдывает своих ожиданий! Если вдруг, по какой-то немыслимой причине, пленнику удастся выжить, то не только их тайному логову каюк! Этот человек, со связанными руками за спиной и накачанный сильным наркотиком, достанет всю четверку из-под земли, и хладнокровно убьет каждого и глазом не моргнув.

А этого ни в коем случае нельзя допустить!

Звонок в дверь раздался неожиданно. Никто и предположить не мог, что их наниматель прибудет так скоро.

Лихач положил на стол пистолет «макарова» и кивнул Косте.

Подельник без слов понял, что от него требуется. Он быстро встал из-за стола и осторожно подошел к двери.

— Кто там?

— Я прибыл за посылкой. — Голос за дверью уверенно ответил, после чего Костя щелкнул входным замком.

В прихожую шагнул высокий человек с густой черной бородой и короткими волосами. Незнакомец по телосложению ничуть не уступал амбалам, которые привезли пассажира в это тайное место. Уверенный взгляд серых глаз выдавал в нем матерого головореза. Таких личностей Костя видел не раз.

Незнакомец носил черную кожаную куртку, голубые джинсы и армейские ботинки. Несмотря на то, что сегодня был последний день весны, здесь в центральной части страны погода диктовала свои условия. Поэтому одеваться приходилось совсем не по-летнему.

— Я должен тебя обыскать. — Костя посмотрел гостю в глаза.

Незнакомец немного приподнял руки, как бы показывая, что он не имеет ничего против досмотра.

Быстрые руки амбала поверхностно пробежались по знакомым участкам тела, не найдя ничего подозрительного, и Костя освободил дорогу вечернему гостю, приглашая в комнату.

Незнакомец тут же шагнул в сторону большой комнаты:

— Добрый вечер. Меня зовут Макс.

Человек с красным платком на шее в ответ назвал свое погоняло, и произнес:

— Присаживайся, мил человек. Гостем будешь.

Лихач указал на стул, на котором до недавнего времени сидел Костя.

— Я рад твоему гостеприимству, но у меня не так много времени. А потому, сразу приступим к делу.

За спиной раздался сухой щелчок.

Звук взведенного курка Макс ни с чем не мог перепутать. Сколько раз он его слышал в беспроглядной тишине!

Тысячу? Или две?

Холодная сталь коснулась черных волос, и ствол уперся ему в затылок.

— Полегче, Костяныч! — Лихач, словно издевался. — Он все же наш гость. Присаживайся, любезнейший!

Незнакомец не стал спорить с головорезами и присел с ними за один стол.

— Бабок при нем нет! — доложил Костя.

— Вот как?! — удивился Лихач. — Что же ты за фрукт такой? Бабосиков ты не

притараканил, напев твой не похож на звонившего ранее чувачка. Может, объяснишь уважаемым людям, какого хрена тебе здесь надо!?

Последнюю фразу человек с красным платком на шее громко прокричал, и от его рыка, казалось, задрожали стены.

Незванный гость с густой черной бородой прекрасно осознавал, какая компания красовалась перед ним. Но, другого выбора не было. Дело предстояло довести до конца.

— Я пришел с миром. — Попытался убедить нервного парня Макс, кивком головы указывая на связанного, валяющегося на диване парня. — И так же тихо хочу уйти, забрав с собой этого человека. А потому, предлагаю тебе сделку.

Человек с красным платком на шее пристально посмотрел на своего собеседника:

— И что же ты готов мне предложить?

Макс выдержал укоризненный взгляд и спокойно ответил:

— Прощение.

Лихач сперва подумал, что ему это послышалось. Или незванный гость выдал не совсем уместную шутку. Но, приглядевшись в странные глаза Макса, тут же отбросил эту идею. Человек в черной кожаной куртке совсем не шутил. Его взгляд не просто просил об одолжении, он скорее умолял всю честную компанию, находившуюся в этой комнате, не делать глупостей, а просто согласиться на вполне обычные условия.

Макс положил на стол библию.

«Во, дела! Когда я обыскивал этого фраера, ничего такого при нем не было!» — подивился Костя.

— Это подарок. — Сказал человек в черной кожаной куртке. — Прочти ее. В книге ты найдешь ответы на все вопросы. Она избавит тебя от мучений, перед тем, как мир перестанет существовать.

Лихач не слышал его слов. Но самым паршивым было то, что он и не видел денег на столе перед собой. Незнакомый чувак приперся сюда в гордом одиночестве и завел разговор, смысла которого никто не мог понять.

— Ты решил меня кинуть? — слова выпорхнули изо рта, словно пикирующий коршун.

Человек с красным платком на шее схватил книгу со стола и быстро ее перелистал. Видимо, Лихач все же надеялся между страниц отыскать зеленые шелестящие купюры. И когда надежда умерла, он со злостью отбросил библию в сторону, и его глаза запылали пламенем ярости.

Лихач встал со стула и оперся обеими руками о большой стол.

Недовольное тело нависло над не прошеным гостем, стараясь бешеным взглядом сразить наповал чокнутого шутника.

В этот момент, связанный пленник пришел в себя.

Послышался тихий стон, донесшийся со стороны растрепанного дивана.

— Заткни ему пасть! — больше прокричал, нежели попросил своего кореша Лихач.

Амбал встал из-за стола и подошел к пленнику.

Удар в живот быстро успокоил связанного человека. Он лишь резко дернулся и снова притих на диване.

Глаза Макса блеснули ярким огоньком, и человек с красным платком на шее это увидел:

— Если хочешь забрать своего парня живым, не глупи! Оставь свои шутки для дешевых шлюх! — Лихач все еще нависал над сидящим гостем. — Я выполнил свое условие — достал Никеля, как и договаривались! Очередь за тобой! Где мои обещанные бабки?

Макс пристально смотрел на него, дивясь невыносимому безумию. Глаза Лихача демонстрировали его в полной мере, и не было места в его сердце ничему, кроме гнева и безумия.

Словно ад разверзся в его глазах.

Неиссякаемый и безудержный!

Человек в красном платке смотрел на незнакомца сначала вызывающе с неподдельным презрением. Но потом, мгновение спустя, взгляд его сменился, глаза расширились, и попытались выпрыгнуть на пол.

— Ты обыскал его? — в голосе Лихача явно прослеживались нотки недовольства.

— При нем ничего не было, клянусь! — оправдывался Костя. — Понятия не имею, откуда взялась, чертова библия...

— Плевать мне на библию! — закричал Лихач.

Он поднял со стола сотовый и набрал номер.

В трубке послышались длинные гудки. Никто не хотел выходить на связь, но, что интересно, сигнала вызова тоже не было слышно. А это могло означать только одно: незнакомец не имел при себе «мобилы».

Лихач нажал на кнопку «сброс» и положил телефон на стол.

Он молниеносно схватил «макаров» и направил на Макса:

— Кто ты такой, мать твою!?

Макс выжидающе ответил:

— Я пришел за тем парнем...

— Врешь! Иначе, Фома ответил бы на мой звонок!

Человек в кожаной куртке усмехнулся:

— Мертвые не могут говорить. Тебе ли не знать.

Глаза Лихача еще больше расширились:

— Ты больной ублюдок! Ты действительно пришел Фому?

Незнакомец не ответил. Он просто беспристрастно смотрел на человека с красным платком на шее, и не было в его взгляде ничего безумного или пугающего.

А вот взгляд закоренелого преступника Лихача выдавал совсем другие ощущения. Если Фома действительно мертв — беда нагрянет в это место не щадя никого на своем пути. Маленькая неприметная дача превратится в руины, а ее хозяйева запоют песнь под унылый похоронный марш.

Лихач передернул затвор «макарова»:

— А теперь, слушай сюда, придурок! Даю тебе последнюю возможность, чтобы вернуть бабки, которые мне пророчил Фома. Ты ведь увел у него зелень? Верно? По глазам вижу, что увел! Так вот! Бабки на бочку, и мы разойдемся, как в море кораблики. В противном случае — я тебя замочу! Не знаю, откуда ты их достанешь, но тебе лучше изобразить фокус-покус, как со своей библией! Я буду считать в обратном порядке, а когда закончу, надеюсь лицезреть «бабулики» прямо на этом столе. Усек?

Гость не ответил.

Тем не менее, Лихач запустил время:

— Пять... четыре... три... два...

Макс спокойно сидел за столом. В затылок ему смотрело дуло пистолета Кости. Время от времени оно касалось гладкой его шевелюры, отчего напрашивался вывод, что рука подельника Лихача нервно подрагивала.

А прямо перед собой Макс видел другой черный зрачок. И сегодня он выглядел не менее устрашающим, чем в те разы, когда неопытный противник позволял себе такую наглую выходку. Ах, если бы Лихач только ведал, сколько раз тыкали ему в лицо пистолетом! Сколько раз ствол упирался в живот, спину или висок! Тогда бы, несомненно, знал, что никто после такой наглой выходки никогда не оставался в живых.

— Один! — гордо прозвучало в большой комнате.

Так громко, что пленник со связанными сзади руками, очнулся и слегка повернул голову на звук.

Не дожидаясь выстрела, Макс дернул головой вправо, уходя из зоны поражения. Одновременно повернул корпус против часовой стрелки и оказался в удобной позиции для атаки.

Можно, даже сказать, интересной!

Оба противника теперь целились друг в друга, а Макс видел обе их руки с поднятым для выстрела оружием.

Удар снизу ребрами ладоней в запястья!

Хлесткий и болезненный.

Пальцы противников предательски разжались, и оба «макаровых» подпрыгнули к потолку, словно выполняя сложный цирковой трюк.

Что за безумная идея — всегда сопровождать взглядом выбитое оружие?

Сколько раз на памяти Макса, противник терял драгоценные мгновения и подвергался смертельной атаке.

Оружия больше нет! Забудь про него! И не мешкай, иначе погибнешь, так и не начав схватку!

Вот и сейчас, Костя и Лихач, с выпученными на лоб глазами, глядели на летящие кверху пистолеты.

Секунды замешательства и незнакомец в кожаной куртке встал из-за стола, улучшая позицию. Его руки раскинулись в стороны, и впечатали кулаки в грудь ошеломленным противникам.

Затуманенным взглядом, лежащий на потрепанном диване пленник видел, как Костя влетел в прихожую, переворачивая шкаф гардероба. Затрещала старая дверца, и массивный каркас накрыл его с головой.

В то же самое время, тело Лихача удачно воткнулось в грузную тушу водителя, все это время, смиренно сидевшего за столом. Старенький стул не выдержал, и ножки подломились под тяжестью двух тел. Его сидоки тут же распластались на полу, словно беспомощные букашки.

Четвертый подельник Лихача хотел было броситься на незнакомца, но то, что произошло в следующий момент, поразило его.

Макс с легкостью поймал подброшенные стволы, и вмиг оказался единственным вооруженным противником в этой комнате.

«Времена переменялись!» — как говорил один из героев известного кинофильма. С оружием в руках, незванный гость выглядел теперь, словно герой боевика. В каждой из ладоней он сжимал по «макарову» и холодные черные «зрачки» были направлены на человека с красным платком на шее.

— Я не хочу никого убивать! — прокомментировал ситуацию Макс.

Лихач смотрел на него без малейшего страха в глазах. На то он и городской авторитет.

— А зря! — Упрекнул он вечернего гостя. — На твоём месте, я бы сделал все быстро!

— Поверь, Лихач! Ты бы никогда не захотел оказаться на моём месте.

В прихожей шумно грохнулся шкаф — это Костя, выбирался из-под завала.

Даже грузный водитель, весивший, наверное, все сто пятьдесят кило, твердо встал на ноги. Тяжело дыша, словно старый дедуля с фибрилятором в сердце, он смотрел на Макса злостным взглядом. Кулаки его сжались, а физиономию перекосило так, словно часть его лица невольно парализовало.

Четверо против одного.

Для Макса это было пустяком. Даже не принимая в расчет огнестрельное оружие.

Возникла нехорошая мысль: задействовать оба «ПМ» и положить банду в считанные мгновения.

Но, выстрелы могли услышать.

Кто знает, может в это самое время по окраине города проезжает патрульный автомобиль, и миг услышит грохот «макаровых». Служители закона тут же ворвутся на территорию одиноко расположенной дачи, и нарушат все планы человека в кожаной куртке. А такое позволить он себе просто не мог.

Вечерний гость виртуозно отстегнул магазины и передернул затворы. Натренированные пальцы быстро разобрали на части оружие, и пистолеты, рассыпаясь на мелкие детали, рухнули на пол.

Вот это поворот!

Банда Лихача не ожидала подобного подарка. Человек в кожаной куртке остался с ними один на один в запертой комнате, и что самое интересное — не спешил уходить.

— Замочите его! — Лихач закричал, словно умалишенный.

И Макса атаковали сразу с двух сторон — амбал, что минуту назад бил связанного пленника и громила, которого прозывали Костей.

Первый удар принял на себя амбал. Его кости затрещали, когда вечерний гость с силой ударил его ногой в грудь. От такого натиска, боец Лихача отлетел назад, и грохнулся на связанного пленника.

В этот момент сзади набросился Костя, тяжелой тушей повиснув на плечах. Его руки обхватили шею незнакомца и попытались провести удушающий прием. Хватка была железной. Еще мгновение и противник рухнет на пол под тяжестью крепкого тела и нехватки в легких кислорода.

Но реакции Маска впору было позавидовать!

Он затылком ударил бойца в нос. Раздался неприятный хруст, и кровь ручьем хлынула на лицо.

Костя заревел, словно раненый бык и на мгновение ослабил хватку.

Всего лишь на одно мгновение!

Но, этим замешательством человек в кожаной куртке воспользовался в полной мере. Макс вырвался из объятий противника, схватил того за руку и выполнил болевой прием.

Боец согнулся в три погибели и отдал накачанное тело в распоряжение вечернего гостя.

Макс ударил дважды.

Первый раз кулаком в область солнечного сплетения, а второй — ребром ладони в шейный отдел.

Все произошло настолько молниеносно, что Лихач с водителем не сразу осознали, как двое из банды распластались на полу просторной комнаты. Амбал, преодолевая боль, все

еще пытался встать на ноги, а его соратник без сознания лежал в прихожей, всем своим видом показывая, что рассчитывать на его помощь уже не стоит.

Толстый водитель не стал дожидаться, когда незнакомец атакует его скромную персону, и первым бросился в схватку. Его жирная туша попыталась обогнуть большой стол и приблизиться к странному гостю, но Макс не позволил этого сделать.

Он схватил деревянный стул, на котором сидел пару мгновений назад, и бросил в противника.

Этот дерзкий прием возымел великолепный эффект. Стул врезался в мордovorота, разлетаясь на куски и превращая лицо в кровавое месиво.

Жирный водитель схватился за разбитую физиономию, потом застонал, словно раненый зверь, и, наконец, осел на пол, пачкая все вокруг красной жижей.

Лихач стоял в недоумении.

Человек в кожаной куртке в одно мгновение положил всю его банду голыми руками. А были времена, когда против них не могли устоять десять крепких парней. Когда вся окраина дрожала перед одним только его погонялом. Его бойцов боялись и уважали, а территорию, находившуюся под его крылом, не трогал даже Фома.

— Отдай мне парня, Лихач! — голос вечернего гостя уже не отличался добротой. — И я покину это место с миром!

«Как же, с миром!» — усмехнулся Лихач.

Человек с красным платком на шее не сразу сообразил, что находится на территории кухни. А это значило, что за его спиной располагалось холодное оружие, и этой возможностью стоило немедленно воспользоваться.

Амбал поднялся на ноги, все еще продолжая тяжело дышать. За спиной Макса закричал Костя, приходя в сознание, да и толстый водитель, сплевывая кровь, ухватился за край стола. Ему приходилось тяжелее всего, и не только по причине лишнего веса.

Макс видит, как странно пятится в сторону кухни Лихач. Как злобно блестят его глаза, и бьется холодное сердце. И человек в кожаной куртке понимает, что сейчас произойдет.

— Не делай этого!

Лихач его не слышит. Он резко поворачивается назад и тянет из стола верхний ящичек. Тянет настолько резко, что тот срывается с направляющих и остается в его руке.

Макс хватается обеими руками за край большого стола и толкает его в сторону Лихача.

В руках головореза появляется ящик с кухонной утварью. Что там — никто наверняка не знает. Но каким-то внутренним чутьем, вечерний гость понимает — что-то страшное должно сейчас случиться.

Сколько раз он чувал в воздухе подобную опасность! Сколько душ кричало в непроглядной тьме. И сколько тел они покидали, когда воздух вокруг наполняла эта симфония.

Смерть! — пришло в голову единственное верное слово.

Боль! — повторила ясная мысль.

Страдание! — эхом прозвучали слова, сказанные перед гибелью одним величайшим человеком.

— Прости раба своего, Боже! — закричал Макс, так что содрогнулись стены. — Я верую в тебя! Верую во единого Бога! И никто, кроме тебя мне не указ!

И в этот момент край стола врезается в спину Лихача.

Человек с красным платком на шее взвыл, словно лесной волк на луну. Из рук

выпрыгнул деревянный ящик и взмыл вверх, выбрасывая на волю кухонную утварь.

Лихач выбрал ящик наугад. Неизвестно, случайно или по чьей-то доброй воле, в нем прятались кухонные ножи.

Разного цвета и масти, словно неизвестный найфоман собирал их коллекцию много лет.

Штук десять-двенадцать лезвий метнулись к потолку, как не далее чем несколько мгновений назад, стволы Лихача и Кости.

Амбал уже крепко стоял на ногах. Жирный водитель, измазывая кровью краешек стола, поднялся над гладкой крышкой. Костя пришел в сознание и приготовился вновь вступить в схватку с незнакомцем.

Все, включая самого Лихача, заворуженно смотрели на блестящий фейерверк ножей. Дивились этому действию и на время поверили в Бога, о ком только что упомянул Макс.

Бога, который послал им такой ценный, но необходимый подарок.

Все, кто находился сейчас в комнате, исключая связанного парня на диване, бросились к столу. Именно на его гладкую поверхность должны посыпаться кухонные лезвия, словно орехи в сильный порывистый ветер.

И пусть это не грозные пистолеты, бесполезными деталями валяющиеся на прочном паркете. Их уже не собрать воедино.

Кухонные ножи являли собой не менее грозное оружие. С голыми руками против него не попрешь!

Коллекция ножей на секунду зависла под старым потолком и россыпью ринулась вниз. По гладкой поверхности стола застучали железные лезвия, угрожающе напоминая о своем непосредственном участии.

Подельники Лихача бросились к столу. Крепкие руки не сжимались в кулаки, не являли собой грозные кувалды накачаных бойцов. Они желали завладеть сейчас более опасным оружием. Кухонный стол теперь являлся для них зоной боевых действий.

Кто быстрее, тот и прав!

Два острых ножа воткнулись в деревянную поверхность. Остальная громада беспомощно рассыпалась по столу.

Амбал первым схватил лезвие, и выдернул из столешницы. Дерзким блеском сверкнуло оно в крепких руках, обозначив первого вооруженного противника.

В следующий момент, Костя подоспел к снаряженному столу и запустил свои длинные руки. Часть ножей скользнули по гладкой поверхности и соскочили с края стола на пол, неоднозначно намекая, что на их скромные персоны уже не стоит надеяться.

Макс был последним.

Его рука ухватила короткое лезвие. Нож с благосклонностью принял своего хозяина и удобно нырнул в область раскрытой ладони.

Схватка предстояла нешуточная!

Человек в черной кожаной куртке первым атаковал, предупреждая удар рядом находившегося противника.

Нож с важной наивностью воткнулся в плечо Кости.

Противник заревел, словно раненый зверь. Просторная комната озарилась громогласным звуком, будто раненое животное проникло в помещение.

Костя схватился за руку с раной в плече, выпустив из пальцев нож.

Макс быстро его подхватил, оставляя свой клинок в теле головореза.

В ярком свете комнаты блеснули ножи Лихача и амбала, прорезая воздух в том самом

месте, где мгновение назад находилась голова вечернего гостя. На мгновение Макс показалось, что лезвие Лихача коснулось мочки его уха.

Незнакомец рубанул наотмашь и нож в его руках прочертил немислимую траекторию. Лезвие оставило легкий след на щеке амбала, и кровь брызнула на поверхность стола.

Снова атаковал человек с красным платком на шее, при поддержке жирдяя. Толстый водитель обзавелся хорошим клинком с зазубренным лезвием. Попасть под его горячую руку — означало бы немислимые страдания. Клинок с легкостью оставит рваную рану на теле, и тяжело придется его жертве. Можно с неумолимой быстротой умереть от потери крови прямо на этом столе.

Следом опомнился Костя.

Он не стал тратить время на извлечение лезвия из поврежденного плеча, а поднял увесистый нож пола. Опираясь о края круглой столешницы, Костя поднялся на ноги, преодолевая боль и атаковал. Вернее, попытался изобразить что-то наподобие острой атаки. Невыносимыми страданиями отозвалось правое плечо, заставляя поврежденную руку беспомощно повиснуть вдоль тела.

Противников было все еще четверо. И Макс до чертиков надоело это представление.

Времени оставалось все меньше и меньше, а звуки борьбы могли услышать на улице случайные свидетели. Полиция была бы сейчас не самым удобным свидетелем предстоящего покушения.

Шутки в сторону!

Вечерний гость атаковал во всю свою мощь.

Лихач выбросил руку слишком далеко и Макс успел схватить его за запястье. Быстро потянул на себя, и беспомощное тело примостилось на поверхности стола.

Макс воткнул свое лезвие в предплечье главаря банды. Лихач закричал, словно раненый зверь, потому что нож пригвоздил его руку к столу.

В этот самый момент, его подельники подняли клинки над столом и со злостью попытались наказать незнакомца.

Но, Макс был готов!

Холодное оружие засвистело на фоне большой комнаты.

Пленник, лежащий на потрепанном диване, сквозь пелену затуманенного взгляда, видел, как сталь соприкоснулась со сталью. Зазвенели клинки, звонко высекая искры из обнаженного оружия. И смерть не заставила себя долго ждать.

Макс владел ножами не хуже его самого. Глубокие порезы противников плескали кровью в разные стороны. Поврежденные части тела кричали от боли и просили пощады. Но сегодня незнакомец не жалел никого!

Первым под стол упал жирдяй водитель, когда лезвие раскрыло его горло от уха до уха. Грузная туша перевернула столешницу, заставляя противников отшатнуться назад.

Оставшиеся на поверхности ножи, сыпались на пол, создавая предательский шум внутри большой комнаты.

Костя попытался нанести рубящий удар, будто в руке у него был не нож, а короткий меч. Макс ушел в сторону и воткнул лезвие прямо в его грудь.

Противник захрипел и медленно опустился на пол вслед за тучным водителем.

Лихач и амбал атаковали почти одновременно. Их ножи зловещим ужасом блеснули перед глазами Макса.

Вечерний гость сделал пару шагов назад и тут же «ответил».

Разворот.

Нырок под руку противника.

И хладнокровное убийство!

Клинки ловко воткнулись в горло каждому противнику, и на этом короткая схватка была окончена. Лихач и амбал беспомощно сползли под ноги, захлебываясь своей же кровью, и лишь человек в кожаной куртке твердо стоял на ногах.

Его лицо, окропленное кровью подельников Лихача, выглядело сейчас не лучшим образом. Увидев его в темноте, любой житель города немедленно бы принял его за местного бандита. А местная полиция не заставила бы себя долго ждать.

И когда незнакомец приблизился к связанному человеку на диване, тому стало по-настоящему страшно. Его окровавленное лезвие поднялось, словно карающий меч. Лицо изобразило дерзкую ухмылку, и пленник заведомо распростился с жизнью.

Вопреки этому, нож «убийцы» не стал отнимать жизнь молодого парня. Он резво резанул веревки на руках, и путы упали на пол.

Пленник был свободен.

— Нам нужно идти, Николай.

Незнакомец знает его имя. Зачем он последовал за ним в это убогое место? Зачем уничтожил банду Лихача? Зачем устранил авторитета Фому?

Вопросов было много, а ответа — ни одного!

Но, нужно отдать должное человеку в кожаной куртке!

Владению холодным оружием он не сравнится ни с кем! Так ловко и беспринципно устранить четверых преступников — дорогого стоит. А как он распустил на детали «макаровы», уму непостижимо!

Пленник с трудом поднялся на ноги:

— Тебя прислал Мамонт?

Макс понятия не имел, кто такой Мамонт, но утверждающе кивнул. Основной его задачей сейчас было доставить Николая в укромное место. Никто в целом мире и представить не мог, что их жизни зависели от того, насколько быстро они достигнут места назначения, и скроются от посторонних глаз.

Выходя во двор, и придерживая за плечи бывшего пленника, человек в кожаной куртке молил Господа, чтобы их не заметили.

Уже спустилась глубокая ночь. Луна метнулась на небо, предательски освещая двух путников, один из которых был забрызган чужой кровью, а другой с виду не особо соображал, где находится.

Макс дотащил Николая до машины и бросил на заднее сидение старенького «мерседеса». Потом примостился на водительское сиденье и с удовольствием выдохнул.

Время на часах показывало: 23:42, и ни одной души не оказалось в округе.

Макс затих на водительском сидении автомобиля.

Никто не пытался его преследовать. Никто не торопился убить, и ни одна живая душа не знала о том, что Парамонов Николай Сергеевич теперь не пленник банды Лихача, а самый что ни на есть свободный человек.

До определенного времени.

И на определенных условиях.

Его обмякшее тело лежало на заднем сидении старенького «мерседеса», что был позаимствован у одного очень приличного человека. Его мысли были чисты и прекрасны,

потому что наемный убийца находился в руках Макса. И его сознание могло смело покориться сладкому сну, доверяя свою жизнь самому опасному противнику, которого Николай видел на своем пути. Если незнакомец не стал его убивать, то он, скорее всего, важен ему. Иначе спасти обреченного убийцу на смерть — не имеет никакого смысла.

Пленник благодатно закрыл глаза, понимая, что эту ночь ему все же удалось пережить, а услышав сквозь туман поврежденной мысли, рев старого движка, наемный убийца по кличке Никель и вовсе провалился в небытие.

Макс поглядел в зеркала заднего вида, опасливо озираясь, и старенький «мерседес» покинул территорию загородной дачи.

Никто не преследовал его.

И это был хороший знак.

Глава 2. Сделка с Богом

Николай разлепил глаза.

Какого невероятного труда стоило ему, чтобы веки разомкнулись и позволили осмотреть неизвестную комнату.

Он лежал на просторной кровати, раскинув руки. Такого удобного положения он не принимал с тех пор, как выслеживал брата Фомы.

Где только не удавалось ему прикорнуть! В холодном лесу среди пышного лапника; на неудобном сидении своего «фольцвагена» или на досках опустелого сарая.

Брат Фомы — Елизар, никогда не останавливался надолго в одном месте. Он словно чувствовал, что за ним охотится наемник. Охрана менялась все чаще, не давая ни малейшего шанса потерять бдительность сменяющейся бригаде. Патрулировала территорию на протяжении всей ночи, и честно выполняла возложенные на нее обязанности.

Никель по пятам следовал за Елизаром. Как только появлялся удачный шанс приблизиться к брату Фому, он непременно им воспользовался. Но честно отработывая свой хлеб, охрана авторитета была начеку. Ближе, чем положено, никому на этом свете не удавалось проникнуть в святую обитель подлого головореза.

И все же охрана ошиблась!

Усталость должна была когда-то дать о себе знать.

Утомленные постоянной бдительностью бойцы все же нарушили распорядок смены постов. Казалось бы, ничего страшного в том, что на долю секунды кусочек земли останется без пристального взгляда, но Парамонову достаточно было и того!

Он проскользнул, словно мышь, обходя все злополучные места, и оказался один на один с закоренелым преступником.

Глаза Елизара источали настоящий страх. Никто в этом мире не смог бы тогда ему помочь. Он знал, кто этот убийца! Знал давно! Он чувствовал, что Никель идет по его следу, и рано или поздно доберется до своей жертвы.

Ведал Елизар и то, что его бойцы убили тогда молодую девушку с маленьким ребенком. Свидетелей он никогда не оставлял в живых. Правда скрывалась долгие три года, а когда всплыла на поверхность — никакие Высшие силы уже не могли остановить опытного убийцу.

Парамонов Николай Сергеевич, долго служивший верой и правдой самому Фоме, не мог смириться со своей потерей, и использовал свои навыки против него самого. Не напрямую, конечно! Он не стал убивать громкого авторитета только лишь по одной причине — Фома не был причастен к подлому убийству молодой девушки и ее ребенка.

Он наверняка знал, кто за всем этим стоит.

Елизар должен был умереть!

Никель использовал кухонный нож, как давеча орудовал им незнакомец в просторной комнате. Брат Фомы даже не пискнул, когда лезвие чертило ровную линию от уха до уха, и бдительная охрана не подозревала, что же сейчас происходит в соседней комнате.

Парамонов бежал через боковую дверь особняка, петляя меж клубных растений.

Он прятался от возмездия Фомы в самых дальних уголках страны. Пытался залечь на дно в одном из самых неприметных городов, и ждал, пока утихомирится злобный авторитет, понимая, что Елизар сам себе напророчил ответную месть.

Но, Никель рано оставил свое укрытие.

Черт его дернул связаться с лучшим другом, пытаясь разведать напряженную обстановку. В суеде бесконечных скитаний, терпению пришел конец! И уставший от безумной беготни мозг подвел Парамонова. Он не сразу разобрал, что к чему. Кому стоит доверять, а кого все же придержать на расстоянии.

Лучший друг выдал его местоположение, опасаясь потерять и свою семью. Словно коршуны набросились на Никеля головорезы Лихача, отработывая дорогой контракт.

Все в этом мире старались прогнуться под Фому, тем или иным способом, угождая авторитету. Хотели броситься на поиски неуловимого убийцы, только лишь за тем, чтобы в очередной раз порадовать «господина».

Лишь только Мамонт тайно шел по следу Никеля. Он получил весточку от наемного убийцы и решил помочь. Старый знакомый оказался преданнее, чем лучший друг.

Банда Лихача схватила обессиленного парня и отвезла в тайное место, где должна была передать в руки Фомы. И в этот момент появился Макс. Безумный гость в кожаной куртке устроил настоящую бойню на загородной даче, и спас безнадежного пленника.

Николай приподнялся на кровати и окинул взглядом комнату.

Ему показалось странным, что помещение было абсолютно пустым. Точно в центре располагалась его кровать и больше ничего. Ни шкафа, ни тумбочки, и на худой конец, даже зеркала он не увидел.

Кто вообще обустроивает свое жилище подобным образом?!

Николай прошагал к деревянной двери и приоткрыл ее.

Все, о чем можно судить с первого взгляда — это то, что комната находилась на верхнем этаже. Большая деревянная лестница вела вниз, оканчиваясь огромной прихожей.

Справа, видимо, была дверь на улицу. А слева — кухонное помещение.

И в этом месте явно прослеживалось какое-то движение.

Никель не успел разобрать, кто же так громко передвигается по кухонному помещению, потому что голос снизу громко заявил о своем присутствии:

— Спускайся сюда, Николай. Я заварил чай!

Голос точно не принадлежал Мамонту.

Парамонов осторожно спустился и проследовал на звук неизвестного голоса. Незнакомец попросил его сесть за стол.

Чашка горячего чая на время отрезвила пленника, но никак не освежила память. Человека напротив Николай не знал.

— Меня зовут Макс. — Предугадав его вопрос, сказал незнакомец. — Сразу предупрежу, что ты мой гость, но никак не пленник. Ты волен делать все в моем жилище, в пределах разумного, конечно. В том числе и беспрепятственно покинуть его. Но сразу оговорюсь! За тобой по пятам следует вся местная братва. Они с удовольствием разделают твой труп, словно пойманного кролика, а потрохами накормят бродячих собак! На сегодняшний день, самое спокойное место — здесь!

— Звучит, как угроза. — Неприятно выпалил Парамонов.

— Что ты, что ты! — Макс картинно поднял обе руки. — Я не собираюсь тебе угрожать. Я лишь хочу сказать, что я друг. И на какие жертвы пошел, чтобы тебя выволить из лап Лихача и Фомы. Ты ведь надеялся не на меня, верно?

Николай промолчал.

— Ты желал видеть Мамонта. — Незнакомец теперь уже без кожаной куртки, знал

ответы на все вопросы.

Парамонов долго смотрел на своего спасителя:

— Кто ты такой?

Макс развел руками:

— Я твой спаситель! Но сразу обозначу все рамки. За этими дверьми тебя ждет свобода. Но надолго ли? Сколько времени ты протянешь за пределами этого дома. Пока какой-нибудь твой знакомый снова не сдаст тебя с потрохами местному авторитету?

— Он был моим лучшим другом! — то ли с гордостью, то ли с сожалением заявил Николай.

— Думаешь, я не знаю об этом? Друзья могут быть разных сословий, понятий и рас. Кто-то ценит дружбу больше своей жизни, а кто-то наоборот...

— Они хотели убить его семью! — словно оправдывал друга Никель.

— А ты бы предал друга? — Макс укоризненно посмотрел на собеседника.

— Нет. — Слишком тихо, но самое главное, честно ответил Парамонов.

Незнакомец долго всматривался в его лицо. Слишком долго, как показалось Никелю.

— Тогда уходи! — внезапно сказал Макс и встал из-за стола.

Никель пожал плечами:

— Ты ведь не за этим меня освободил?

— Это уже неважно. Твои вещи в комнате напротив. Одевайся и уходи!

Парамонов смотрел непонимающим взглядом, крепко держа в руках кружку чая. Зачем Макс вызволил его из лап банды Лихача, устроив жестокую расправу? Для чего такие жертвы, если он ему оказался не нужен? Что двигает этим человеком? И что ему от него было нужно?

— Я хочу, чтобы ты ответил на мой вопрос. — Спокойно попросил Никель. — Ты проделал долгий путь, выслеживая меня и банду Лихача. Ты устранил Фому, значит, до его авторитета тебе нет дела. Но самое непонятное в этой истории — ты спас наемного убийцу, крича во все горло: «Прости раба Божьего!». Думаешь, Бог заботится о таких людях, как я? Как прикажешь тебя понимать?

Макс застыл на месте, не зная, что ответить. Вернее он знал, как объяснить Николаю, что же произошло, но какая-то неведомая сила удерживала незнакомца от грубой ошибки.

— Я хотел предложить тебе сделку. — Выпалил Макс.

— И что же тебе помешало?

— Я искал человека, нарушившего все мыслимые и немыслимые законы. Я искал того, кем можно не раздумывая пожертвовать. Но не уверен, что поступаю сейчас правильно!

— Что за сделка? — Николай, словно пропустил мимо ушей последнюю часть разговора.

Макс с укором посмотрел на собеседника:

— Тридцать тысяч евро. Наличными.

У Парамонова округлились глаза:

— Нужно кого-то завалить?

Незнакомец снова сел за стол и опустил глаза. Он долго раздумывал. Взвешивал все «за» и «против», и наконец, решился:

— Ты не подходишь для этой работы.

— Это еще почему?

— Ты хороший человек. Жаль, что я сразу этого не понял.

Никель усмехнулся:

— Наемный убийца, столько лет, служивший верой и правдой местному авторитету, хороший человек? Это что-то новенькое!

— Ты не понимаешь! — заезженная фраза. Никель не обратил на нее внимание.

— Я хочу заработать тридцать тысяч евро! Так что ближе к делу.

Макс поднял голову:

— Я никогда не добьюсь прощения. — Слова звучали, словно из далекой бездны. — Я выбрал не того человека. И теперь горько об этом сожалею!

— Сожалеть будешь потом! А пока, поведай мне детали предстоящей работы. Мне очень нужны эти бабки, пойми! Я залягу на дно, и подельники Фомы меня никогда не найдут! — негодовал Никель.

Макс в очередной раз посмотрел в его доверчивые глаза:

— Ну, хорошо! У меня больше нет времени на поиски. Я сделал все возможное, чтобы найти подходящего человека. И надеюсь, что ты меня не подведешь!

— К твоему сведению, я всегда выполнял поставленную задачу, чего бы мне это ни стоило!

— Я все это знаю, Николай! Думаешь, я пустился по твоему следу, не понимая, кто ты такой? Ты — наемный убийца! На тебе самый большой грех, который можно себе представить. Скольких людей ты лишил жизни, выполняя поставленную задачу?

Николай закатил глаза:

— Двенадцать. Может, тринадцать.

— Вот именно! — укоряюще сказал Макс. — Твоя душа черна́, словно тьма в позднюю осеннюю ночь. Ты погубил столько душ, и многие из них, поверь, не заслуживали такого наказания...

— Нашелся, святоша! — перебил его Никель. — Не далее, как вчера, я видел, как ты хладнокровно замочил четверых подельников Фомы, и глазом не моргнул!

— Я выполнял свою работу!

— Я тоже! — парировал Пармонов.

— Вот именно поэтому я выбрал тебя из всех возможных кандидатов. — Объяснил Макс. — Но, увидев твою истинную сущность, я вскоре отказался от этой затеи. И знаешь почему?

— Понятия не имею.

— Я не смогу принести в жертву достойного человека! Бог меня не простит!

Никель усмехнулся.

Наемный убийца, долгое время, служивший на самого громкого авторитета, никогда не был так ценен для кого-либо. Мало того, он не мог даже мечтать, что его драгоценная душа, могла кого-то интересовать больше, чем Фому.

— Я отработаю эти «бабки», что бы ни случилось! — твердо заявил Пармонов. — Я смогу выполнить любую задачу, и ты об этом знаешь!

— Ты даже не представляешь, что тебя ждет! — пытался переубедить его человек в кожаной куртке.

Никель глотнул из красивой кружки и пристально посмотрел в глаза незнакомцу:

— Я выполнял самые безумные задания. Прятался в терновнике, разрезая руки острыми шипами. В мое тело впивалась сухая солома, оставляя характерный след. В меня стреляли из семи разных видов оружия, пытались убить самым изощренным методом, который здравому

человеку и в голову не может прийти! И вот я сижу перед тобой, живой и невредимый! Думаешь, мне не по силам выполнить твоё задание?

— Я не сомневаюсь в твоих способностях! Но, это не совсем то, к чему тебя готовили все это время. Основная задача для меня будет состоять в том, чтобы убедить тебя, а тебе — поверить в мои слова, и происходящее вокруг.

Николай склонил голову в удивленной гримасе. Незнакомец говорил загадками, и эти загадки предстояло разгадать немедленно:

— Скажи, что нужно сделать?! Остальное я беру на себя!

Макс вдохнул медленно и глубоко.

Его закаленное сердце забилося с удвоенной частотой. Никогда в своей жизни, он и мог предположить, что человек с такой отрицательной репутацией согласится на данное условие. Хотя, по сути, он ему ничего еще не предложил.

— Тебе просто нужно поверить! — еще раз предупредил Макс. — Далекое не каждый человек согласится на то, что предстоит тебе. В той комнате, откуда ты вышел ранее, тебе придется провести три ночи. Не буду обманывать, — долгих три ночи! В это время, к тебе наведется необычный человек, чтобы переманить на свою сторону. Ты должен задать вопрос: зачем я тебе нужен? И получить внятный ответ. Если информация меня устроит — ты заработаешь тридцать тысяч евро и будешь волен идти на все четыре стороны. Когда это произойдет? В первую, вторую или третью ночь, решать не мне. Все зависит от желания ночного гостя.

— И это все? Лишь за этим ты вытаскивал меня из цепких объятий Лихача?

— Все не так, как на самом деле кажется. Ночной гость придет не через входную дверь. Он просочится из твоего сознания, и ты должен быть к этому готов!

Николай пристально посмотрел в глаза Максиму.

На его веку было не так много шизофреников, кто возомнил себя Наполеоном или поручиком Ржевским. Королем, принцем, графом, бароном и хрен знает еще какой личностью, но никогда Никель серьезно не общался с ними, не говоря уже о том, чтобы работать с такими особями.

— А если, ночной гость так и не появится? — вопрос заслуживал ответа.

— Ты все равно заработаешь тридцать тысяч евро. Но, поверь моему опыту, он появится. Обязательно появится!

Деньги были неплохими. Но провести время с не вполне адекватным человеком, не совсем прельщало Николая. Шизофреник был полностью погружен в свои виртуальные мысли и мог спокойно убить своего знакомого, друга или даже наемника. Кто знает, какая часть мозга дала сбой, и какую жестокую расправу планирует сейчас собеседник.

Не далее, как вчера, его возбужденное тело приняло бой в просторной комнате. И результатом сего явились четыре трупа пусть и не совсем законопослушных особей.

Макс обращался с холодным оружием не хуже мастера восточных единоборств. Банда лихача в мгновение ока полегла на загородной даче, и от нее теперь остались только воспоминания.

— Я не совсем понимаю, что нужно от меня. — Осторожно сказал Николай.

— Ты станешь важным звеном в нашем деле. Проще говоря, твоя душа принадлежит дьяволу, как бы тебе не хотелось думать по-другому! Ты убийца и на тебе огромное количество жертв. Ты сам это знаешь! И, если нам удастся убедить темные силы, что ты готов перевернуться на другую сторону, они придут за тобой. Это здоровая конкуренция!

Своего человека они ни за что на свете не позволят отдать в распоряжение Бога. А потому, изо всех сил станут переубеждать тебя сменить направление. Будут просить, умолять, или предъявлять особые доказательства, что их обитель — лучшее место для твоей души. Только ты им не верь! Спроси лишь, что они предложат тебе взамен, и каковы их убедительные доводы. Я должен знать всю историю твоих переговоров. В этом городе происходит что-то странное. И причиной этому смерть одного из наших знакомых!

— То есть я, находясь в комнате на верхнем этаже, должен вступить в контакт с «нечистыми» силами и, словно шпион, выведать у них информацию? — глупее идеи Никель в своей жизни не слышал.

Шизофрения быстро отодвинулась на второй план.

Теперь в голове Парамонова мелькало одно лишь слово — «Безумие»!

— Я понимаю, для тебя звучит это немного странно...

— Немного странно?! — Никель был вне себя от ярости.

Сначала он подумал, что это была неудачная шутка. Но, пристальнее всмотревшись в глаза Макса, Николай вдруг понял, с каким сумасшедшим человеком сейчас разговаривает. И перечить ему в данный момент было себе дороже.

— Покажи «бабки»! — твердо сказал Никель.

Макс, недоверчиво качая головой, встал из-за стола.

Он приоткрыл дверцу кухонного гарнитура и достал с полки связку хрустящих купюр. Желтые листочки ценной бумаги были стянуты обычной банковской резинкой.

Макс положил их на стол.

— Здесь десять тысяч! Пятьдесят купюр достоинством в двести евро. Это третья часть твоего гонорара. Но ты не получишь его, проведя в комнате всего лишь одну ночь. У тебя только два выбора — либо ты получаешь тридцать тысяч за три ночи, либо не получаешь ничего. И ответ мне нужен немедленно!

Никель задумался.

Теперь слова Макса не совсем походили на сумасшедшего. Он внятно объяснял идею, четко ставил цели и что важно — показал настоящие купюры! Хотя подлинность их еще нужно было проверить.

— Я согласен! — слишком гордо прозвучало из уст Парамонова.

Слишком гордо и слишком быстро, чтобы Макс смог поверить в правдивость его слов. Своим согласием Никель начинал свою неизвестную для него игру. И с каждым его очередным взглядом, сомнения на этот счет улетучивались все дальше и дальше.

Но выбора не было. В таких жестких условиях решение приходилось принимать немедленно:

— Я покажу, что нужно делать.

Макс вытащил из кармана лист бумаги и передал его Николаю.

— Что это? — спросил Парамонов.

— Это твоя защита. Прочитай внимательно, и запомни порядок слов.

И Макс протянул свернутый лист бумаги Никелю.

Парамонов развернул рукопись.

«Верую!» — прочитал первое слово на потертом клетчатом листе Николай.

— Это молитва... — Наемный убийца неуверенно пробормотал.

— Конечно, это молитва! — убедительно подтвердил его слова незнакомец. — А ты думал, это ритуал «Черной магии»? Не относись так халатно к словам Господа. Придет

время, и они могут спасти твою Темную душу!

Никель покачал головой:

— Это не слова Господа. Это чернила на обычном листе бумаги, и боюсь ошибиться, но они оставлены твоей рукой. Верно, Макс?

— Ты прав, Николай! Эти письма оставлены моей рукой, но при поддержке глубокой веры. Для тебя это просто слова, но для верующего человека — это смысл жизни. Твоя задача заключается в том, чтобы выучить порядок слов и отправиться в свою комнату. Дождись гостя или гостью, не знаю уж, кто к тебе нагрянет, но ты должен с ним поговорить. Эта информация очень важна для меня! Другого способа, достать ее, нет!

Красивые слова лились из уст Макса, словно великое блаженство. И не будь Никель таким прагматичным и осторожным человеком, с удовольствием поддался бы на сладкие речи незнакомца. Распластался бы на полу ниц перед Всевышним Владыкой, головою стуча в начищенный паркет.

Но Никель был наемным убийцей.

После предательства друга, он предпочитал не верить на слово всякому, льющему ему в уши беспорядочную чушь, индивидууму. Парамонов предпочитал верить в то, что видел своими глазами, даже если это не вязалось с естеством нашего мира.

И набор непонятных слов на клетчатой потертой бумаге, никаким образом не мог ему помочь против выдуманного врага. Ему нужно было оружие посильнее! Пистолет «Макарова» или автомат «Калашникова» реально подойдет!

Но оружия в доме не было.

Сквозь пелену затуманенного взгляда, Николай помнил, как Макс виртуозно разобрал стволы на мелкие детали, и они с грохотом повалились на пол той самой комнаты, куда его связанного привезла банда Лихача.

Никель взял лист бумаги и положил в карман джинсов.

Молитва, так молитва! Не всякий раз предлагают за нее тридцать тысяч евро.

— Я сделаю, как ты скажешь! Но у меня к тебе остался один вопрос!

— Задавай!

— Скажи честно! Что, мать твою, произойдет в той комнате!?

— Не нужно ругаться, Николай. — Остановил его Макс. — Я тебе все подробно объяснил...

— Ни хрена ты мне не объяснил! — взорвался Никель. — Я вообще не понимаю, что происходит! Ты сказал: ко мне в комнату нагрянет незнакомец? Верно?

— Ну, что-то в этом роде...

— Что-то в этом роде? Как тебя понимать, дорогой Макс?

Собеседник тяжело вздохнул.

Как объяснить человеку то, во что он отказывался верить?

— Я тебе все уже сказал, Николай. Больше информации я тебе предоставить не в силах. По одной простой причине.

— И по какой же?

— Больше мне ничего не известно. Я нахожусь в таком же неведении, как и ты. Мне известно только одно — в течение нескольких дней что-то должно произойти. Что-то очень плохое.

— И это связано с потусторонним миром?

— Нет! Это напрямую связано с нашим миром!

— Конец Света! — предположил Никель.

И Макс в его слова услышал насмешку.

— Возможно и это. До конца никто не знает. Вот почему я нанял тебя.

— А что же ты сам не поговоришь с этим незнакомцем?

Парамонов взглянул в глаза собеседнику.

— Я не могу этого сделать. Они знают меня в лицо. И знают, что я не на их стороне.

— Кто это «они»?

Макс замялся.

Он мог бы объяснить это любому верующему человеку. Но только не наемному убийце, у кого Бога в душе было меньше, чем капелек росы на траве под палящим солнцем.

— Я не знаю, кто к тебе навещается, но точно уверен, что со мною они говорить не станут. И даже не по той причине, что знают меня в лицо. «Они» считают меня врагом, и если уж придут за мной, то не для того чтобы поговорить!

— Они убьют тебя. — Сделал свой вывод Николай.

— По крайней мере, попытаются. Для них я пока недоступен на этой земле. Для любого из смертных я недоступен. Но лишь пока!

— Пока что?

Макс опустил глаза и Парамонов увидел, как горькая печаль осела на плечи незнакомца. Его взгляд потускнел, словно события из прошлого навалились неподъемным грузом.

— Сейчас не об этом. Я понимаю, Коля, у тебя много вопросов. И у меня их не меньше. Но поверь, нам нужно узнать информацию за три ночи, иначе все станет бесполезно.

— Что?! — практически закричал Парамонов. — Что я должен узнать!? Объясни!

— Я не знаю! — крикнул в ответ Макс. — Поговори с тем, кто к тебе придет! Скажи, что ты готов отказаться от веры в Господа и перейти на «их» сторону, но тебе нужна правда! Вся, до конца, без утайки. И может быть «они» тебе ее поведают.

— Может быть? А если нет? Если со мной никто не станет разговаривать? Если никто... — и Никель замялся.

Макс повернул голову в его сторону и разочаровано посмотрел на собеседника.

— Ты хотел сказать, если никто так и не придет? Я правильно уловил твою мысль, Николай?

Парамонов не ответил.

Сделка могла оборваться в любую секунду. И если его спаситель догадается, что Никель держит его за сумасшедшего, денежки утекут, словно быстрый ручей. А это ни много ни мало тридцать тысяч.

Ну, по крайней мере, десять тысяч, которые он видел своими глазами.

— Я услышал тебя, Коля. И хочу тебя уверить, если за три ночи никто не появится, даю честное слово — деньги твои. Все до цента! Устроит такой вариант?

— Устроит. — Выдавил Парамонов.

Ему неприятно было осознавать, что Макс уловил его сомнения. Он сам никогда не имел дел, с человеком, который ему не доверял. А уж с безумным клиентом не хотел даже разговаривать.

— Я выполню свою работу. — Нарушил долгую паузу Николай и разрядил обстановку. — Но хочу тебя уверить — если это ловушка, ты пожалеешь! Если мне придется бороться за свою жизнь, и не дай Бог, я останусь жив, я убью тебя на этом самом месте. Второго предательства я не перенесу!

— Договорились! — Макс прервал его высказывания и протянул руку.

Никель неумело ее пожал.

Сделка оставалась сделкой, даже если изначально не представляла опасности.

— Я так понимаю, ночью в комнате я буду находиться один?

— Совершенно верно.

— В доме есть оружие?

— Нет. А тебе зачем?

Парамонов огляделся:

— Тогда я возьму с собой нож.

Макс искренне улыбнулся:

— Он тебе не понадобится. Если только ты не решишь сам себе перерезать глотку.

Шутка!

Парамонов строго посмотрел на собеседника. Шутить он не любил:

— Я найду ему применение, можешь не сомневаться. И к твоему сведению, я владею холодным оружием не хуже тебя. Тогда на хате Лихача я видел твои навыки. И поверь, они ничем не лучше моих.

Никель говорил правду.

— Ну что ж, я рад, что ты серьезно относишься к своему заданию. Но, хочу тебе напомнить, твое лучшее оружие против ночного гостя лежит сейчас в кармане джинсов. Потому, настойчиво рекомендую тебе — в случае необходимости, используй его! А сейчас мне нужно ненадолго покинуть тебя. Я выеду в город за продуктами и к вечеру вернусь. Не теряй времени даром. Тщательно подготовься к ночи. Если все произойдет так, как мы задумали, уже завтра, в сопровождении тридцати тысяч, ты будешь волен идти, куда заблагорассудится.

Макс подхватил со стола связку купюр и быстро вышел из кухни в прихожую, обулся, а потом оставил Парамонова один на один со своими мыслями.

Первое, что сделал Никель, так это обыскал кухню.

Он открыл все дверцы и ящички, обшарил все тайные закутки. Он обыскал всю одежду, висевшую на вешалке в прихожей, благо ее здесь было не так много.

После этого, он поднялся на второй этаж и заглянул в свою комнату. Вернее, в ту комнату, в которой ему предстояло провести следующую ночь.

По-прежнему в середине помещения располагалась массивная кровать, и ничегошеньки здесь не изменилось после последнего его посещения. Комната до сих пор оставалась пуста и своим видом все еще напоминала место заключения какого-то опасного преступника. Единственным отличием ее от тюремной камеры, являлось отсутствие решетчатых окон, хотя маленькое окошечко действительно имелось. Настолько маленькое, что появившись здесь и вправду опасный преступник, он ни за что на свете не смог бы в него пролезть.

Оставалось одно место, в котором Никель сегодня не побывал — комната самого Макса. Она была надежно заперта на врезной замок. Тайна, которую скрывал от него незнакомец в кожаной куртке, скорее всего, находилась там.

Но Парамонов не мог себе позволить взломать деревянную дверь.

Если Макс узнает об этом, сделке конец. Понятно и ежу, что хранить в своей комнате оставшуюся часть денег незнакомец не будет. Он с необыкновенной наглядностью забрал с

собой десять тысяч, потому с его стороны было бы невероятной глупостью оставить в доме еще двадцать «кусков».

Никель вернулся в комнату на втором этаже и повалился на кровать.

В руках его был тетрадный лист, на одной стороне которого заглавными буквами было начертано: «Верую!».

А перевернув записку другой стороной, он увидел надпись: «Отче наш!».

Об этой молитве он уже слышал. Мать вечерами стояла в углу комнаты и едва слышно шептала. Некоторые слова ему все же удавалось разобрать, но основной смысл от него был далек. Церковь он посещал всего пару раз, да и то, когда родители настойчиво просили его об этом.

Парамонов снова перевернул лист бумаги и принялся читать:

«Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли...»

Веки тяжестью надавили на глазные яблоки. Он воочию увидел перед глазами белые круги, словно кто-то пытался заставить его уснуть.

«И во единого Господа Иисусу Христа, Сына Божия...»

Стало совсем мерзко. Накатила огромная слабость, появилась дрожь во всем теле, и безумно захотелось спать. Теперь веки наполовину закрылись, руки и ноги стали ватными, благо Николай лежал на кровати. Если бы он сейчас сидел за кухонным столом, то непременно бы упал.

Что я делаю? Зачем мне все это? Этот обезумевший парень хочет сделать из меня послушника?

Словно чей-то голос звучал в его голове, настойчиво убеждая наемного убийцу в этом предположении. Может быть, это и есть те самые «они», о ком предупреждал Макс?

Да нет! Чушь какая-то! Что со мной происходит?

И тут же перед глазами мелькнула пачка новеньких желтеньких купюр.

Никель открыл глаза, и в этот миг сложилось впечатление, что он провел не меньше получаса в сонном состоянии. Взгляд снова стал осмысленным и каким-то чудом, расплывчатые прописные буквы на листе потертой бумаги, приобрели знакомые очертания.

Нужно собраться! К черту все предрассудки! Я заключил сделку и не собираюсь отступать от своего слова, иначе, чем я лучше своего лучшего друга! Никто никогда на моей памяти не зарабатывал за три ночи тридцать тысяч «евриков». И лишь я намерен сделать это, даже если понадобится выучить библию наизусть!

«Иже от Отца рожденного прежде всех век: Света от Света...»

Буквы размазались, словно в сладком сне. Ах, как же они были прекрасны! Красивыми завитушками они тянулись по клетчатому тетрадному листу, и преображались бесподобными узорами.

Нужно взять себя в руки — одна из последних мыслей мелькнула в голове Никеля.

«Бога истинна от Бога истинна, рождена...»

Парамонов не чувствовал свое тело. Блаженство нахлынуло, будто ему вкололи сильный наркотик.

«Несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся Быша».

Это были волшебные слова.

Ладонь Николая разжалась, выпустила на волю потертый лист с ровными письменами и обмякла.

Его сознание провалилось в небытие. Сон завладел телом и душой Парамонова, хотя он

неплохо выспался этой ночью. Молитва стала отличным снотворным для обычного измученного человека, что подвергся пленению не далее, чем вчера. И никто на целом свете не мог и предположить, что сие проделки не подлой и мерзкой усталости, а совсем других непонятных многим неверующим сил.

Входная дверь скрипнула, и Никель тут же открыл глаза.

В комнате стало намного темнее, чем в тот раз, когда он читал молитву. Он быстро встал с кровати и покинул свое «убежище».

На пороге стоял Макс, держа в руках два огромных пакета:

— Я принес еды и кое-что еще!

Никель спустился. Вместе они накрыли стол, и Макс достал из пакета бутылку водки. За те несколько дней, что Парамонов провел в бесконечных бегах от самого Фомы, это была самая настоящая радость.

Рюмки появились на столе, и прозрачная жидкость наполнила пустые емкости. Давно забытым звуком прошелестела водка, и, омывая гладкие стенки сосудов, разлилась перед глазами жаждущих очевидцев. Спаситель Никеля первым поднял рюмку и встал из-за стола:

— Сегодня мне было видение! Маленький человек вступился за беззащитное животное. Его силы перед грозным противником были настолько малы, что проиграй он последнюю схватку, навсегда лишился жизни. В этом видении я увидел тебя, Николай! Ты всего лишь человек из нашего мира, но уже помогаешь Господу исполнить задуманное. И какие бы силы не были перед тобой, никто на всем белом свете не может тебя остановить! Так выпьем же за то, чтобы каждый человек, неважно силен он или же слаб, так же рьяно боролся за свой мир! И тогда противники падут ниц перед славой и смелостью истинных защитников! Будем!

— Будем! — повторил его слова Николай и опрокинул рюмку.

Обжигающая жидкость стремительно вылилась в рот, гордо прошлась по жаждущей гортани и направилась в желудок. Парамонов наслаждался прекрасным послевкусием, но совсем недолго. Лишь до той поры, пока Макс к нему не обратился:

— Ну, рассказывай, Николай!

— Что рассказывать? — не понял его Никель.

— Рассказывай одну из молитв, которую тебе удалось выучить.

Немая пауза повисла на кухне. Конечно, у Никеля всегда была хорошая память. Он прекрасно запоминал схемы зданий, маршруты охранников и тому подобное, но сейчас ему нечего было ответить.

Макс увидел сомнение в глазах своего гостя и строго на него взглянул. Прямо, как первый учитель!

— Ты, хотя бы прочитал то, что я тебе написал?

— Конечно! Но меня вдруг сломила такая усталость...

— Ты не воспользовался тем, что я тебе предложил? — глаза Макса источали настоящий гнев.

— Я хотел! Честно, хотел! Но у меня не получилось.

Макс громко выдохнул. Он на мгновение закрыл глаза и представил себя на месте Никеля.

Кто я вообще такой, чтобы советовать этому человеку? Николай только что вырвался из

объятий настоящей смерти. Он поистине прошел через ад, когда банда Лихача схватила его. Его предал лучший друг, оставляя на съедение авторитету Фомы. И теперь он никому не верит! Так почему же он должен поверить мне?

— Ты уснул, верно? — Макс знал ответ на вопрос.

— Уснул, черт побери! — закричал Парамонов. — Потому что я хотел спать!

— Не поминай черта, Николай, если не хочешь его увидеть воочию! Я дал тебе защиту, и право воспользоваться ею только у тебя. Если ты не хочешь этого — не надо! Твой поступок не отменяет сделки. Но теперь, ты можешь рассчитывать только на свои силы.

— Я возьму нож. — Напомнил Никель.

— Это уж как тебе заблагорассудится. Ты только поговори с ночным гостем. Все остальное я сделаю без тебя.

Никель посмотрел на Макса:

— Мы с тобой договорились. И я намерен сдержать свое слово!

— Это хорошо. — Успокоился человек в кожной куртке. — Ты можешь плевать на молитвы, можешь не верить моим словам и Господу. Но должен уяснить только одно: самая изощренная хитрость дьявола в том, чтобы уверить вас, что его не существует!

Опять байки из склепа! Сколько это уже можно повторять? Не верю я в эти сказки и никогда не поверю! А верю я только в то, что увижу своими глазами. А вижу я сейчас безумного человека. Иногда мне кажется, что он рассуждает здраво, но иногда — нет ему места в нашем мире, и гребанная психушка плачет о нем уже много и много лет.

Дабы не искушать судьбу, Никель направился в свою комнату на втором этаже. Он уже не хотел слушать байки незнакомца и не хотел вникать в трудоустройство мира. Все, что происходило вокруг него, было неистовым течением мира.

Николай Парамонов вошел в просторную комнату, в которой побывал уже несколько раз. Все так же посередине стояла массивная кровать, и больше в комнате не было ничего. Хозяева дома даже не поставили захудалый шкаф по периметру помещения. Никто из них не удосужился порадовать новых хозяев своим гостеприимством. Холодные тона комнаты информировали съемщика о том, будто в этом доме поселилась сама смерть.

Николай прилег на кровать.

Неистовым грузом на плечи надавила усталость. Веки поддались и под гнетом умелого порядка слов, молитва использовала свое заметное заклинание.

«Верую!».

«Верую в единого Бога Христа!».

Никель не произносил слова вслух. Он лишь пытался вспомнить порядок слов.

Макс его научил!

Обе молитвы не поддались запоминанию. И когда Никель, прикрывая глаза, уснул, Макс трижды обошел территорию вокруг дома.

Лесная дорога была пуста. По крайней мере, в пределах видимости. А видимость в этот поздний час оставляла желать лучшего.

Кромешная тьма сгустилась над лесом, лишь только яркое сияние луны едва освещало крышу двухэтажного домика. Маленькими точками по нему разбросались звезды, поддерживая свечение луны. Они, словно далекие неопознанные планеты, поглядывали на одиноко стоящий дом в центре леса. Внимательно наблюдали за ним и наверняка догадывались, что должно произойти этой ночью.

Макс еще немного постоял, наслаждаясь лесным воздухом, и скрылся за дверью.

В доме была гробовая тишина.

Никель сладко спал в комнате на верхнем этаже. Макс прекрасно знал, что Парамонов не верит его рассказам, и на мгновение мелькнула мерзкая мысль, что действительно к нему никто не пожалует. Зачем сторонним силам переманивать на свою сторону безбожника? Неверие само по себе олицетворяло переход на сторону зла.

Мягко выражаясь, Николай и так был на «их» стороне.

Макс снял ботинки, сбросил кожаную куртку и проследовал на кухню. Медленно примостился за столом и зажег свечу. В ее тусклом свете мелькнули наручные часы фирмы «Breguet». Дорогой фирмы, если учесть ее номинальную стоимость. Один хороший человек подарил ему однажды эту модель перед смертью, с тех пор Макс не расстается с ценным подарком.

Стрелки на часах показали 11 часов вечера.

В пик разгула «нечисть» входит с ноля до трех. А потому у Николая оставался всего час, чтобы спокойно отдохнуть. После этого, даже сам Макс не ведал, что же произойдет в комнате на верхнем этаже.

Он ближе подвинул свечу и трижды перекрестился:

«Спаси, Господи, его душу!».

За Парамонова стало по-настоящему страшно. Выйти из комнаты он мог уже другим человеком. Помнится, в прошлый раз, незавидной участи подвергся один вор тогда в Багдаде. Он выполз из своего убежища на четвереньках, словно дикое животное. Ругался по матери, плевался и рычал. Но с виду оставался в человеческом обличье.

Никакой информации Макс тогда от него не добился. Пустышкой оказался его разум, и только выскочив за дверь, вор был предан огню. Его сожгли за все его прегрешения прямо на площади.

Сколько раз такое происходило на его глазах. Слабая душа, не хотевшая поверить в его «сказки», быстро ломалась перед сильной сущностью, а потом превращалась, не пойми во что! То ли зверь, то ли человек, а может и то и другое вместились в разум обычного смертного. Люди начинали одновременно плакать и смеяться, сквернословить и лаять, словно бродячие псы. Падали на землю и ползли, будто ужи.

И чтобы вытянуть из них это мерзкое существо, понадобилось много времени и сил. Это в мистических фильмах священнослужители с легкостью проводят экзорцизм, доставая души демона одного за другим.

На самом же деле это не так. Кинематографы даже не представляют себе, через что проходит человек, который подвергается экзорцизму. Большинство из них погибают в тяжелейших муках.

Да что там, большинство!

На памяти Макса было всего четверо, кого покинула душа демона. Трое из них умерли, не прожив и недели. Только один прожил долгую жизнь и поведал свой рассказ. И то после того, когда его демона удалось убить.

Макс долго еще размышлял, предлагая свои версии для своей истории, потом взглянул на часы, сцепил пальцы рук и громко выдохнул.

Стрелки часов соединились на цифре 12.

Отсчет начался.

Глава 3. Семейные узы

...Никель лежал с открытыми глазами. Желтоватые пачки купюр плавали перед его взглядом, словно шлюпки, наполненные людьми. Только протяни руку и новенькие европейские бумажки достоинством в двести евро, коих набралось аж пятьдесят штук, мигом скроются в крепкой ладони. И никто на свете не в силах будет их отобрать.

Синица в руках лучше, чем мелькающий на горизонте журавль. Но, только не в эту ночь! Парамонов принял сделку и намерен получить всю сумму, что бы ни случилось. Тридцать тысяч — вот его цель! Сто пятьдесят новеньких купюр достоинством в двести евро, желтоватым оттенком сольются со светом утреннего солнца, но для начала ему придется все же пережить три бесконечных ночи.

В то, что кто-то к нему пожалует прямо сейчас, Никель не верил. Безумный Макс свято чтит божественную истину, которая гласила, что наступит конец всего сущего и небеса разверзнутся над нашим миром. Дьявол вознесет свое правление на земле и истинному верующему не будет места в этом мире!

Такая нелепая чушь не могла подействовать на бывшего наемного убийцу, жертвы которого то и дело просили Господа о пощаде. И в тот момент, то ли от того, что его в принципе не существует, то ли он был глух к их молитвам, намеченные цели всегда падали наземь, словно срубленные деревья. Их ждала неминуемая смерть. И Бог ни разу не удосужился им помочь.

Он был глух к их молитвам и слеп к их поклонам. Глубокое равнодушие таилось в его сердце, если оно, конечно, у него было. И хладнокровное безразличие, к опустившимся на колени людям, давало повод думать, что Бога и вовсе не существовало.

Сколько раз Никель готов был поверить в Его существование, но всегда находилось логическое объяснение всему происходящему вокруг.

Как и сейчас, когда дверь его комнаты осторожно приоткрылась, и на пороге возник темный силуэт.

Страх не было.

Парамонов прищурил глаза, чтобы значительно скрыть от посторонних глаз отблеск зрачков, и внимательно присмотрелся.

И в этот раз, как и во все предыдущие разы, на пороге стоял не Дьявол, черт, или один из их приспешников. На пороге комнаты стоял совсем обычный человек. Он с удовольствием сжимал в руке рукоять кухонного ножа, и звали его Макс.

Так вот в чем дело!

Мерзавец воспользовался сонливостью бывшего пленника и сам решил привести приговор в исполнение.

Какая подлость!

Человек в кожаной куртке, который давеча положил банду Лихача на загородной даче, теперь принялся за него! Его мягкие шаги возвестили о приближении, и в этот момент Никель рванул тело влево.

Падая с кровати, он мягко опустился на деревянный настил и перекатился к противоположной стене. В комнате было довольно темно, и если принимать во внимание то, что противник вышел из более освещенного помещения, то его глаза просто не успели привыкнуть к темноте. А из этого следовало, что Макс не видел перемещения Никеля и

пространстве комнаты.

И словно в подтверждение мыслей Парамонова, бесстрашное лезвие несколько раз опустилось в то место, где ранее была голова Николая.

Несколько мгновений потребовалось Макс, чтобы понять, — на кровати уже никого нет! Он быстро вскинул голову и осмотрелся.

Пленник понимал: не долгот тот миг, когда глаза противника полностью привыкнут к темноте, и он с легкостью увидит в дальнем углу испуганного Парамонова. А потому действовать предстояло прямо сейчас!

Другой мебели, кроме кровати в комнате не было. Никель снова подивился — кому нужна была такая обстановка на верхнем этаже? Кому пришла в голову интересная мысль не использовать в помещении даже захудалого шкафа или табуретки. Она бы ему сейчас, ох как, пригодилась!

Остается последний и самый рискованный вариант — драться голыми руками!

Парамонов рванул к сопернику и ударом ноги отбросил того к боковой стене.

Заскрипели старые половицы, когда Макс падал на качественно сбитый пол. Кровать немного двинулась в сторону и ножки, оставляя едва заметные борозды, прочертили ровную линию.

Никель перепрыгнул через нее, не давая опомниться своему противнику, но человек в кожаной куртке с кухонным ножом наперевес был поистине опасен. Он спрогнозировал нападение: ловко перекатился под кроватью и вынырнул на противоположной стороне.

Нож все еще являлся грозным оружием в руках натренированного противника.

Никель схватился за раму кровати и толкнул ее в направлении Макса, намереваясь сбить с ног незадачливого соперника.

Но, не тут то было!

Макс подпрыгнул во весь рост, уходя из-под атаки, и нога с «благодарностью» впечаталась в подбородок Никеля.

Удар был не очень сильным, но вполне себе эффективным.

Парамонов повалился на спину, и тут же, туша противника прыгнула на него. Во тьме мелькнуло лезвие ножа, делая схватку смертельно опасной. Плохая видимость играла теперь на стороне нападавшего, но глупо приоткрытая дверца все еще давала возможность лицезреть своего визави.

В последний момент Никель увидел лезвие у своего лица и перехватил руку противника. Злобный оскал Макса был настолько близко, что действительно напугал поверженного Парамонова.

— Тебе конец! — смердящее дыхание пахнуло в лицо Никелю.

Хозяин дома всем своим весом навалился на лежащего противника. Стало тяжело дышать. Ладони задрожали от напряжения, и мышцы окаменели, словно превратились в глыбы железобетонных свай. Никелю вдруг послышалось, как под их весом затрещали половицы, еще мгновение и деревянный пол под ними провалится, сбрасывая противников на первый этаж.

Макс положил вторую руку на рукоять ножа и сильнее надавил.

Парамонов чувствовал, как оружие медленно приближается к его лицу и недалек тот момент, когда схватка закончится.

Не в его, естественно, пользу!

Решение приходилось принимать быстро! Он собрал последние силы и повернул голову

в сторону, насколько позволяло пространство, одновременно ослабевая хватку. Тело Макса вместе с ножом рвануло вниз. Никель почувствовал, как лезвие вскользь прошло по его шее, цепляя ключицу, и глухо воткнулось в деревянную половицу.

Теперь руки Парамонова были свободными.

Раскрытыми ладонями он ударил своего противника по ушам, отчего тот яростно зарычал. Барабанные перепонки в унисон застонали, затуманивая разум, и в этот момент, Никелю удалось сбросить с себя тело Макса и вскочить на ноги.

Этот дом нужно немедленно покинуть!

Кровь хлестала из его шеи, заливая грудь, но Николай бросился в приоткрытую дверь, инстинктивно притворяя ее за собой, и не обращая внимания на рваную рану.

Босиком, в одних трусах, он выскочил на лестницу, и остутился. Его тело кубарем покатилось по вниз, локти и колени смело пересчитывали ступеньки, принося еще большую боль, а ребра отзывались неприятным хрустом, намереваясь то и дело переломиться в самый неподходящий момент.

Очутившись внизу, Парамонов услышал, как дверь в его комнату слетела с петель то ли от удара ноги, то ли от маленького взрыва. На лестнице вновь появился Макс все с тем же кухонным ножом в руке.

Никелю с трудом удалось подняться.

Невыносимо застонали суставы; при каждом вдохе острая боль отзывалась в области ребер так, что в пору было потерять сознание (два из них точно были сломаны); а правая рука и часть груди окрасилась в кровавый цвет.

Парамонов двинулся к спасительному выходу, прихрамывая на одну ногу.

— Не вздумай покинуть дом! — это был уже не крик обычного человека.

Это был рев раненого зверя, в которого теперь превращался Макс.

Николай не обращал внимания на его слова, он видел перед собой единственный выход.

Входная дверь была ближе всего. Но дверной засов, крепко «сидевший» между петель, представлял для него хорошую преграду. Сколько времени пройдет, пока он двинет засов в противоположную сторону, и щелчком дверным замком?

За эти мгновения чудовище с оружием в руках быстро его настигнет, и никто в этом доме не сможет его остановить.

А потому Никель поспешил не к двери, а к небольшому окошку, что находилось чуть подалеже спасительного выхода. Рамы были старые, а стекла тонкие, нечетá европейскому стандарту.

Макс прекрасно видел, куда направляется беглец. Он уже наполовину превратился в дикое животное, издавая на фоне просторного помещения злобный рык. Ему не нужен был кухонный нож, его когти теперь представляли собой настоящее оружие!

Быстро приближаясь к окну, Николай лишь краем глаза взглянул на своего противника.

Это было ужасное зрелище!

Мохнатая тварь ринулась вниз по лестнице, кромсая на своем пути лестничные ступени. Ее когти разрывали старое дерево, и оно мелкими щепками разлеталось по прихожей.

А потом мелькнула разинутая пасть, обнажая несколько рядов острых клыков.

Еще мгновение и то, что ранее называлось Максом, бросится на свою жертву. Станет кромсать его на мелкие кусочки или, возможно, целиком проглотит, словно голодный удав.

Но лишь одно мгновение!

Которого лохматой твари и не хватило.

Никель перешел на бег, не обращая внимания на вывихнутую ступню. Сжался в комок, насколько это стало возможным, и, втянув плечи, метнулся в окно.

Как и оценил Парамонов, рамы были старыми, а стекла тонкими. Беспомощное дерево поддалось, превращаясь в щепки, и брызнуло в стороны мелкими осколками смотровое окошко.

В киношных боевиках он не раз видел, как главный герой прорывается сквозь беспощадный огонь через обычное стекло. Ломает в щепки рамы, разносит собой в клочья комнатную мебель и приземляется в груду стеклянных осколков.

Потом, как ни в чем не бывало, вскакивает на ноги и продолжает творить дальнейшие бесчинства.

На самом же деле, это далеко не так! И главным недостатком Парамонова являлось сейчас то, что он находился в одних трусах.

Голое тело приземлилось на острые щепки рамы и рассыпавшиеся осколки. Никель заревел от невыносимой боли не хуже того зверя, что остался в проклятом доме. Его тело, подтверждая закон инерции, еще какое-то расстояние катилось по земле, увеличивая и так нанесенный ущерб.

Парамонов не верил, что ему хватит сил подняться. Но какие-то неведомые силы решили по-иному. Николай встал во весь рост, шатаясь в разные стороны, словно изрядно подвыпивший человек. Одно желание сейчас разрывало его на части — Бежать!

Бежать, пока чудовище не выбралось из дома! В маленькое окошко, в которое проскочил он, тварь не протиснется. Но вот входная дверь представляла лакомый для нее кусочек.

Никель двинулся к лесной тропе.

Видел бы он себя сейчас со стороны! Голый, в одних трусах, грязный от лесной земли и залитый свежей кровью он выглядел не хуже того чудовища в доме. Стеклоосколки расплосовали его тело вдоль и поперек, а некоторые из них торчали в спине и бедрах. Из правого бока выглядывал небольшой осколок оконной рамы, и всякий раз, когда Парамонов припадал на правую ногу, спазмы боли отзывались в его голове.

Но все эти мелкие порезы не представляли опасности, как кровоточащая рана на шее. Нож Макса видимо зацепил какую-то артерию, и теперь кровь неумолимым потоком струилась по груди. Николай чувствовал, как его покидают силы. Он уже не ощущал своих ног, каким-то неведомым чудом они послушно двигались, уводя его от смертельного жилища. Он тяжело дышал, с хрипом захватывая лесной воздух, и с каждым новым вздохом область в районе сломанных ребер, нестерпимо жгла, словно в его грудь плеснули ушат огня.

С огромным трудом Никель ступал по лесной тропе. Таким темпом он выберется из леса лет через десять. И, слава Богу, что кошмарная тварь его не преследует! Может, она привязана к дому? Хотя Парамонов хорошо помнил, как Макс выезжал за ним в город на загородную дачу Лихача. Скорее всего, в облике дикого зверя, заклинание не дает Максиму покинуть дом.

Заклинание? Он действительно подумал об этом?

До сегодняшней ночи, Никель не верил в эту чушь! Да и сейчас с трудом верит в то, что произошло в лесном доме. Как бы то ни было, нужно скорее отсюда убираться.

Парамонов вдруг остановился.

На лесной тропе появился силуэт человека. Не какого-то заблудившегося зверя, о ком сперва он подумал, а самого что ни на есть настоящего человека. И чем скорее силуэт

приближался, тем четче просматривались его черты.

Женщина — мелькнула ясная мысль в голове Никеля.

Что она делает в такое позднее время, в таком отвратительном месте? Или это игра его разума?

Беглец попытался сделать шаг в сторону силуэта и тут силы его покинули. Парамонов упал на колени, руками упираясь в грязную землю, и с превеликим трудом поднял голову. Рана на шее снова напомнила о себе, выплеснув струйку крови на подбородок.

— Помогите... — голос прозвучал так тихо на фоне естественных звуков леса, что услышать его могли разве что муравьи, облепившие окровавленные пальцы.

Темная фигура приблизилась, и Никель с трудом ее разглядел.

Черные курчавые волосы; старческое, побитое огромными морщинами лицо, и знакомая походка, ярко выделяющаяся на фоне дремучего леса.

Женщина подошла вплотную и наклонилась:

— Ну, здравствуй, Коленька. Помнишь меня?

Никель с ужасом посмотрел в ее бездонные глаза. Старуха наклонилась еще ближе, словно давала себя внимательно рассмотреть. Ее мерзкое дыхание обдало Парамонова, да так отвратительно, что к горлу подступила тошнота. Все тело обуял страх, дрожью проникая во все потайные уголки, и на несколько секунд стало невозможно дышать.

Перед ним стояла его родная бабка по материнской линии. Марфа Ивановна — так называли ее соседи и друзья, а для Николая она была просто «бабка Марфа».

Ровно до восьмидесяти лет!

Это было два года назад.

Никелю тогда стукнуло двадцать шесть. И он отчетливо помнил, как деревянный гроб опустили в подготовленную яму и засыпали сырой землей.

Старая ведьма сдохла — до сегодняшнего момента думал Парамонов. Все забыли о ее существовании и облегченно вздохнули, проводив бабку в последний путь.

— Ты... умерла. — Сухие губы выдавили практически бессвязную речь, такую тихую, что Никель грешным делом подумал — бабка его не услышит.

— Умерла?! — вопросительно глянула на него старуха. На мгновение показалось, что ее глаза приобрели черный оттенок. — Такие как я, не могут умереть! Я вернулась в то место, откуда все началось. Здесь меня ждет бесконечная жизнь. Скоро и ты это поймешь!

Бабка глянула на кровоточащую рану на плече внука. Кровь струилась по руке и груди, и крупные капли кучно ложились в лесную траву.

Взгляд Никеля затуманился. Он уже не различал лица своей бабки, потому что силы его покидали. Разум отказывался повиноваться, и в прекрасный момент руки подкосились, и он мордой ткнулся в свою же кровь.

— Ну что, Коленька, приятно осознавать приближение смерти? Все тело расслабляется так, что скоро ты напрудишь в штаны, словно маленький сорванец. Разум прекратит подчиняться, и ты окажешься во власти Костлявой! Как тебе такой исход?

Слабость действительно накатила мощной волной.

Веки Парамонова надавили невероятной тяжестью и в этот самый момент, далеко позади, раздался неистовый вопль зверя.

Николай открыл глаза и сделал шумный глубокий вдох. Инстинкт самосохранения вывел его из транса, заставляя взять себя в руки и продолжить битву за выживание. Хотя он не был уверен, что руки по-прежнему его слушались.

Даже бабка Марфа вздрогнула, тут же повернув голову в сторону деревянного дома.

— Вот она, твоя смертушка! — зло скалилась старуха. — Через пару минут зверь найдет выход из дома. И вот тогда тебе конец!

— Помоги... — едва слышно прошептал Никель.

От потери крови он ослабел так, что тело перестало его слушаться. Он совсем не чувствовал ног; сознание помутнело, и держалось на грани того, чтобы рухнуть в небытие.

— Ну что ж, Коленька! Я помогу тебе, раз уж я здесь. Но ты, должен обещать, что в ответ поможешь и мне.

Никель не представлял, каким образом он сможет помочь бабке в таком состоянии. Он был на волосок от смерти, и просьба от нее звучала как минимум неуместно.

— Ну как? Согласен? — Парамонов уже не сумел бы ответить, даже если захотел. — Будем считать, что мы договорились! Убей зверя, и покончим на этом!

Никель ощутил слабое прикосновение в районе запястья.

Словно "костлявая" взяла его за руку и попросила проследовать за собой. Холодные пальцы бабули коснулись руки. Она умерла два года назад, но прикосновение было настолько реальным, что Парамонов поверил в его существование.

В ладонь лег высоко стойкий прочный пластик. Бабка Марфы выдала бонус, который ни при каких обстоятельствах, Никель не мог себе позволить.

Пальцы интуитивно сжали знакомый предмет. Обхватили рукоять оружия и с наслаждением заерзали, цепляя мизинцем вставленный магазин.

"Глок — 17!"

Австрийская модель, начавшая производство в 1982 году. Три автоматических предохранителя, гарантирующие выстрел только при полном нажатии курка.

Семнадцать патронов в магазине.

И приятный вес оружия, предупреждающий владельца о том, что боекомплект на законном месте.

Спасибо, Марфа Ивановна!

Лучшего подарка от тебя я и не ждал!

В лесном домике зарычала опасная тварь, демонстрируя смертельные навыки. С бесстрашным видом она вынесла входную дверь так, как предрекала бабка Марфа. Звук слетевшего с петель деревянного каркаса разнесся по бескрайним просторам дремучего леса, и вместе с ним голодная тварь, наконец, покинула пределы дома.

Никель предпринял последнюю попытку и перевернулся на спину. В его руке грозно поблескивал пистолет. Бабка Марфа сегодня была его спасительницей.

Лохматый зверь выбрался из дома и остановился на пороге, словно впервые в жизни покидал лесное здание. Тварь оглянулась и принялась, видимо ища свежие следы неистового беглеца. Ею владело одно неумолимое желание — убивать!

И Никель это знал!

Рано или поздно, лохматый зверь должен был почуять свою жертву. И он это сделал!

Острые когти впились в сырую землю и комками брызнули в разные стороны. Тварь набрала скорость, хоть это ей и не требовалось! Жертва беспомощно лежала на земле, раскинув руки в сторону, и не собиралась никуда бежать. Она распласталась на лесной тропе, словно приглашая «охотника» в свои объятия. И никто, кроме самой жертвы не ощущал в правой руке прохладный пластик.

— Глок — 17! — одними губами пошевелил Никель.

Указательный палец нырнул в скобу и нащупал спасительный курок.

Дай Боже, чтобы пистолет был исправен!

Злобная тварь прыгнула, сокращая заветное расстояние между собой и жертвой, и в этот момент Никель нажал на спусковой крючок...

Заскрипела старая кровать и Парамонов открыл глаза.

Никто не хотел его убить или покалечить, и злобной лохматой твари не было в комнате.

Сон! — единственная здравая мысль посетила наемного убийцу.

Такой реальный сон он видел впервые. Все, что происходило с ним в эти мгновения, настолько поразило его, что Николай долго не мог прийти в себя. Лохматая тварь преследовала его до сих пор, не оставляя в покое. А пистолет бабки Марфы все еще ощущался в руке, словно реальный предмет из настоящей жизни. Жаль, Николай не смог досмотреть сон до конца! Не увидел, как пуля вошла меж глаз лохматой твари, и безумное порождение Макса испустило дух прямо на лесной тропе.

В комнате было темно.

Темнота затмевала разум, и Никелю до сих пор не верилось, что в этом месте никого нет. Ему чудились невообразимые тени; скрытые от посторонних глаз призраки; навязчивые домовые, что всем скопом незаметно перемещались по пустой комнате. Все образы, которые лепил его разум из мрачных теней — казались ему потусторонней сущностью.

Или в этом убедил его Макс?

Человек в кожаной куртке так сильно давил на его сознание, что впору было поверить! Поверить в существование призраков, домовых, демонов, потусторонних сущностей, только не верить в самого себя! Сколько еще времени пройдет, пока Никель не избавится от его цепких объятий?! Сколько еще сил нужно потратить, чтобы объяснить сумасшедшему человеку — никто не придет!

Как это возможно, не потеряв 30 тысяч евро?

Стоит только заикнуться об этом и все! Пиши, пропало!

Тридцать тысяч уплывут, словно лодка, спущенная на крутом берегу в место самого сильного течения.

— Нет! — Никель сказал вслух.

Его не заботило состояние Макса. Его не волновало то, чем болен на самом деле человек, спасший его от банды Лихача. Его занимало только то, как он получит свои «бабки»! Каким образом десять тысяч превратятся в тридцать? Если этого не произойдет, то нет смысла проводить в этом глухом месте следующие две ночи.

Никель был близок к истине, но пока не хотел в это поверить!

Бабкины слова, наконец, подействовали!

«Ты поможешь мне, а я — тебе!».

Что-то в этом роде.

Чем он мог помочь своей мертвой бабке?

Парамонов вдруг вспомнил ее слова. Не те слова, которые она говорила во сне, а самые настоящие слова, сказанные еще при жизни.

«Спи, да не засыпайся! — твердила бабка. — Помни лишь одну истину: три священное число, и никогда ему не перечь!».

«Вещи сны сбываются! Лишь когда двойка превращается в тройку!».

Фраза не была для него загадкой. Он прекрасно помнил, что означали числа, поведенные бабушкой Марфой. Под ними подразумевались дни недели.

Никель почувствовал, как сердечно ускорило ритм. Адреналин выплеснулся в организм в больших количествах, и Николай стал вспоминать.

Взяли его в понедельник.

Глупо получилось, но все же Лихачу помог его лучший друг. Опасаясь за жизнь своей семьи, тот с легкостью продал Парамонова родному брату Фомы.

Ну, ничего! Это останется на его совести!

На загородную дачу Лихача он прибыл в этот же вечер. Потом появился Макс и вынул его из этого дерьма. В тот день все еще был понедельник.

А вот проснулся Парамонов в лесном домике уже во вторник. Макс предложил сделку и Никель согласился.

Сердце набрало невыносимый ритм. Оно словно пыталось выпрыгнуть из груди, — такими бешеными были его удары. Адреналин заиграл в полную силу — стало трудно дышать, и давящая боль в груди появилась из ниоткуда.

Разум уже сложил кусочки паззла, пока еще сомнения металась из стороны в сторону.

Двойка превращалась в тройку!

А точнее говоря — этой ночью вторник заканчивал свое существование и передавал эстафету среде.

«Три священное число, никогда ему не перечь! Вещие сны всегда сбываются!» — голос бабушки Марфы снова прозвучал в пустой комнате.

И сегодня была та самая ночь!

«Убей зверя, иначе зверь тебя не пожалеет».

Сон, как рукой сняло.

Никель лежал в темной комнате и боялся пошевелиться. Одно дело подыграть церковному фанатику, одержимому своей никому не понятной идеей. Но другое дело — подставиться по удар зверя, которого представлял собой безумный Макс.

Вот, что имела в виду бабушка Марфа! Она пыталась его предупредить!

Оставаться в таком положении долго нельзя. Он хорошо помнил свой сон, когда в комнату проник хозяин дома и пытался нанести удар ножом. Благо Никель вовремя спохватился и покинул кроватное ложе.

Действовать нужно без промедления!

Оружия в доме не было, как сказал его спаситель, и Николай не мог вспомнить, прихватил ли он с собой нож? Одними молитвами не спастись, тем более от такого ловкого бойца, как тот человек, одетый в кожаную куртку.

Парамонову срочно требовалось оружие.

Любое! Подойдет даже дужка от кроватного изголовья.

Николай аккуратно поднялся с кровати и хотел уже вынуть железную трубку, но его нога коснулась на полу какого-то предмета.

Нож!

Разум Никеля взорвался неподдельной радостью, но потом, тщательно оценив обстановку, задумался.

Слишком тяжел был этот предмет для ножа.

Тогда, что это?

Когда он внимательно осматривал комнату, ничего кроме кровати здесь не было. Даже

захудалого стула Макс не оставил в комнате, приходилось вешать одежду на спинку кровати.

Тогда что там, под ней?

Никель опустился на колени и сунул руку под кровать.

Пластиковая рукоять «Глока» приятно улеглась в ладони, и Парамонов сжал ее так сильно, словно боялся расстаться с ней в этой крошечной тьме. В руках у него теперь было оружие. Достойное оружие против опасного зверя.

На пистолете была земля, будто Никель притащил его из леса. Будто это совсем был не сон!

Парамонов осмотрел свое тело, насколько это было возможно при такой темноте. Ни царапины! Он мог поклясться чем угодно, что ночью не выходил за пределы дома.

Тогда откуда здесь «Глок»? Не уж-то сама бабка Марфа притащила его сюда?

Парамонов футболкой обтер оружие, проведя поверхностную чистку. Пистолет был исправен, в этом он не сомневался. Да и магазин по весу был как минимум наполовину заполненным. Патронов десять! Может двенадцать!

— Спасибо, бабка Марфа!

Никель не стал тратить время на то, чтобы одеться. Как и в своем сне, он в одних трусах покидал комнату на втором этаже, только теперь имея одно преимущество.

С ним был «Глок-17»!

А это уже реальная угроза. Он не станет бежать, как последний трус. Не станет прятаться, словно загнанная жертва. Он просто убьет зверя и выберется из этого дома через входную дверь, имея при себе, по крайней мере, десять тысяч евро.

Легонько скрипнула дверь. Настолько легонько, что шума от нее было не больше, чем от назойливой мухи. Ни один человек в мире не смог бы его услышать. И это стало еще одним преимуществом.

Скрытность — его конек! И с этим не поспоришь!

Вмиг он оказался на лестнице и заметил на кухне слабый огонек.

Макс и не думал ложиться отдыхать. Все это время он мирно сидел на кухне и обдумывал свой коварный план. Перед ним горела свеча, и Никель видел широкую спину на фоне тусклого блеска огонька.

Цель была близка, но с такого расстояния стрелять Парамонов не хотел. Оружие никто не испытывал, а тот выстрел во сне в голову лохматой твари — не в счет! Посему следовало подобраться поближе.

Он осторожно спускался по деревянным ступеням, не покидая из виду широкую спину зверя. Всякий раз, когда высохшее дерево издавало неприятный скрип, наемный убийца замирал на месте. И лишь только полностью убедившись, что его не заметили, продвигался ближе к своей цели.

Опыт играл немаловажную роль!

Единственное, чего он не сделал, так это не послал патрон в патронник. Но, не беда! Сколько раз он проделывал такие трюки! Всего лишь нужно подобраться к своей жертве, и он в мгновение ока передернет затвор и нажмет на курок.

Никель спустился по лестнице. Оставалось еще пару шагов, чтобы фигура Макса полностью появилась в проеме дверей, и вот тогда за дело примется «Глок».

Ни при каких обстоятельствах Макс не мог его слышать, а тем более видеть. Тем не менее, Никель успел сделать еще один шаг, после чего человек, одетый в черную майку, а не в кожаную куртку, хладнокровно дунул на свечу.

В доме воцарилась крошечная тьма. Никель никого не мог разглядеть впереди себя, и не придумал ничего лучшего, чем выстрелить наугад. Времени на обдумывания у него не осталось.

Раскатом грома запел черный пистолет, исторгая языки пламени. Зазвенело в ушах, и застонали барабанные перепонки. Дом наполнился таким грохотом, что, казалось, эхо разносится на весь лес.

Только после пятого выстрела, Парамонов, наконец, осознал, что стреляет в пустоту. Пламя, вылетающее из ствола, на короткие промежутки освещало кухню, и как ни странно, в ней никого не было. По крайней мере, в том месте, куда целился Николай.

Куда подевался зверь, черт побери!

Никель сделал паузу. Выстрелы прекратились, но в ушах все также продолжало гудеть. Пустое помещение не лучшее место для стрельбы.

Этого замешательства хватило Макс, чтобы вовремя среагировать. Он не покидал кухню, как могло показаться на первый взгляд, и Парамонов тут же в этом убедился.

Из дверного пролета выпорхнул стул, и Никель не мог его видеть в крошечной темноте. Деревянные ножки ударили его точно в живот, Парамонов инстинктивно сделал еще выстрел и отлетел к лестнице, по которой спускал мгновениями раньше.

Все бы ничего! Можно было спрятаться за край лестницы и снова открыть огонь, надеясь на удачу, но, к сожалению, «Глок» выскользнул из руки, и его поглотила темнота прихожей.

Николай ни за что бы его не нашел в бесконечной тьме. Но на помощь пришел Макс. Он щелкнул выключателем, и лампы вспыхнули с неумолимой яростью.

Никель прикрыл глаза, спасаясь от нестерпимого света. В голове шумело, словно ему одели на голову ведро и с силой врезали по нему кувалдой.

— Откуда у тебя оружие? — голос Макса пробился сквозь безудержный гул.

Парамонов не ответил.

Вместо этого он бросился на противника, вкладывая в удар всю свою злость. Пистолета в его руках теперь не было, а потому приходилось атаковать голыми руками.

Макс увернулся в последний момент, пропуская Никеля мимо себя, и с силой впечатал кулак в его корпус.

Парамонов застонал.

Мало ему было шума в голове, теперь еще болела и грудь! Но останавливаться на такой негативной ноте он не желал. Самолюбие снова взяло верх над благоразумием, как и в тот раз, когда сил отказаться от убийства Елизара не нашлось. Он прекрасно понимал, что его станут искать, и, несомненно, найдут. Но это «маленькое» неудобство смело отодвигалось на второй план.

«Убей зверя!» — закричала бабка Марфа в его голове.

Никель снова ринулся на своего обидчика. Парамонов слыл неплохим бойцом — каратэ, самбо, джиу-джитсу. Сколько раз он побеждал противника, так и не начав толком схватку. В редких случаях бой заканчивался шестью — семью ударами, но в основном хватало двух; противник просто не успевал среагировать.

Положение с Максом было куда хуже! Никель просто бил в пустоту, а его спаситель демонстрировал великолепную реакцию. Ловко парируя удары совсем не плохого бойца, Макс успевал вовремя проводить и свои атаки.

Никогда прежде Николай не был так беспомощен.

Невыносимо болела грудь, принимая на себя череду ударов; жгло в районе солнечного сплетения, заставляя некогда идеальное дыхание предательски сбиваться. Пару раз он пропустил легкий удар в область шеи, который не так сильно отзывался отголосками боли, как больше его выводил из себя. И это не беря в учет то, что Макс не бил Парамонова по лицу.

— Что на тебя нашло, Николай! — хозяин дома пытался привести в чувство своего противника.

Никель не стал тратить время на разговоры и с новыми силами набросился на «зверя». Ему во что бы то ни стало, захотелось одержать верх!

Макс остановил его прямой ногой в живот.

Да, было больно! Но Николай, ни при каких обстоятельствах не желал сдаваться.

Удар!

Еще удар!

И еще!

Никель спиной врезался в поручни деревянной лестницы, хватаясь за поврежденную поясницу. Но и это не смогло его остановить.

Зверь должен умереть!

И никак иначе!

Кулак Парамонова вновь метнулся вперед, целя в лицо искусному противнику. Тело сжалось в комок, вкладывая в этот удар всю свою ненависть.

Но Макс снова был готов.

Он перехватил руку Никеля и вмиг оказался у того за спиной. Болевой прием вышел на удивление легко, Парамонов даже не оказал сопротивления. Сгибая локтевой сустав, Макс заломил руку за спину, а свободной рукой обвил шею противника:

— Что случилось, Николай? — цепкие объятия не отпускали скованное тело.

Никель попытался вырваться, но тщетно. Макс ударил его в голень, заставляя грохнуться на колено, и больше усугубить и так плачевную ситуацию.

— Двойка превратилась в тройку... — пробормотал Парамонов.

Хозяин дома не сразу вник в смысл сказанных слов.

— Что ты имеешь в виду?

Николай вновь попытался избавиться от удушающего приема, но когда понял, что все попытки не приносят результата, оставил это бесполезное дело.

Макс сильнее сдавил его горло. Стало тяжело дышать, словно в легкие прекратили подачу кислорода.

— Сны... со вторника на среду... — одними губами прошептал Никель и потерял сознание.

Макс подхватил обмякшее тело и перенес его в комнату на втором этаже. Укладывая Никеля на кровать, он прекрасно понимал, что сегодняшняя ночь уже не принесет желаемого результата, но слова Парамонова никак не выходили из головы.

И уже когда Макс спускался по деревянным ступеням, его осенило. Сны со вторника на среду — старое поверье, которому уже больше тысячи лет! Древние старцы верили в то, что в эту ночь, все, что приснилось человеку в новом месте, непременно сбудется.

Чушь собачья!

Макс прожил не одну сотню лет, и никогда в его жизни не было ничего подобного. Мало того, верования снам — большой грех. Сны всего лишь случайная информация,

вырвавшаяся наружу, и никаким образом не поддающаяся объяснению.

Этой ночью Никель хотел его убить, значит, во сне видел действительно в нем угрозу. Что ему приснилось — оставалось пока загадкой, но самый главный вопрос, на который не нашлось ответа — откуда появилось оружие? Как, и по чьей воле, оно проникло в дом? И кто вложил пластиковую рукоять «Глока» в руку наемному убийце?

Макс подобрал пистолет и направился в свою комнату на первом этаже. Ночь уже подходила к концу, а потому предстояло хорошенько выспаться. У него к Никелю было много вопросов, ответы на которые возможно и не знал сам Парамонов. И самая ужасная мысль вдруг мелькнула в голове Макса, верить в которую разум наотрез отказывался.

Неужели «они» обнаружили его лесной домик?

Если это так, следовало немедленно убраться из этого места. Хотя у Николая оставалось еще две ночи до конца договора, и надежда, безусловно, должна умереть последней! Макс все же надеялся на то, что «они» обязательно свяжутся с его новым знакомым. Другой вопрос — как поведет себя Николай, когда встретится с настоящим злом лицом к лицу.

Сколько вариантов перебрал в голове хозяин лесного домика — уму непостижимо. Но устраивал его только один — информация!

Ему нужна была эта информация. Любая зацепка или подсказка. Все, что каким-нибудь боком касается этого мира. В совпадения Макс давно не верил, как и в то, что Агасфер случайно появился в этом городе.

Что-то должно произойти!

И это «что-то» неумолимо приближается.

Глава 4. История одной ведьмы

Парамонов сидел за кухонным столом и пил горячий чай из разноцветной кружки.

Все тело ныло, словно от тяжелой работы. Невозможно гудело в голове, и причем, намного сильнее и беспощаднее, чем в тот раз, когда его кололи сильным наркотиком люди Лихача.

Чай, который заварил ему Макс, немного успокаивал тянущую боль, видимо, хозяин дома добавил в кружку свое целебное средство. По телу «разливалась» горячая волна, забитые мышцы расслаблялись и разум медленно, но верно приходил в норму. Только обрывки кошмарной ночи поднимались из глубин сознания, все больше и больше пугая Никеля.

Что это было?

Сон или явь, которую невозможно отличить от сновидений?

Напротив сидел Макс. Он пристально наблюдал за Николаем, словно пытался прочитать по выражению его лица, что же случилось этой ночью?

— Что с тобой произошло, Николай?

Никель не ответил.

Он просто отхлебнул из кружки горячий чай и громко выдохнул. Задай Макс ему вопрос несколько часов назад, он, несомненно, поведал, но сейчас, когда мысли выстроились в правильную цепочку, Парамонов не знал, как объяснить свое поведение. Он никогда не доверял вещим снам, никогда не обращал внимания на слова бабки Марфы, и ни за что на свете не поверил бы постороннему человеку, если бы с кем другим произошла эта история.

«Полная чушь!» — кричал разум.

Он верил только в то, что видел своими глазами. Но, можно ли считать сон, даже если он вещий, руководством к действию?

— Ты не поверишь мне. — Честно признался Николай.

Макс посмотрел в его уставшие глаза и просто произнес:

— Перед тем, как отключиться, ты отчетливо произнес: «сон со вторника на среду». Думаю, ты имел в виду «вещий сон». Я прав?

Парамонов быстро перевел взгляд с разноцветной кружки на своего собеседника. Глаза Макса понимающе смотрели на него. Теперь хозяин дома был явно в курсе того, из-за чего произошла вся эта канитель. Говорить стало легче.

— Ты прав! Я видел сон. — Согласился Никель.

— И в чем же подвох. Все видят сновидения.

— Это было не совсем сновидение. Находясь в комнате на верхнем этаже, я действительно подумал, что все происходит на самом деле.

Парамонов чаще задыхался, словно снова и снова переживал события прошлой ночи.

— Расскажи мне. — Попросил Макс.

Николай взглянул на собеседника, ожидая, что тот превратится в страшное чудовище, но ничего подобного не произошло. Хозяин дома как-то по-доброму посмотрел на Парамонова. Его глаза не представляли реальной угрозы, мало того, взгляд был искренне понимающим.

— Я бы мог поклясться чем угодно, что не спал в тот момент, когда на пороге комнаты появилась фигура. — Начал Никель. — И я, конечно же, узнал ее. Тихо пробираясь в

темноте, она с ножом наперевес приблизилась к кровати. В последний момент мне удалось спрыгнуть на пол, когда лезвие принялось кромсать то место, где мгновение назад была моя голова.

— Это был я? — усмехнулся Макс.

— Не совсем. Вернее, я не уверен, что это был настоящий «ты». Мне впопыхах удалось выбраться из комнаты, и я метнулся вниз по лестнице, но на второй или третьей ступени оступился и кубарем полетел к ее подножию. Сломал два ребра, вывихнул левую ногу, но все же оставался в сознании и не потерял инстинкт самосохранения. И прежде чем покинуть этот дом, я увидел страшную картину: из комнаты наверху выскочил человек сильно похожий на тебя и превратился в жуткое чудовище.

Макс улыбнулся:

— Это просто сон, Николай. И никакого значения не имеет.

— Я тоже так думал. Мне удалось вырваться из дома через вон то окошко, — Никель показал в сторону прихожей, — и оторваться от преследования. Меня ужасно покровсали осколки стекла, и рана на шее, оставленная твоим ножом, сильно кровоточила, но мне все же удалось выбраться в лес! Силы быстро меня покидали. Кровь хлестала в разные стороны, но мне хватило мужества сделать еще несколько шагов по лесной тропе. Потом я упал на землю.

Никель нервно глотнул чаю из разноцветной кружки.

— И ты решил, что я способен тебя убить? Seriously? Я устранил Фому, банду Лихача на загородной даче, чтобы заманить тебя в дом и убить? Не слишком ли сложный трюк?!

— Я понимаю, звучит дико! Но для меня все происходило на самом деле. Когда падаешь во сне, не чувствуя под собой твердую землю, немедленно вздрагиваешь и тут же просыпаешься. Я читал об этом. Что-то связанное с фазами сна и нейронами. В подробности не хочу вдаваться. Здесь же все было совсем не так. Боль была настолько реальна, что не поверить в ее существование я не мог. После падения с лестницы я и не думал просыпаться, хотя каждый раз, когда во сне происходило что-то подобное — мой мозг немедленно давал команду покинуть сновидения.

— И только поэтому ты решил, что мне необходима твоя смерть?

— Не только поэтому? За пределами дома я встретил одного человека...

— Человека!? — перебил его Макс. — Ты узнал его?

— Не его, а ее! Этим человеком была моя бабушка Марфа. Она умерла два года назад.

Макс пристально посмотрел на Николая:

— Она что-то сказала?

— Конечно! Напомнила мне, что «три» — священное число и когда двойка превратится в тройку — все, что происходит во сне, случится наяву.

— Могу тебя успокоить, Николай, все это предрассудки. Страшный грех — верование снам. Так завещал Господь. Любое сновидение, не что иное, как комок хаотичных мыслей, и ничего более.

Парамонов взглянул на Макса, сохраняя интригу до последнего момента, и выдал на одном дыхании:

— Комок хаотичных мыслей, говоришь? А что ты скажешь на это?

И Никель указал на старенький «Глок-17», который неподвижно лежал на столе, справа от собеседника.

— Ах, да! Все хотел спросить: откуда он у тебя? — хозяин лесного домика придвинул к

себе оружие.

Теперь усмехнулся Парамонов:

— Бабка дала.

Макс изменился в лице. Он не сразу понял, что сейчас сказал Николай.

— Что значит, «дала»?

— А то и значит! Вложила его мне в руку, когда я обессиленный упал у ее ног. Во сне, который не имеет ничего общего с реальным миром!

Макс снова потрогал пистолет, еще раз убеждаясь, что тот настоящий. Отсоединил затвор и отстегнул магазин. Сколько выстрелов Никель сделал из этого оружия? Пять, шесть? По весу в магазине оставалось еще патронов десять. Не меньше!

— Что, Макс! Этому у тебя нет объяснений? Вот и я говорю, мой сон был не просто вещим, он был реальным!

Теперь хозяин дома посмотрел на Парамонова не просто злобным взглядом. Он смотрел, словно хищное животное, готовое в любой момент наброситься на свою жертву. Ненароком Никель подумал, что собеседник сейчас превратится в лохматого зверя и повторит события прошлой ночи.

Нужно быть готовым ко всему!

Жаль, что «Глок» был в недосягаемости, затворная рама снята и магазин отсоединен.

Никаких шансов!

Если хозяин дома вдруг решится сейчас его убить, Никель не сможет с этим ничего поделать.

Вместо этого, Макс громко выдохнул и разочарованно покачал головой:

— Она что-то сказала, когда передала тебе оружие?

— Сказала, что поможет мне, если я помогу ей.

— Каким образом? — Макс знал ответ на вопрос, но ему нужно было признание Никеля.

— Я должен убить «зверя».

Парамонов опустил глаза.

— «Зверь» — это я? — спросил хозяин дома.

Никель приподнял извиняющий взгляд, но в лицо собеседнику не посмел смотреть.

— Прости, Макс. Я не знаю, что на меня нашло. Когда я увидел бабуку, этот сон... да еще пистолет под кроватью. Я ни о чем больше не думал, кроме как убивать. Это то, что я умею делать лучше всего. Старая карга знала об этом...

— Безусловно! — подтвердил его слова Макс.

— Безусловно? Господи, что я несусь? Я же не верю во всю эту чушь! Видимо, это твой чай так действует на меня. Что ты в него добавляешь?

— Это ты так действуешь на себя! — строго сказал Макс. — При каждом удобном случае, ты вспоминаешь Бога, при полном своем неверии. Ты пытаешься уклониться от мирской жизни и оставить в стороне то, чего нельзя логически объяснить. Если я тебе скажу, что бессмертен — ты ни за что не поверишь, потому что это не поддается разумному объяснению. Ты наверняка думаешь, что мне просто повезло этой ночью, когда ты пытался меня убить? Ничего подобного! Ты ведь прекрасно видел, что на кухне никого нет, когда погасла свеча, и сполохи пламени из ствола кратковременно осветили помещение. Поэтому ты сделал несколько выстрелов и остановился. Твой мозг не сумел осознать увиденное. А я действительно там был, только ты не мог меня видеть.

— Этому наверняка есть разумное объяснение!

— Тогда объясни мне вот это! — и Макс подвинул отсоединенные детали «Глока» к Никелю.

Парамонов замолчал.

Он пристально разглядывал пистолет, вспоминая, каким реальным он казался в его ладони. Вспоминал бабкины слова насчет «зверя», прекрасно видел ее лицо, словно она все еще жила в этом мире, и ни при каких обстоятельствах больше не хотел притрагиваться к этому оружию.

Он просто не желал верить!

Он искал разумное объяснение, наверняка зная, что никогда в жизни его не найдет.

— Я бы мог объяснить каждому человеку на земле, что на самом деле происходит в этом мире. — Продолжал Макс. — Я бы мог назвать год своего рождения, но в ответ каждый из них рассмеется мне в лицо, потому что, это за пределами их понимания. Я бы мог указать тебе на то, что у тебя разного цвета глаза...

— Это строение организма! — сразу выпалил Парамонов.

— Вот и сейчас, ты просто нашел объяснение, потому что в тебе отсутствует вера! Для таких, как ты — это строение организма, но мы называем это «меткой Дьявола». Такими людьми легче управлять, как показала этой ночью твоя бабуля. Она просто вложила в твою руку оружие, и ты направился сеять смерть, хотя прекрасно знал, что все это не более чем сон.

— Сон со вторника на среду. — Выкрутился Николай.

— Неважно! Я тебе объяснил, что думаю на этот счет. В твоем сердце нет веры. И я тебя не виню. Все меньше и меньше людей принимают Бога. Наш мир погряз в войне, самоубийствах и насилии. И «они» с ухмылкой за этим наблюдают. Недаром старики говорят: «Самая уникальная особенность Дьявола заключается в том, что он заставил всех поверить, что его не существует». И это правда! В этом мире нет противостояния, потому что нет веры! Твоя бабка принадлежит к «ним», как бы смешно это для тебя ни звучало. Она принесла оружие в дом, и после того, как ты начал стрельбу — «они» нас нашли раньше времени. Но это уже не важно! Рано или поздно это должно было случиться. Жаль, что мы потратили эту ночь на противостояние не с «ними», а друг с другом.

— Значит, это правда... — Безумная мысль проскочила в голове Парамонова.

— Что «правда»? — не понял Макс.

— Что моя бабка принадлежит к «ним». Я помню, как ее называли старой ведьмой. Я только смеялся, но соседи действительно относились к ней с опаской. Я помню один случай из ее жизни... Вернее смерти. Бабка Марфа лежала на кровати и всю ночь орала, словно ее заживо резали ножом.

— Такое бывает сплошь и рядом. Тот, кто на самом деле занимается колдовством — умирает в тяжелых муках.

— Да-да. Точно помню! Бабка в судорогах дергалась на кровати и просила, чтобы ей пробили дыру в потолке. На худой конец — подержали за руку.

— Она беспокоилась о своей темной душе. Замкнутое пространство для «них» — самая большая головная боль. Душа погибает в тяжелейших муках вместе со своей хозяйкой. Единственная возможность спастись — выскочить из дома через большое отверстие в потолке или с помощью прикосновения переместиться в другую форму жизни. Подозреваю, что ты прикоснулся к своей бабке.

Никель сделал паузу, видимо, вспоминая последние часы, проведенные рядом со старухой.

— Она схватила меня за руку. — Вспомнил Парамонов. — Это значит, что во мне две души?

— Ни один человек не вправе обладать двумя душами одновременно. Такого не было даже при моей жизни. А прожил я долгую жизнь, поверь мне!

— Тогда я не понимаю, почему после соприкосновения, бабка Марфа успокоилась и тут же испустила дух? Куда делась ее душа? — недоумевал Никель.

Макс внимательно посмотрел на собеседника:

— Она передала ее по назначению. Темная сущность всегда вытеснит светлую. Каким бы покорным и верующим человеком ты бы для «них» не предстал! Что важнее для ведьмы? Душа! Ведьма всегда добивается своего! Она обменивается с тобой душами, забирая остатки твоей жизни в свое распоряжение. Сколько безумных и наивных людей обжигались на ее прикосновениях. Сколько верующих или заблудших душ, картинно падающих ниц перед Господом, не смогли устоять перед ее велениями, даже не понимая, что своих душ у них просто нет.

Никель не верил в существование демонов. Он не верил ни во что! Сказки, что рассказывал ему Макс, были не более чем скучным разочарованием. А вещий сон — самым настоящим безумием, которым владел хозяин деревянной хижины, не вводя в курс дела бесполезного «наемного убийцу».

Никель не понимал, кем он был для Макса.

— Значит, я на «их» стороне!? И ты паникуешь по этому поводу?

— Я не паникую! — резко ответил Макс. — Ты заключил со мной сделку и обязан ее выполнить, как бы тебе не хотелось отскочить!

— Я помню все, что ты мне обещал! Тридцать тысяч евро за три ночи в комнате на верхнем этаже! И я выполню свои условия! Какие бы безумные мысли меня не посещали!

Макс подвинул кружку к Парамонову:

— Одну ночь мы уже отдали «им»! Вместо информации, я едва не получил пулю в спину. И это не без помощи твоей бабки! С ней у тебя сильная связь. Ее душа теперь полностью владеет твоим телом, и этого не изменить. Я видел много на своем веку! Видел, как люди менялись в одночасье, становясь злыми, словно цепные псы! Но, я давно уже не видел, чтобы предметы вот так материализовались при помощи сна.

— Я сам не могу понять, как такое возможно. — Никель снова вспомнил свой сон и недоверие пошатнулось. — Она просто вложила пистолет мне в руку. И вот теперь он лежит перед твоим взором. Когда я спускался по лестнице, меня одолевала только одна мысль — убивать! Ничего другого в тот момент для меня не существовало.словно сама бабка Марфа нажимала на курок.

— Такое бывает сплошь и рядом. Вроде бы ты осознаешь, что хорошо, а что плохо, но ничего не можешь с этим поделать. Думаешь, откуда берутся самоубийцы? По какой причине вполне здравомыслящий человек хватается оружие и идет к большому скоплению людей, ни с того, ни с сего устраивая стрельбу? Кому вообще может прийти такая безумная мысль?

Никель хотел ответить на его вопрос. Сильно желал это сделать, объясняя, кто на это способен.

«Психически нездоровые люди» — едва не прозвучало с его уст.

Но, он вовремя опомнился, когда перед глазами снова вспыхнула ясная картина — «Глок-17», нацеленный в спину Макса. И нажимал на спусковой крючок отнюдь не «сумасшедший», только что сбежавший из городской «психушки».

Это был он — Парамонов Николай Сергеевич, собственной персоной!

Зачем он это сделал?

Вопрос остался без ответа.

— Я расскажу тебе одну историю. — Поведал Макс. — Она произошла очень и очень давно. В далекой деревне, название которой я уже и не вспомню, проживало человек двести от силы. Может меньше. Суть в том, что все жили счастливо, дружно, словно одной большой семьей. Никаких склок или разногласий между соседями никогда не было, мало того, каждый житель деревни с радостью придет на помощь своему собрату, если в том возникнет надобность. Все действовали сообща, пока не произошло одно запоминающееся событие: хорошо известная в деревне семья похоронила дочь. Ей было лет тридцать от силы. Ничего не обычного — девушка сорвалась с утеса в реку, а тело так и не нашли.

— Похороны провели, не имея на руках тело погибшей? — поинтересовался Макс.

— Позже ее, конечно, обнаружили. Далеко от места падения. Но похороны провели в присутствии пустого гроба, в этом ты прав! Девушка пролежала несколько суток на побережье реки. При падении сломала обе ноги и руку, но все же была жива. Ни один смертный человек не протянул бы в таких условиях и пару дней. Вот, о чем я хочу поведать. Поисковый отряд не сильно заморачивался, сетуя на то, что дальше по реке находились опасные земли. Даже самые смелые следопыты не рискнули так далеко удаляться от деревни. Через сутки после бессмысленных поисков, девушку признали умершей, а еще через два дня похоронили. Уже по истечении нескольких дней, ее труп нашли охотники из другой деревни и сообщили об этом страшном инциденте. Но, главная суть не в этом. Я хочу сказать, что девушка наверняка была связана с «ними» еще при жизни. Как там называли твою бабушку? «Старая ведьма»?

— Ага.

— Пусть будет ведьма. — Согласился Макс. — Хотя, название не совсем точное, но более приемлемое для нашей беседы. По крайней мере, упростит понимание моих сказанных слов. И ты не удивляйся! Ведьма не обязательно должна быть старой сморщенной бабкой с остроконечным колпаком на голове и древней метлой между ног! Ей может оказаться четырнадцатилетняя девочка, вполне себе взрослая женщина или же старуха с клюкой. Кто знает, кто тебе попадет в следующий момент?...

— А мужчины могут быть связаны с «ними»? — перебил Николай.

— Еще как! К твоему сведению, их намного больше! Здесь вы их зовете колдунами. Слышал такое словечко?

Господи, когда все это кончится!

Никель уже с трудом переваривал подобную чушь. Ведьмы, колдуны, вурдалаки, кого еще Макс приплетет к своей истории. Будь он детским писателем, выдумывающим потусторонние миры — другое дело! Но, взгляд хозяина дома говорил об обратном. Макс действительно верил в свои рассказы и непременно хотел убедить в этом Никеля.

Для наемного убийцы, каждое, услышанное слово в стенах лесного домика, было не более чем выдумкой. Бредом сумасшедшего, если быть откровенным!

Каждое сказанное слово несло сейчас глубокий бесполезный смысл, кроме одного!

«Глок-17»!

Никель не мог объяснить его появление, потому сомнения понемногу брали верх.

— Для чего это все? Для чего вообще существуют ведьмы и колдуны? — ничего личного, просто здоровый интерес.

Макс посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд Никеля выдавал большую порцию сомнений, такую огромную, что впору было задуматься — не бросить ли это безнадежное дело?

Но каким-то внутренним чутьем, собеседник понимал: это еще не конец! Приоритетная задача всегда оставалась на первом месте, — переманить неверующего на свою сторону, и самое главное — заставить «их» это увидеть! Максиму стоило бы огромных усилий выполнить то, что он задумал, если бы не бабка Марфа. Ведьма преподнесла им поистине великолепный подарок! И пусть этот подарок в руках наемного убийцы едва не стоил ему жизни, Макс, несомненно, знал: ни при каких обстоятельствах Никель не сможет объяснить появление пистолета в комнате на верхнем этаже.

А это уже был шаг к маленькой победе!

— Для чего ты живешь, Николай? В чем смысл твоей жизни? — поинтересовался хозяин лесного домика.

— Теперь уже не знаю. У меня была семья: молодая жена и маленький ребенок. Их радость была моим смыслом жизни. А теперь, их смерть — мое бесконечное горе.

— Сожалею. — С трудом вымолвил Макс. — Но так уж устроен этот мир. Когда мы приносим радость в свою жизнь, или ее приносит кто-то другой — мы счастливы. Но, когда в наши сердца проникает горе, радуются уже «они»! Закон равновесия. Кто-то теряет кошелек, а кто-то его находит. И этого не изменить!

Ведьмы живут тем, что питаются нашим горем. Ты наемный убийца! И ты лучше меня знаешь, как приносить горе в семью. Этим ты продлеваешь «им» жизнь! И ведьмы тебе благодарны! За последние двадцать лет мир сильно изменился, уже не встретишь по-настоящему счастливого человека. Самоубийцы, маньяки, извращенцы и Бог знает, кто еще населяют наш мир. Кровь течет рекой по улицам города, а, как известно, кровь лучшая «пища» для ведьм и колдунов! Они черпают из нее энергию и становятся только сильнее.

— Магия крови? — поинтересовался Никель.

Сколько книг в жанре фэнтези он перечитал в свое время.

— Можно сказать и так! — согласился Макс. — Отличие лишь в одном — это реальный мир, а не выдуманный клочок земли писателем-фантастом. Все происходит здесь и сейчас. Ну, Бог с этим! Я отвлекся от своего рассказа! Скажи лучше, сколько полных лет было твоей бабке Марфе, когда она приняла смерть?

Парамонов задумался:

— Если не ошибаюсь, семьдесят девять. Ей не хватило пару месяцев до своего девяностолетия.

— Вот видишь! Много ли людей ты встречал на своем веку, кто дожил до такого древнего возраста? Пару человек?

Никель не мог вспомнить ни одного.

— Ведьмы живут очень долго. — Продолжил Макс. — Намного дольше обычных людей! Практически ничем не болеют и обладают поистине громкими способностями. Возьми хотя бы нашу девушку из далекой деревни. По словам медицинского эксперта, она пролежала в воде около восьми дней, прежде чем испустила дух. Кто еще способен на это?

— Ну, не знаю. Я слышал о подобных случаях! Человеческий организм и не на такое способен, когда находится в объятиях смертельной опасности. Я читал, что некоторые люди

могут провести без еды и воды до десяти дней. Думаешь, все они ведьмы и колдуны?

— Не обязательно! У меня тоже были сомнения по поводу тридцатилетней девушки относительно ее ситуации, пока я не услышал продолжение истории. Как известно, первое время душа находится возле тела погибшего, а на третий день отправляется на встречу к Господу. У ведьминой души совсем другой путь. По истечении трех дней она набирает немислимую силу и до сорокового дня остается в нашем мире творить немислимые бесчинства. Проще говоря, она выходит на пик разгула!

Макс отхлебнул чая из своей кружки, ожидая вопроса, а может быть, и противоречия со стороны своего собеседника, но ничего подобного не произошло.

Никель послушно молчал, стараясь дослушать историю до конца.

А потому, хозяин лесного домика продолжил:

— Деревня подверглась страшнейшей атаке. Не в прямом смысле слова, конечно! Но, как бы странно не звучали мои слова, — деревня погубила сама себя. Все началось с того, что одному из жителей приснился странный сон, в котором тот увидел усопшую во всей ее красе. Женщина предложила сделку: «Я помогу тебе, а ты поможешь мне!». Ничего не напоминает?

— Бабка Марфа сказала об этом перед тем, как вложила мне в руку оружие.

— Вот именно! Ведьма предложила рассказать ценную информацию, взамен на свою «простенькую» просьбу. У каждого жителя деревни найдется свое тайное желание, которое недоступно при обычных обстоятельствах. И ты даже не представляешь, какие черные мысли роятся в голове у некоторых добропорядочных людей, за претворение которых в жизнь, они готовы буквально продать душу! Девушка предложила поделиться мыслями другого человека, который в глубине души жаждет чего-то плохого ближнему своему.

— И он пошел с нею на сделку?

— А чего еще ему оставалось?! Ведьма не оформляла сделку на бумаге с участием нотариуса или подписью каплей крови на древнем холсте. И заметь, не просила в обмен на информацию душу верующего. Она просто рассказала одному из жителей, что соседка готова выкрасть грудного ребенка для черного ритуала. И она знает, как это предотвратить! Девушка пояснила, что после смерти вознеслась к небесам, и Господь назначил ее Хранителем этой самой деревни. Ну, как? Правдоподобно звучит? Ты бы поверил?

Никель задумался.

Если честно, он скептически относился к подобного рода байкам, но из головы никак не хотела выходить история с пистолетом.

— Думаю, все, что касается маленького ребенка, ни в коем случае не должно подлежать сомнению. — Сделал вполне разумный вывод Парамонов. — На это ведьма и давила.

— Совершенно верно! — поддержал его Макс. — Но это еще не полная история с «вещим сном», как ты его называешь. Ведьма прекрасно понимала, что один такой инцидент не принесет ей в «копилку» громкой славы. Ее Темная душа будет бесчинствовать в нашем мире еще тридцать семь дней, и нужно спешить, чтобы добиться максимально возможного результата для того, чтобы угодить своему «господину». И это отнюдь не Господь! Потому, предстояло изобразить великое противостояние...

— Дай угадаю! — перебил его Николай. — Чтобы достичь наибольшего результата, противостояние должно выйти за рамки обыденного, а сделать это можно одним лишь способом. На месте ведьмы я бы противопоставил не зло добру, а зло — злу! Проще говоря, вкуче с информацией о черном ритуале для маленького ребенка, я бы сообщил соседке, что

первый житель деревни собирается убить своего дитя. Его нужно непременно остановить и для страховки отобрать малыша, определив того под свою защиту. В идеале — уничтожить родителя! Таким образом, с каждого инцидента я получу двойной эффект, возьму под контроль обе «грешные» души, и так далее по истечении сорокового дня. Каждый следующий раз я буду вытворять что-то подобное, и предстану перед «господином» во всей красе, объяснив, что даже после смерти имею право властвовать в этом мире без ограничений! Вполне вероятно, что в «их» царстве далеко продвинулся по иерархической лестнице. Если, конечно, она существует!

Макс даже похлопал в ладоши:

— Великолепно! Лучшего объяснения даже я бы не нашел! И ты прав, ведьма настроила обоих соседей против самих же себя. Впервые на моей памяти материализовался ритуальный нож в руке у первого жителя. К сожалению, сам я этого не видел, лишь слышал безумные рассказы одного деревенского дурачка. Я искал ритуальное оружие, но когда понял, что, скорее всего это детская выдумка, больше не стал терять время на далекую легенду. Пока ты не убедил меня в обратном. Оказывается, уже очень давно, ведьмы и колдуны могут материализовать любой предмет с помощью сна, но для этого нужна особая связь с усопшей. Вроде той, которая сейчас у вас с бабкой Марфой.

— Хочешь сказать, во мне теперь ее душа?

— Трудно сказать. Душа такая странная вещь, что порой не поймешь, во что она превратится в следующий момент. Одно из двух: либо твоя бабка во время смерти обменяла свою душу на твою, либо оставила все, как есть, но теперь твоя душа приняла темную сущность бабки Марфы, и борется за выживание всю твою жизнь. И как видишь, не безрезультатно! Твое неверие все больше принижает светлую сторону, потому мы и имеем полное право этим воспользоваться. Наша с тобой сделка основана на противостоянии добра и зла. И мы обязаны победить!

— А что будет, если мы проиграем? Что произойдет, если темная сущность превзойдет светлую, и я окажусь на «их» стороне?

Макс пожал плечами и безразлично сказал:

— Ты умрешь!

Никель вздрогнул:

— В одиночестве, в комнате на втором этаже?

Хозяин дома не ответил. Он не стал вдаваться в подробности и просто проинформировал:

— Я уже говорил, что наша сделка не так проста, какой ты ее считаешь. Мало того, ты сам настоял на том, чтобы продолжать начатое, хотя я сначала не согласился с твоей кандидатурой.

— Знаю, знаю! — ответил Парамонов. — Я не тот человек, который тебе нужен. И пожертвовать мною тебе крайне сложно!

— Я не это имел в виду...

— Неважно! Я заработаю эти «бабки», чего бы это ни стоило! Я вижу — ты честный человек и не обманешь меня. Честно признаюсь, твои рассказы мало похожи на правду, и единственное, что меня сейчас заботит — это тридцать тысяч евро. Маленькие желтенькие бумажки, готовые дать мне возможность продолжить жалкое существование. Но имей в виду, я ответственный человек и выполню свой «контракт» во что бы то ни стало. И даю тебе слово, если «они» действительно свяжутся со мной, я выведу нужную для тебя

информацию. Клянусь своей душой!

— Твоя душа уже показала, на что способна. На далее, как вчера, ты поднял оружие на своего освободителя.

— Освободителя, заключившего со мной сделку, проигрышем в которой будет смерть!

— Никто не говорил, что будет легко! — грозно ответил Макс.

— А я и не ждал этого! Договор есть договор, и я его выполню! Прежде всего, хочу извиниться за свой дерзкий поступок этой ночью. И просто дать тебе честное слово, что никогда в жизни больше не направлю оружие в твою сторону. Идет?

— Идет. — Усмехнулся Макс и пожал ему руку.

— Но все же я хочу услышать конец истории про далекую деревню. — Попросил Никель.

Хозяин дома взглянул на собеседника, стараясь понять, просто ли это интерес, или все же Николаю хотелось верить в услышанное?

Но историю он закончил:

— Каждому жителю приснился подобный сон. По словам ведьмы, кто-то пытался утопить подругу в местной реке, завидуя нажитому имуществу. Хотя, какое там имущество можно нажить в голимом захолустье. Кто-то хотел позариться на чужую женушку; отдельные личности, собравшиеся в горстки, планировали наказать местного купца, который, по словам ведьмы, изготавливал товар из кожи младенцев и украшал его пуговицами, выполненными из глаз умерших стариков. Рыбаки не знали покоя от наглых охотничьих псов, что довольно часто прокрадывались в их амбары и тоннами уничтожали пойманную рыбу. В отместку, они травили собак, или же просто, завидев животное, отрубали ему голову огромными тесаками, в свою очередь, навлекая на себя гнев охотников. Люди не просто устраивали бедствия в деревне. После себя они оставляли горы трупов. Помниться в одном инциденте маленькая девочка ткнула отца кухонным ножом прямо в живот за то, что он не разрешил ей прогуляться с любимой собачкой. В ответ, мать убила свою же дочь, выстрелив той в лицо из отцовского ружья. Брат шел на брата, а отец на сына. Матери с дочерьми стали кровными врагами, а соседи могли устроить поножовщину из-за мелкой ссоры прямо на глазах у маленьких детей. Мечь ведьмы была страшной, и деревня даже не подозревала, чьих рук это дело.

— И никто не обратил внимания на странное поведение жителей? — спросил Никель.

— Никому не было до этого дела! словно все обитатели разом сошли с ума. По истечении сорока дней с момента смерти девушки, ее темная душа предстала перед своим «господином», а в деревне все еще продолжались волнения. Смерть стала обычным делом для жителей, будто бы они и не знали другой жизни.

— Но должен был кто-то вырваться из этого безумия? — Никель старался найти лучик света в этом «темном царстве».

— Совершенно верно! — оправдал его ожидания Макс. — Один житель деревни все же улизнул из этого места, перед тем как началось смертельное побоище огромных масштабов. Ее звали Злата. Без нее мы бы и не узнали о случившемся. Девочка рассказала о кровавой бойне в деревне, когда с трудом достигла близлежащего поселения. Грязные, испачканные в крови волосы; сломанные ребра и левая рука говорили о том, что она не шутит. Девочке было всего двенадцать лет, и она с трудом могла говорить. Ее тело покрывалось крупными мурашками об одном лишь упоминании названия своей деревни. Во время рассказа Злата не раз теряла сознание, ей мерещились страшные монстры с рогами на голове и длинными

хвостами. Девушку трясло так, словно она видела перед собой самого Князя Тьмы. Так душа ведьмы повлияла на сон молодой девчонки.

Через несколько дней, жители соседнего поселения собрали добровольцев и двинулись в эту деревню. А когда добрались, то увидели страшную картину: горы трупов бесхозно лежали на улице и даже не были преданы земле. Жилая зона раскурочена до такой степени, что была не пригодна для нормальной жизни. Столпы пожарищ раскинулись по всей деревне, задевая практически каждый дом, и ни одного живого человека. Никого, кто бы смог объяснить увиденное!

Хотя нет!

Вроде бы кто-то остался в живых, но по прибытию добровольцев, самолично поджег себя в своем же доме. Его глас разлетался по деревне вопиющим рыком: «Тебе меня не провести, ведьма!».

Добровольцы осмотрели деревню. Основным оружием, которым пользовались жители, были топоры, вилы, лопаты и еще какая-то домашняя утварь. Ничего необычного, ее можно сыскать в любом сарае или амбаре. Естественно, охотники применяли ружья. Никакого ритуального кинжала никто не видел.

— А эта девушка... Злата, она осталась жива?

— К сожалению ненадолго. Ее преследовали какие-то видения, разговаривали с ней, и все же привели к утесу, откуда в свое время сорвалась ведьма. Девушка прыгнула по своей воле, как говорили позже очевидцы. Ее унесло сильным течением, а тело нашли спустя несколько дней в том же самом месте, где обнаружили ведьму.

Макс замолчал.

История закончилась, а осадок остался. И где-то в глубине поселения остался ритуальный кинжал, который так и не удалось найти.

«Глок-17» этому подтверждение!

До сегодняшнего дня Макс твердо верил, что ведьмы и колдуны могли превращаться в любое животное или предмет. Для них не составляло труда принять обличье дикого звери или же деревянного колеса старой телеги. Но, если с помощью сна усопшая может отправить настоящее оружие в реальный мир, это совсем другое дело. Сколько пакости можно сделать, вложив в руку верующего заряженный пистолет, и подчинить сознание.

— Ты хочешь меня напугать? — сделал свой вывод из этой истории Парамонов.

— Я хочу тебя предупредить! И показать на примере этой истории, насколько опасны «вещие сны». Подчинив твоё сознание, бабка Марфа тем самым решила свести счеты со мной. Но, самое главное — первое знакомство состоялось! «Они» тебя заметили и теперь не упустят из виду твою душу. Ты должен знать, с каким коварным соперником тебе придется столкнуться! Бабка Марфа была только приманкой. Следующая ночь расставит все на свои места. Тебе предстоит выбрать, на чьей ты стороне. Я хотел бы тебе помочь, но не смогу этого сделать, пока ты не поверишь!

Пока хозяин дома рассказывал эту историю, на улице стемнело.

Макс поглядел на часы: 23:09.

— Я возьму с собой «ствол»! — уверенно сказал Никель.

— Не думаю, что он сможет тебе помочь. — Воспротивился собеседник.

— И все же мне с ним будет спокойнее. Если ты боишься...

— Я не боюсь! — перебил его Макс.

Он быстро собрал «Глок» и вставил магазин. Еще раз посмотрел на оружие, покрутил

его в руке, словно убеждаясь, что все это не морок, и протянул Никелю:

— Я тебе доверяю. И уверен, что ты не используешь его снова против меня.

— Я обещал!

Макс посмотрел ему в глаза, и снова мелькнула нотка сомнения. Он прекрасно понимал, что в подобную авантюру Николаю сложно будет поверить. Такие слова, как «ведьма» или «колдун», он слышал только в сказках. Церковь была настолько далеко от его души, что все истории казались легендарным вымыслом.

Только одно Макс знал наверняка — «Глок-17» никогда не покинет его скользкий разум. Он до конца жизни будет метаться из стороны в сторону; сомневаться в учении веры и скептицизма, пока действительно не увидит все своими глазами.

И эта ночь должна переубедить его раз и навсегда.

— Запомни, Николай! — Макс напоследок еще раз явил истину, когда пистолет вновь оказался в руках наемного убийцы. — Самое сильное оружие — это вера! Как бы тебе не хотелось думать по-другому!

— Я тебя понял. — Неожиданно вырвалось в ответ.

Никель сделал последний глоток из своей кружки и засеменил в комнату на втором этаже. Его вдруг накрыло предчувствие, как в тот злополучный день, когда он попал в лапы банды Лихача.

Будто этой ночью должно что-то произойти.

Что-то нехорошее.

Но, теперь у него есть настоящее оружие. И он непременно им воспользуется.

В благих целях!

Глава 5. Комната страха

Этой ночью Никель уснул, как младенец. Всему виной недавний инцидент, что произошел с ним по злой воле бабки Марфы, и после которого только по счастливой случайности он едва не застрелил своего спасителя в его же доме.

Тяжесть прошедшего дня, долгая лента разговоров, мыслимых и немыслимых последствий неподъемным грузом навалилась на плечи Парамонова. Он уже плохо себе представлял, чьи слова можно было взять за правду, а чьи — нет! Его разум вроде бы верил рассказу Макса, но в то же время отказывался принимать все за чистую монету.

Так уж устроен уклад жизни в его мире. Каждому сказанному слову требовалось весомое и неопровержимое доказательство. И никто на этой земле не мог его предоставить в полном объеме.

Единственной реальной вещью был даже не «Глок-17», который он получил от своей бабки. Никель свято верил, что этому событию есть вполне себе достойное объяснение.

А самая реальная вещь на сегодняшний момент — это пачка желтых купюр, достоинством в двести евро, и количеством в пятьдесят штук. Итого: десять тысяч!

Такие «бабки» Никель мог заработать только за несколько недель, отправившись в дальние края для выслеживания очередного преступного авторитета по приказу Фомы. Рискуя своей жизнью, жизнью случайных свидетелей и вообще просто хороших людей, волею судьбы появившихся на линии огня.

Но, сейчас все было по-другому!

Фома мертв. Его сферу влияния уже наверняка делят собратья по оружию, не забывая продолжать поиски наемного убийцы, назначив за голову Парамонова кругленькую сумму.

Нельзя упускать тот факт, что банду Лихача, могли уже обнаружить следственные органы на загородной даче. Шум драки, которую устроил Макс, могли слышать случайные люди, и нельзя полностью отрицать то, что вскоре после побоища на место прибыла местная полиция и сделала свои верные выводы. А если принять во внимание и хотя бы на минуточку представить, что кто-то из них связан с головорезами Лихача или Фомы, участи Никеля не позавидуешь!

Весь персонал следственного комитета, приближенные Фомы и верные друзья Лихача прочесывают сейчас каждую пядь земли, стараясь наказать беглого преступника.

Не далек тот миг, когда вся когорта охотников за головами вломится в убогое жилище в самом центре леса и возьмет Никеля тепленьким, прямо во время сна.

От пугающих умозаключений Парамонов проснулся.

Его не прельщала мысль оказаться в ловушке четырех стен, когда нагрянет шайка местных бандитов. Да, у него под подушкой мирно покоился «Глок», заряженный еще десятью патронами, но он ни в какое сравнение не шел с тем оружием, которое приволокут в этот дом его враги.

Да и зачем так усложнять ситуацию, если можно наскоро обложить сухим лапником деревянное жилище и просто поджечь. Голос беглеца, заживо горящего в карающем огне, разнесется по лесу в назидание всем присутствующим, и никто не в силах будет ему помочь.

Никель отогнал страшные мысли, невыносимой тяжестью навалившиеся на плечи. Думать об этом он больше не имел права. В своей комнате на первом этаже, а может, как и прошлой ночью — с зажженной свечой на кухне, находился человек, который заключил с

ним сделку.

Сделку, оцененную в тридцать тысяч евро!

Пока головорезы Фомы вычислят его местоположение, пройдет целая вечность. Никель будет уже далеко с кругленькой суммой в кармане и новеньким паспортом за душой. Он смело заляжет на дно, никому в этом мире не доверяя, и будет лежать столько, сколько потребуется. С такими деньгами его никто не в состоянии будет отыскать.

Молчание — золото!

А в его случае — евро!

Но мысль о том, что его все же могут найти раньше, гнетущей тяжестью давила на грудь. Ему становилось труднее дышать, словно легкие уменьшились в объеме. Он жадно хватал воздух, пытался прогнать тянущую боль во всем теле, пока, наконец, не осознал, что все это происходит на самом деле. И тяжесть в груди не психологическая атака, какой термин частенько применяют психиатры, а самая настоящая реальная боль.

Она пронзила его до костей, сдавила грудную клетку, словно в то место положили тяжелый предмет, и Никель с ужасом услышал неприятный хруст.

Не нужно быть гением, чтобы понять — трещали его кости. Еще мгновение и грудная клетка проломится, острыми осколками костей повреждая внутренние органы.

Парамонов закричал, позвав на помощь Макса. Но вместо крика, он услышал слабый хрип, больше похожий на стон умирающего человека. Настолько тихий, что его не то, чтобы Макс, — рядом стоящий человек ни за что бы на свете не услышал.

Руки его не слушались, ноги стали ватными, а взгляд помутнел. Никель почувствовал, как неведомая сила жестче прижимает его к кровати. Он напряг мышцы до предела в области груди, создавая слабое сопротивление. Попытался вновь пошевелить рукой, чтобы сунуть ее под подушку, где находился верный «Глок», хотя, как использовать пистолет в такой ситуации — даже не представлял. Он не видел перед собой вероятного противника, комната была пуста и темна, только еле видимое облако парило над ним, бесформенной сущностью создавая иллюзию тумана.

Парамонов ощутил, как давящая сила в области груди чуть-чуть ослабла, и часть своего напора перенесла на горло. Чьи-то невидимые пальцы надавили на трахею и Никель закашлялся. Стало совсем невозможно дышать, а с каждым новым толчком, из его рта вырывались клубы пара, словно в помещении придавил мороз.

В комнате стало холодно.

Тело Парамонова покрылось большими мурашками. Его затрясло, словно маленького ребенка, то ли от холода, то ли от страха. Разум чертил в воздухе ужасные видения, а глаза Николая испуганно шарили по комнате, пытаясь зацепить взглядом вероятного противника. Но, всякий раз, когда он устремлял взор в ту или иную часть комнаты, силуэты испарялись, словно играли с ним в прятки.

Краешком глаза он уловил незаметное, но быстрое движение, будто что-то, крадись по полу, молниеносно укрылось под кроватью.

«Это не наяву! Это не наяву!» — сознание не хотело верить в происходящее, но неведомая давящая сила вновь и вновь убеждала его в обратном.

И в следующий момент большая серая кошка прыгнула на грудь Парамонову.

Страх наливной волной встретил его податливый разум. Еще сильнее задрожали колени и кисти рук, холодный пот пронзил с головы до ног, и Никель, наконец, осознал, что всему виной не дикий холод.

Он вдруг реально почувствовал мягкие лапы на своей груди и неподъемную тяжесть, что вскоре сомнет стонущие кости. Он был на грани безумия, старался не потерять сознание, дикий кашель душил его, не давая возможности сделать хотя бы вдох. Тело буквально онемело! Теперь Никель не чувствовал ни рук, ни ног, будто их вовсе не было.

Серая кошка принялась и медленно повернула голову, взглянув прямо на него.

Большие зеленые глаза с узкими зрачками неистово светились в темноте. На фоне легкой дымки создалось впечатление, что кошка плывет, словно в тумане, а когда они с Пармоновым соприкоснулись взглядами, накатила волна невыносимого ужаса.

Зеленые глаза расширились, шерсть вздыбилась, а точеные когти впились в грудь Никелю с новой разрывающей болью. Наемный убийца вдруг осознал, что не видел ничего ужаснее в своей жизни. Ужас рисовал перед ним страшные картины, создавал невыносимые образы, и тонкий слух вдруг поведал ему, что к кровати кто-то приближается.

Кто-то поистине жуткий и мерзкий!

Дальнейшее развитие ситуации, ни в какое сравнение не шло с его нынешней участью. На мгновение Пармонову захотелось, чтобы «братва» Фомы его нашла. По крайней мере, он знал, чего от них ждать!

И вот, когда Николая пронзила очередная волна безумного ужаса, и он понял, что нет на свете поистине ничего более зловещего, кошка заорала нечеловеческим голосом.

Комнату пронзила давящая боль, словно она была живым организмом. Даже Пармонов почувствовал, как от страха и невыносимого зла задрожали стены. Разум Никеля померк на фоне громкого завывания, из глаз выступили слезы, и сердце было готово вырваться из груди.

Ему хотелось закричать, но голос превращался в едва слышимый крик.

Ему хотелось убежать, но ноги больше не слушались его.

И, наконец, ему захотелось умереть, но пистолет был вне зоны досягаемости.

«Оружие тебе не поможет. — Мелькнул в голове голос Макса. — Главное твоё оружие — это вера!».

Сознание уже стало проваливаться в небытие, глаза медленно закрывались, и сладкое удушье клонило его в царство мертвых, когда до Никеля, наконец, дошел смысл сказанных Максом слов.

«Отче наш» — разум прошептал вместо него, потому что губы отказались подчиняться.

Кошка перестала кричать и принялась. Зловещая тишина резанула слух, но эхом еще отдавался громкий ор.

«Отче наш!» — яростнее повторил Никель.

Неведомая сила ослабила хватку, и Пармонов глотнул свежего воздуха. Кошка уставилась на него удивленным взглядом, словно не понимая, что же на самом деле происходит. Она уже не весила, как девятитонный грузовик и не пугала, как самое страшное чудовище на земле.

Работает! Работает, мать твою! Кто бы мог подумать!?

— Верую! — теперь Никель мог с трудом, но говорить. — Верую в тебя, Господь и всегда верил, только не хотел это признавать!

Макс говорил, что нужен определенный порядок слов, но, видимо, серой кошке хватило и этого. Она злобно фыркнула и, оттолкнувшись от груди, прыгнула на пол.

Пармонов почувствовал, как кошка царапнула его острыми когтями, и легкое жжение пронзило его тело. Кровь выступила на груди, словно серое чудовище готовилось провести

темный ритуал, помечая потенциальную жертву.

Никель задышал полной грудью.

Свежий воздух проник в легкие, обогащая кровь кислородом. Серая дымка, кружившая над кроватью, тут же рассеялась, и комната снова приобрела темный оттенок, словно никакой серой кошки и в помине не было.

Тело Никеля все еще дрожало, смешно выглядя со стороны.

Он лежал на кровати и боялся пошевелиться. Никогда бы в своей жизни он не подумал, насколько действенна сила молитвы. Сказочные рассказы знакомых священников, ни в какое сравнение не шли с сегодняшним инцидентом. Никто на всем белом свете не смог бы его убедить в существовании неизвестной силы, пока он сам не лицезрел одну из этих сущностей.

Но, Никель не знал главного, — это все только начало!

Сделка с Максом оценивалась в тридцать тысяч евро, и хозяин желтеньких хрустящих купюр не желал отдавать их просто так. Уговор есть уговор.

Да пошел ты, со своими «бабками»!

Ему вдруг захотелось срочно покинуть комнату на втором этаже и бежать без оглядки, но ноги до сих пор не слушались. Ужас сковал тело и разум, и ни при каких обстоятельствах не захотел отпускать.

Скрипнула входная дверь, и Парамонов невольно вздрогнул.

Тут же запахло болотной трясиной или, возможно, плесенью. Никелю почудилось, что он находится в затхлой комнате, а вокруг него распростерлись болота местных лесов.

Сквозь приоткрытую дверцу скользнула темная тень, так похожая на силуэт маленького ребенка. Скользнула настолько быстро, что Николай не смог уловить, в какую часть комнаты переместился незванный гость.

— Ты не видел мою кошечку? — голос справа застал его врасплох, и сердце вновь захотело вырваться из груди, а вместе с этим и навсегда покинуть комнату.

Тоже мне, кошечка! Это же настоящий монстр! Чуть в штаны не напрудил при виде серой твари!

Но, в глубине души возник вполне разумный вопрос: откуда здесь маленькая девочка? Макс решил над ним подшутить?

Никель ощутил прикосновение. Рука девочки сжала ладонь Парамонова, и дитя жалостливо попросила:

— Я потеряла свою Мусю. Давай поищем ее вместе?

Девочка резко дернула его за руку, отчего Никель едва не свалился с кровати. В последний момент он выставил ногу и уперся ею в холодный пол.

К его удивлению, весь пол был устлан сыпучей землей, от которой исходил зловещий запах, словно землю принесли прямиком с городского кладбища. Неприятный хруст под ногами громко зазвучал в комнате, эхом отдаваясь в каждом ее уголке, и Парамонов даже боялся взглянуть под ноги, чтобы увидеть, что же такое склизкое и отвратительное крошится под ним.

Он не видел лица девочки. Лишь темный силуэт и мертвецки прямые черные волосы, спадающие на ночную длинную до пола сорочку.

Страх немного отступил, после того, как появился ребенок. Эта девочка явно успокаивала, и Никелю хотелось думать, что это всего лишь страшный сон. Но, какое-то незнакомое чувство все равно не покидало испуганный разум, словно кто-то настойчиво

заставлял поверить в то, чего на самом деле не существовало.

— Нам нужно поторопиться. — Сказала девочка. — Иначе он придет и заберет мою Мусю.

— Кто «он»? — спросил Никель.

Но девочка не ответила. Она лишь показала под ноги Парамонову и быстро произнесла:

— Посмотри под кроватью. Может моя кошечка там?

Никелю пришлось опуститься на колени, что бы заглянуть под кровать. Резкий хруст раздался в полной тишине комнаты, и на миг показалось, что под коленями раскололся череп какого-то животного.

Животного ли?

Никель опустил голову.

Под кроватью точно не было кошки. Она впопыхах убежала, когда «Отче наш» сыграл свою немаловажную роль в жизни наемного убийцы. Вера — самое сильное оружие, все время повторял Макс и был абсолютно прав! Когда бы еще Никель использовал его в благих целях по отношению к самому себе. Кому рассказать — ни за что не поверят!

Парамонов уже намеревался встать с колен, но вдруг услышал громкий голос маленькой девочки:

— Нет! Нет! Он уже здесь! Не забирай мою кошечку, пожалуйста!

И Николай увидел, как юное создание бросилось к двери и скрылось за ее пределами. Дверь со скрипом притворилась, и в комнате снова повис безмятежный мрак.

Земля под ногами никуда не делась, лишь зловещая вонь только усилилась, проникая в сознание, и намекала на то, что весь этот кошмар далек от завершения.

Черт его дернул в последний раз посмотреть под кровать!

Что он там хотел увидеть? Миленькую кошечку, которая не так давно кричала во весь голос и когтями впивалась в грудь?

Ничего подобного он там не увидел! Только две лишние ножки кровати, на которой он безмятежно спал.

Стоп!

Откуда у кровати шесть ножек? Четыре обычные и две такие широкие, словно она должна выдерживать настоящего слона.

Разум достроил картинку, когда легкий ветерок невесть откуда пронесся по комнате. А сердце в очередной раз застучало, с быстротой лани набирая обороты.

Уже выныривая из-под кровати и ударяясь головой о ее дно, Никель понял, что это были не дополнительные ножки, а лохматые лапы какого-то животного.

«Зверь, о котором твердила бабка Марфа» — сначала вырвалось из памяти.

Но, Николай точно помнил, только сны со вторника на среду обладали правом сбываться, а вот со среды на четверг — не имели никакого отношения к его дальнейшей судьбе.

Да и сном это было не назвать. Слишком правдоподобно выглядело сие действие. От реальности не отличить!

Парамонов головой ударился о кровать, пытаясь подняться во весь рост, и повалился на могильную землю. Звонко затрещали за его спиной усопшие кости, превращаясь в костную муку; белесая пыль поднялась над комнатой, и Николай смачно чихнул.

— Будь здоров! Но не забывай, что болезнь вмиг тебя настигнет, коли я того пожелаю!

Неприятный голос звучал, словно из потустороннего мира, и тело Парамонова

затряслось, будто в эпилептическом припадке. Снова это знакомое ощущение, когда страх пронзает с головы до пят и хочется умереть на месте, чтобы больше не испытывать такие мучения.

«Отче наш! Отче наш!» — Никель не помнил слов всей молитвы.

Да, что там «не помнил»? Будем честны хотя бы по отношению к себе.

Он ее вовсе не знал! Только первые два слова!

Когда Макс сунул ему сложенный вчетверо лист бумаги, она так и осталась в кармане джинсов.

Хотя нет! Перед сном он успел немного почитать, пока его не срубила дикая усталость. Все произошло настолько быстро, что вспомнить теперь, куда делись слова молитвы, не представляется возможным.

Существо вальяжно обогнуло кровать, и Парамонов услышал скрип туго натянутых пружин. «Оно» село на его спальное ложе, прогибая своим весом жалобно скрипящее днище.

— Отче наш?! Отче наш?! Ты гребаный предатель! — голос теперь не звучал, будто из законопаченного гвоздями гроба.

Он звенел над комнатой, безумной силой разрезая пространство. От этой мощи съеживалось сердце, сокращались мышцы во всем теле, и только одно чувство укутывало Николая с головы до пят — ужас.

Даже не страх! Самый настоящий ужас!

Он не давал ему пошевелиться, здраво соображать или вспомнить хотя бы часть молитвы. Хотя, по словам ночного гостя, молитва ему не причиняла вреда. Он сам повторил «Отче наш» два раза подряд, презрительно наплевав на силу Господа. С таким чудовищем невозможно было бороться.

Парамонов все еще лежал на холодной земле, что устилала пол его комнаты. Руки раскинуты в стороны, глаза зажмурены с такой силой, что веки свело в ужасной судороге. Он боялся разомкнуть их и посмотреть страху в глаза. Он боялся собеседника больше самой смерти!

Внезапно Никелю почудилось, что по телу пробежал холодок. Потом еще и еще! Словно маленькие сороконожки затеяли детскую игру в догонялки.

Никелю стало мерзко, и к горлу подступила тошнота. Больших усилий стоило ему сдержаться, чтобы ужин не выплеснулся прямо на засыпанный землей пол.

Нужно было немедленно что-то предпринять, иначе от безумного ужаса, что вселял ночной гость, сердце могло не выдержать. И бедная душа покинет брненное тело, направляясь не к Господу, а в объятия этого мерзкого существа.

Никелю стоило невероятных усилий повернуть голову в сторону кровати и разомкнуть сведенные веки. В комнате было темно, но силуэт гостя все же прочерчивался на фоне крошечной мглы. Предательски заслезилась глаза, создавая мягкую прозрачную пелену, словно организм оберегал своего хозяина от безудержного и бесконечного зла.

Парамонов несколько раз моргнул, сбивая слезы, и его взору предстало чудовище.

Человеческая голова с большими рогами, за спиной раскинулись крылья, а мохнатые толстые ноги заканчивались широкими копытами — так выглядел незнакомец. Он гордо восседал на кровати, локтями опираясь на колени, и пристально рассматривал Никеля, словно лицезрел человека впервые в своей жизни.

Мгновение, и глаза Парамонова снова покрылись слезами, не давая увидеть истинное зло во всей красе.

Ужас накатил еще сильнее, сердце сжалось до минимальных размеров, отчего защемило в груди, и он зажмурился от боли.

«Верую! Верую!» — застонал Никель и тут же открыл глаза.

Он вдруг вспомнил, что прошлой ночью уснул, держа в руке тетрадный лист с письменами Макса. И по простой незамысловатой логике, лист бумаги должен был лежать где-то у кровати. Скорее всего, он выронил его, когда сознание нырнуло в царство сна.

— В кого ты веруешь, поганый смертный? — голос ночного гостя громко прозвучал в тишине комнаты, отчего сознание жалобно застонало, и Никель снова зажмурился.

Чудовище, словно читало его мысли. А потому, от него не могло ускользнуть поведение мелкого человечки, который осторожно шарил рукой по полу у спального ложа. Он явно что-то искал!

Ночной гость опустил глаза и сразу же нашел это «что-то».

Он поднял с пола мятый тетрадный лист и с омерзительной ухмылкой спросил:

— И это твое оружие?

Никель тут же открыл глаза, когда догадался, что существо имело в виду. Маленький клочок бумаги мелькнул на фоне бесконечной тьмы, ничем не удерживаемый. Он просто витал в воздухе, плавно перемещаясь то выше, то ниже, и завораживал, словно инструмент иллюзиониста.

— Меня зовут граф Фургас! — зачем-то представилось существо. — И меня не проймут нежные фразы вашего Господа. Они не представляют для меня никакой опасности!

Существо замороженно дунуло на порхающий лист бумаги, и он вспыхнул ярким пламенем.

В один миг огонь ударил по глазам, освещая комнату, и тут же погас, превращая в пепел клетчатый тетрадный листок. Остатки серых крупинок посыпались графу Фургасу под ноги.

Одного мига хватило Никелю, чтобы выхватить образ его лица, когда пламя на короткий промежуток времени осветило все вокруг. Перед Парамоновым сидело настоящее чудовище, с которым лучше никогда не встречаться лицом к лицу. В крошечной тьме образ ночного гостя выглядел куда менее устрашающим.

Холодные черные глазницы, бездонной пропастью смотрели в пустоту. Черты лица больше напоминали изувеченного пленника, которого пытали каленым железом всю его жизнь. Рога, расположенные на голове; тонкий хвост, оканчивающийся пышной кисточкой; и, наконец, уродливые толстые ноги, покрытые густой шерстью и закрепленные снизу широкими копытами, добавляли омерзительности этому существу.

«Он прибудет не через входную дверь. — Вспомнил слова Макса Никель. — Он появится из твоего сознания».

После такой мысли тело Парамонова настигла такая дрожь, с которой трудно сравнить какое-либо заболевание. Ужаснее существа он не встречал даже во сне. В том «вещем» сне, где появилась его бабка и выдуманный зверь, который в сравнении с ночным гостем был просто игрушкой.

— Узри же меня, смертный! И посмотри в глаза своему Господину!

Фургас, словно прочитал его мысли, понимая, что его вид вызывает дрожь во всем теле. По периметру комнаты зажглись факела, невесть откуда появившиеся в пустом помещении, пропала из виду старенькая кровать, а на ее месте расположился алтарь.

Не иначе, — комната жертвоприношений!

«Верую во единого Бога Христа!» — последние попытки защититься от мучительной

смерти. Никель явил набор случайных фраз.

— Ты веруешь не в того Бога! — закричал граф, и огни факелов дрогнули под натиском его голоса. — Твой Бог — трус! Он передал твою душу в мою власть, и я использую ее по назначению!

Парамонов едва слышал его слова. В голове вдруг поднялся такой шум, что фразы существа на фоне его поникли. И только спустя несколько мгновений, Никель, наконец, осознал, что гул в его голове не был сотворен Великой силой ночного гостя. Внутри Парамонова заговорили сторонние голоса.

— Не перечь ему! Слышишь? Никогда ему не перечь!

Они, словно убеждали Николая не делать глупостей.

— Прими своего Господина! — не утихал громогласный рык существа. — И повинуйся!

Наверное, все в округе до самого края леса слышали этой крик, но по непонятной для Никеля причине — никто не шел ему на помощь. Макс, находящийся в доме, даже и пальцем не шевельнул, чтобы ему помочь.

Сейчас Парамонова уложат на красивый алтарь и принесут в жертву неизвестному Богу.

Хотя, нет! Известному!

Более чем, известному!

И это будет не Иисус Христос.

Но вместо этого, граф Фургас взмахнул крыльями и воспарил над комнатой, словно сам был Богом:

— Преклони колени, смертная мразь, когда с тобой разговаривает граф!

Никель не то, чтобы встать на колени, он не мог даже пошевелиться от страха. Все тело обьяло такая слабость, что впервые в жизни наемный убийца почувствовал себя беззащитным.

В этот момент чья-то неведомая сила приподняла его над полом и, перевернув лицом вниз, бросила обратно на могильную землю.

Эффект удался!

Никель приземлился на колени перед Господином, но тело было настолько слабо, что он уперся руками в пол, не имея возможности встать, как подобает покорному рабу.

Вот так, стоя на четвереньках, он изо всех сил держался, чтобы не упасть. И не потому, что этого требовал этикет нового Господина, а всего лишь по одной простой причине — под ним сгрудилась большая куча насекомых: жуки, сороконожки, могильные черви и еще всякий сброд. Парамонов не горел желанием падать на них всем телом.

Он вдруг увидел, как сороконожки и могильные черви обвили его руки, и медленно, словно изображая серпантинную дорогу, двинули вверх по рукам. Нетрудно было догадаться, куда метили омерзительные твари. Никель вдруг представил, как могильные черви заползают в его рот, глаза и уши. Начинают жрать его изнутри, наслаждаясь каждым кусочком живой плоти.

Он искренне понимал, что не сможет сбросить кишачье воинство, потому, как и так держался из последних сил. Руки дрожали, иногда сгибаясь в локтях, дергались в немислимых конвульсиях и то и дело, норовили дать слабину.

И когда войско сороконожек достигло локтей, к горлу подступила тошнота. Такая же омерзительная, как и вся армия могильных насекомых.

Граф Фургас снова ударил крыльями и приземлился на невесть откуда появившуюся кровать. Жертвенный алтарь пропал из виду, словно никогда его здесь и не было.

— Ну что, смертный! Ты примешь власть своего Господина? Или же захочешь провести всю свою жизнь, стоя на коленях?

Никель хотел ему ответить. Действительно, хотел!

Но вместо слов, снова подступила тошнота, удержать которую не было больше сил.

Парамонов с презрением блевнул в кучу скопившихся слизняков, разбрасывая во все стороны черные брызги. Сороконожки и могильные черви, почувствовав неладное, тотчас соскочили с его рук и бросились врассыпную. Комок черной слизи выдавил из себя Николай, и частицы ее окропили руки.

— Это означает — «Да»? Или «Нет»? — крылатое существо не хотело отступать.

Парамонов его уже не слышал.

Он ясно чувствовал, что во рту его что-то застряло, мешая дышать в полную силу. И это «что-то», несомненно, было живым. Он перевел взгляд от омерзительной кучи слизняков на свой рот, и насколько это было возможным, рассмотрел подробнее.

Тонкий коричневый волосок, размером с цыганскую иглу, выглянул из-под губ. Заметавшись, он больно застучал по губам и по небу, словно пытался вновь забраться в то место, с которого только что выскочил вместе с волной черной слизи.

Осознав, что во рту действительно находится живой организм, мало того, даже не пытается его покинуть, Никель едва не потерял сознание.

Слава Богу, тошнота подступила быстрее.

Его вырвало во второй раз, и обильнее, чем тогда. Черная слизь местами окрасилась в коричневый цвет, заливая могильную землю, а изо рта в полной мере показался длинный хвост и задние лапки. Хвост распрямился во всю длину, а лапки задергались, словно пытались найти опору, чтобы вернуться на законное место.

Не нужно быть зоологом, чтобы понять, какое животное доселе находилось в его организме! По задней части брюшка и длинному хвосту он вмиг определил.

Крыса!

Слабость немного отступила и Парамонов почувствовал прилив сил, словно грызун заблокировал энергию его крепкого тела.

Никель схватил крысу за хвост и потянул. Передними лапками она вонзилась в язык, видимо, все еще не желая покидать тайное место. Парамонов застонал от боли — острые коготки рвали податливую плоть и приносили невероятные страдания.

— Что это у тебя во рту? — вновь заголосил Фургас, и новая сила накрыла сознание Никеля. — Не смей ее вытаскивать! Это дар твоего Бога!

И граф громко рассмеялся.

Сильно зашумело в голове, и ослабла хватка; но Николай все же удержал крысу за хвост. Грызун все еще упирался, боролся за свою жизнь, и своими стараниями даже не подозревал, что готовит третью волну рвоты.

И она не заставила себя долго ждать.

Парамонов собрал в кулак всю свою волю и блевнул от души, дергая за хвост мечущееся животное.

Крыса выскочила изо рта, раздирая язык и губы. Вместе с нею вышел и новый комок слизи, окрасившийся в красный цвет. Снова сороконожки и черви бросились врассыпную, боясь запачкаться в разноцветном естестве.

Парамонов откинул крысу в сторону, а мокрый грызун только фыркнул в ответ и быстро удалился в противоположный угол.

И в этот момент его срубила такая усталость, что Никель не чувствуя рук и ног, упал на спину прямо в свою же блевотину. Брызги разлетелись далеко по комнате, несколько капель даже попали на стену. И в следующий момент Парамонову захотелось умереть.

Голос в голове шептал: «Эти мучения никогда не кончатся. Есть лишь один способ с этим покончить».

— Смерть! — прошептал наемный убийца.

«Никто не говорил, что будет легко! — издали послышался слабый голосок Макса. — Нужно всего лишь перетерпеть! Это возможно!».

— Это невыносимо! — не согласился с ним Никель.

— Это всего лишь начало, гнусный предатель! — вновь голос графа Фургаса возвратил его в реальность. — Ты отрекся от своей веры и переметнулся на сторону врага! Я устрою тебе такие мучения, что ты будешь молить о смерти!

Парамонов снова задрожал, поймав себя на мысли, что уже стал привыкать к такому состоянию. Покрытый крупными мурашками, измазанный могильной землей и своей же блевотиной, он больше походил на существо из потустороннего мира. Кровь сочилась у него изо рта, руки били конвульсиями по полу комнаты, превращая замешкавшихся многоножек в размазанную жижу, и единственным желанием для него — было умереть!

«Смерть! Смерть!» — шептали надоедливые голоса, выгрызая мозг.

Или все же это были его мысли?

— Я все еще жду ответа! — гроыхнуло над головой.

Снова помещение комнаты наполнила привычная сила. Уже в который раз съежилось сердце, зашумело в голове, и дрожь в теле усилилась. Глаза буквально брызнули слезами, и надавил такой страх, что впору было молить о пощаде.

Или все же о смерти?

— Молчишь, мерзкий предатель? Так замолчи же ты навсегда!

Язык Парамонова был разорван, неизвестно откуда взявшейся крысой, и даже если бы он сподобился дать ответ, у него бы ничего не вышло. А существо, словно издевалось над ним.

Никель вдруг почувствовал, как губы сильно стянуло. Они слиплись меж собой, словно их намазали супер клеем, и как бы Парамонов не трудился, открыть рот ему не удалось. Все попытки терпели неудачу.

Страх накинута новой волной.

Безудержной и необъятной!

Никель не представлял, как дальше существовать в этом мире. Терпеть такие мучения он больше не мог.

Лучше уж умереть!

Граф Фургас словно услышал его мольбу. Медленно потянул мохнатую лапу, нырнул ею под подушку и вытащил пистолет, приготовленный Никелем для обороны, но так и не использованный.

— Хочешь умереть, жалкий людишка? Я предоставляю тебе такую возможность!

И существо бросило Никелю «Глок-17».

Пистолет скользнул по полу комнаты, разбрасывая брызги разлагающихся сороконожек и червей, и приземлился точно у лица Никеля.

Страх на половину отступил. Стало легче дышать, дрожь прекратилась, словно сознание почувствовало рядом настоящее спасение. Неведомая тьма уже не так давила на него, и

Никель ощутил прилив сил.

Он поверил, что сможет!

Сможет решить эту проблему раз и навсегда!

Парамонов повернулся на бок, а потом и на живот. Под весом его тела погибли несколько многоножек, остальные же впопыхах попытались убраться в безопасное место.

Никель уперся коленями и ладонями в скользкую массу и попытался оттолкнуться от пола. Руки заскользили, и он мордой плюхнулся в свою же блевотину.

Вторая попытка была более удачной.

Рывком он встал на колени, отрывая от пола руки, и уселся на голени. Встать во весь рост ему бы все равно не удалось. Неимоверных усилий потребовалось Никелю на такой маневр, и, слава Богу, что он принял хотя бы такое положение. Лежать в мерзкой черной жиже ему не хотелось.

Парамонов поднял с пола пистолет. С него падали сгустки крови, блевотины и хрен знает, еще какие извержения, оставленные мертвыми телами многоножек. «Глок-17» был скользким и неудобным, потому что все время пытался вырваться из рук, оставляя хозяина один на один с потусторонним существом.

Ну, уж нет! Больше таких мучений он не потерпит! Его душа не достанется этому гаду!

«Освободи ее! — закричали голоса в голове. — Освободи свою душу, отделив от тела! И ты сам станешь свободным!».

Никель подтянул пистолет сначала ко рту, но вовремя вспомнил, что губы слиплись мертвой хваткой. Ему больше ничего не оставалось, как прислонить дуло к виску и нажать на курок.

Страх перед графом Фургасом отодвинулся на второй план. Поджилки не тряслись, словно перед ужасным чудовищем. И надоедливые голоса не кричали в голове благим матом, убеждая в целесообразности поступка.

Это его решение! И ничье больше!

— Стреляй! — не выдержал граф Фургас.

Темная сила снова проявилась в комнате, но Никель уже ничего не чувствовал. Он приготовился умереть. Без права на возрождение.

Легкий нажим на спусковой крючок и...

Сухой щелчок!

Парамонов не сразу понял, что же произошло.

Осечка, твою мать!

Он снова выстрелил.

Снова щелчок!

Ужас накатил холодной волной. Никель дрожащими руками дернул затвор и из патронника выпрыгнул патрон.

Пистолет заряжен! В чем же дело?

Парамонов надавил на курок в третий раз и услышал злобный смех Фургаса:

— Ха-ха! Посмотрите на него! Гнусный предатель даже не может достойно умереть!

Николай все нажимал и нажимал на спусковой крючок, не веря в происходящее. Восемь осечек подряд! Такого в принципе не могло случиться. Он внимательно взглянул на «Глок», убеждаясь в том, что это то самое оружие, переданное бабкой Марфой.

— Какой же ты жалкий, человечешко! Видеть тебя не хочу! И ты больше не смей смотреть в мою сторону!

В комнате мелькнула яркая вспышка, которая заставила Никеля зажмуриться. В глазах заиграли зелено-красные круги, давя на сознание, и он с ужасом осознал, что не может разлепить веки.

Жалкий человечешко стоял на коленях, выпачканный в могильной грязи, измазанный скользкой жижей сороконожек и могильных червей. Он ничего не видел, не мог вымолвить ни слова, а только мелко дрожал, волоча свое существование.

В руке он держал бесполезный пистолет, давший восемь осечек подряд. Бессмысленное оружие против такого непобедимого монстра и напрасные мольбы к Богу, который даже не хотел его слушать.

«Отче наш!» — как то уж скромно подумал Никель.

«Верую!» — слишком слаба была его вера сейчас.

«Господи, помоги!» — он просил помощи, всегда забывая просить прощения.

И ответил ему далеко не Бог:

— Я приду завтра! — голос звучал, словно из-под крышки гроба. — Я могу тебя избавить от всего этого, или замучить насмерть! И поверь, смерть для тебя станет великим мучением. Ты будешь гореть в прямом смысле слова. Будешь молить меня о пощаде, но я не внику твоим мольбам. А потом заберу твою душу, неверный! Так что, выбор за тобой!

Невидимая сила удалилась так же внезапно, как и появилась.

Парамонов от бессилия рухнул на пол, в последний момент, понимая, что под ним не было скользкой жижи, многоножек и червей.

Под ним был абсолютно чистый пол, который располагался в комнате на верхнем этаже обычного лесного домика.

Глава 6. Тайна закадычных друзей

Вдох получился на удивление глубоким. Сложилось ощущение, что Никель за мгновение до этого вынырнул из бездонного озера. Он дышал во всю мощь своих легких, с наслаждением втягивал чистый воздух, не испорченный болотной затхлостью, и не сразу сообразил, что губы больше не сомкнуты неведомой силой.

Его глаза различали силуэт кровати, что покоилась от него в нескольких шагах, из чего Парамонов сделал вывод, что видит он не хуже, чем слышит или говорит.

«Сон!» — оправдание быстро пришло на ум, но чувство реальности ни при каких обстоятельствах не хотело покидать затуманенную голову. Сознание плавало по комнате, словно все еще находилось в небытие. Присутствие графа Фургаса отголосками боли отдавалось в пустой комнате, доставляя, мягко говоря, неприятные ощущения.

Коричневая крыса была все еще где-то здесь, и могла снова тайком заползти к нему в рот, а скользкие многоножки и невероятной мерзости могильные черви мелькнули перед глазами, будто ужас из далекого детства.

От этой мысли захотелось блевать так сильно, что сдержать спазмы желудка стоило ему особых усилий.

Николай поднялся на ноги, потерянный, измазанный в черной могильной земле, хотя комнатный пол был абсолютно чистый, как и в тот день, когда он впервые решил использовать здесь огнестрельное оружие.

Слабым отблеском отдавало крошечное окошко, сквозь которое проникал спасительный свет. Никто не взял в заложники его душу и не бросил в кипящий котел, хотя от той мысли, которая его вдруг посетила, по коже пробежал холодок.

Никто не пытался надавить на его сознание, и самое главное — никто на всем белом свете не желал ему зла! По крайней мере, в этот момент, когда он находился в замкнутом помещении наедине с собой.

Комната на втором этаже лесного домика стала для него настоящей тюрьмой. Желтоватые купюры европейской валюты перестали быть достигаемой целью, и такой легкой добычей для наемного убийцы, который всю свою жизнь зарабатывал свой хлеб, принося в мир незамысловатую и неминуемую смерть.

Бесплатный сыр лежит только в мышеловке!

Тридцать тысяч евро просто так никто не станет ему давать, — нужно просто поверить в эту простую и так знакомую истину!

И в этот момент, одна единственная мысль настигла Никеля, словно пикирующий коршун, — «бежать!».

Бежать из этой комнаты, чтобы никогда в нее больше не возвращаться. Никакими уговорами его никто не заставит вернуться в это Богом забытое место.

Сделке конец!

Макс должен услышать это от него!

Пусть он засунет себе в задницу тридцать «кусков» желтой бумаги!

Такие мучения никогда не оправдают никакие, даже самые немыслимые, «бабки»!

Парамонов грешным делом подумал, что не сможет подняться с пола, но его возможности превзошли его ожидания.

Он вскочил, словно ребенок-непоседа, подхватив так дорогой «Глок», и рванул в

спасительную дверь. Она на удивление легко поддавалась, и Никель едва не оступился на первой же ступеньке, когда попытался скорее покинуть это дьявольское место.

Его разум рвался на части, заставляя тело метаться из стороны в сторону. Одна его половина кричала о том, что таких «бабок» он никогда не заработает, а другая взывала к реальности. Покинуть этот дом настояло немедленно! Никакие уговоры, убеждения или мольбы здесь не имели весомого слова! И явным доказательством тому являлся страх, который Никель пережил этой ночью.

Парамонов мягко скользнул по деревянной лестнице, вплоть до последней ступеньки, крепко держась за удобные поручни. Он хорошо помнил, как в своем сне быстро скатился к подножию двери, сломав два ребра и вывихнув лодыжку правой ноги.

С такими ранами, ему придется нелегко!

Конечно, покинуть злополучное место ему все же удастся, но что делать потом? Без денег, хорошей одежды, транспорта ему далеко не уйти! А повстречай на своем пути головорезов Фомы — и вовсе не сулило для него ничего приятного!

Он нервно зажал в ладони рукоять пистолета, и рванул на кухню, где его должен был ожидать Макс.

— Ах ты, ублюдок! Что это было, мать твою!

Парамонов не сразу заметил, что на кухне присутствовал посторонний человек.

Человек в черной рясе сидел напротив него, и тыкать пистолетом в лицо слуге Господа не совсем было корректно.

— Успокойся, Николай! — Макс поднялся из-за стола и краем тела заслонил вновь прибывшего незнакомца.

Никель дрожал, словно осиновый лист. Его сознание еще не полностью восстановилось, переживая воспоминания прошлой ночи. Из далекой памяти всплывали зловещие картины потустороннего мира, где рогатая тварь все еще не отпускала своего визави. Граф Фургас повелевал огромной армией мертвецов, и стоя на отвесной скале, указывал размашистым крылом в неизвестном направлении. А огромная свора «нечисти», повинувшись повелителю, следовала в последний бой.

— Кто это? — рука Парамонова задрожала, неуверенно удерживая «Глок-17».

Одно неверное движение и прогремит выстрел. Кто знает, каким теперь будет его исход? В тесной комнате, да при свете белого дня, преимущество было на стороне Никеля. Нажми он сейчас на курок, и ни одна живая душа своим ходом не покинет кухню. А подоспевшие криминалисты будут до вечера отскребать кровь в маленьком помещении.

— Это мой друг. — Спокойно сказал Макс. — Его зовут отец Севастьян. Он священник. Я прошу тебя, Николай, убери оружие.

Никель некоторое мгновение смотрел то на Макса, то на его друга. Рука дрожала, словно снова поддавалась извечному страху. Слово снова он слышал голос темного существа с размашистыми крыльями, рогами и копытами.

Ему мерещились могильные черви, сороконожки и крыса, при воспоминании которой к горлу подступила тошнота. Снова почудилась земля под ногами, и неизвестный голос в голове прошептал:

— «Убей!».

Никель стоял в одних трусах на пороге кухни. Его одежда осталась в комнате на втором этаже, куда он ни при каких обстоятельствах не хотел возвращаться. И когда он, наконец, осознал свое плачевное состояние, громко выдохнул и опустил руку с пистолетом.

— Иди сюда, Коля. — Просто сказал хозяин дома и сделал шаг навстречу.

Никель подошел, неуверенно ступая обмякшими ногами. Тело его не слушалось; мышцы, налитые невероятной усталостью, отказывались подчиняться и разум, до сих пор не различавший сон от реальности, не верил в происходящее.

Макс обнял Парамонова и осторожно отобрал у него оружие. Никель примостился на стул, а хозяин лесного домика бросил ему на плечи шерстяной плед. Несмотря на то, что наступил июнь, Никеля знобило, будто он сидел на крыльце в настоящий февральский мороз. Но, когда мягкая шерсть укутала его с головы до ног, он тут же почувствовал детское облегчение, словно ребенок, прячущийся с головой под спасительное одеяло от ночного выдуманного кошмара.

— Выпей этот отвар, Николай. Тебе станет легче.

Отец Севастьян подвинул Никелю его любимую расписную чашку.

Парамонов жадными глотками хлебал ее содержимое. На мгновение Максу почудилось, что Парамонов вот-вот захлебнется или просто отпрянет от горького напитка, но ничего подобного не произошло. Видимо, вкусовые рецепторы еще работали не в полную силу.

Севастьян готовил отменные зелья, и суть их была в том, чтобы допить напиток до конца. Только в этом случае можно рассчитывать на максимальный эффект.

И Никель не стал капризничать, будто маленькая девочка! Он выслушал все без остатка, даже не воспринимая вкус этого неприятного пойла.

— Что произошло в комнате? — аккуратно задал вопрос хозяин лесного домика.

— Произошло!?! — глаза Никеля побагровели, а вены на шее вздулись. — Я едва не отдал Богу душу!

— Никто не говорил, что будет легко...

— Никто не говорил, что будет так трудно просто находиться в комнате! — буквально закричал Парамонов. — Срань Господня! Объясни, что здесь происходит?

Макс с Севастьяном переглянулись.

— Успокойся, Николай. Я тебя умоляю! Не нужно так реагировать...

— А как я должен реагировать? Просто сделать вид, что ничего не случилось?

Хозяин дома промолчал.

Дать Николаю сейчас выговориться — самый верный момент. Он, скорее всего, получил легкий шок этой ночью и не собирается мириться с происходящим, особенно принимая во внимание то, что его вера все еще слаба.

Через несколько мгновений подействует отвар Севастьяна, и тогда разум расставит все по своим местам. Сон останется сном, а реально происходящие события — реально происходящими событиями. Парамонову просто нужно время.

И действительно, голова Никеля прояснилась. Отвар Севастьяна честно отработал свой хлеб. События прошлой ночи отодвинулись на второй план, словно намекая на то, что все происходило не наяву. Парамонов уже с трудом вспоминал отдельные детали, мелкие неудобства и сценки неприятных действий, которые витали, словно в тумане. Они преследовали его, манили своей загадочностью, но выглядело все это, будто давний детский кошмар.

— Расскажи нам все по порядку, Николай. — Голос отца Севастьяна казался успокаивающим.

Ни миг Никель подумал, что так действует его отвар.

Убедительно, с небольшой ноткой гипноза.

— Сначала была кошка. — Поведал Парамонов. — Хотя, нет! Сначала перехватило дыхание. Уже потом огромный котяра запрыгнул мне на грудь и стал орать, будто его четвертуют прямо на моей груди. Я попытался вспомнить одну из молитв, но слова никак не лезли в голову. Все же мне удалось что-то соорудить из некоторых бессвязных фраз, и животное удалилось.

— Какую молитву ты использовал?

Парамонов посмотрел на собеседника, будто это он священник и обязан знать все псалмы.

— Откуда мне знать? Я шептал все, что придет мне в голову!

Удивлению Севастьяна не было предела.

Он обратил свой взгляд на Макса, словно был его прямым наставником:

— Ты отправил в комнату неподготовленного человека?

— Что значит «неподготовленного»? — спросил Никель.

Но Макс проигнорировал его вопрос.

— У меня не было на это времени! — ответил хозяин дома. — И не нужно мне читать нотации! Я делаю то, что могу.

— Ты делаешь все по-своему! И в этом твоя беда! Ты отправил парня на верную гибель! И нам повезло, что он вернулся в ясном рассудке.

— Я отправил парня, чтобы помочь! И тебе в том числе! Я прекрасно видел его силу воли. И ты знаешь, что в этом вопросе мне равных нет.

— Ты, наверное, запомнил, Макс! Прошлый раз юноша выстрелил тебе в грудь, когда вышел из комнаты! И единственным твоим спасением стало то, что ты...

— Не надо ему об этом знать! — перебил священника хозяин дома. — Он выполняет контракт. Его задача — извлечь информацию. Остальное — не его забота!

Никель оглядел обоих собеседников недобрый взглядом:

— Чего мне не нужно знать?

— Не важно! — быстро ответил Макс. — Лучшее, что ты можешь для нас сейчас сделать, это подробно рассказать, что произошло в комнате. Остальное, тебя мало касается.

Парамонов пристально взглянул на своих собеседников, и в памяти всплыла манящая пачка желтеньких купюр, достоинством в двести евро. Его непосредственный заработок за вполне «непыльную» работенку. Хотя то, что произошло с ним этой ночью в комнате на верхнем этаже, — не окупится никакими деньгами. Убить кого-то — пожалуйста! Но встретиться лицом к лицу с древним злом — нет, уж, увольте!

И ему захотелось уволиться прямо сейчас.

— Да пошли вы к черту! Я больше не вернусь в эту комнату, ни под каким предлогом!

— Николай... Николай...! Не нужно так спешить. Не смотри на нас дураков. Мы можем ссориться по малейшему пустяку, а все потому, что мы знаем друг друга очень давно...

— Да мне плевать! Я сегодня же покину этот дом и ваши «бабки» мне даром не нужны!

Священник вздрогнул после этих слов. Времени осталось всего ничего, и лишатся такого реального шанса — было не с руки.

— Мы все расскажем тебе! — внезапно поведал отец Севастьян.

— Нет! — завопил Макс.

— Я расскажу тебе всю историю. Даю слово священнослужителя! Кто-то же из вас должен об этом узнать!?

Никель пристально посмотрел на священника:

— Из кого это, из «нас»?

Повисла пауза. Видимо, отец Севастьян подбирал правильные слова, а может, все еще раздумывал, стоит ли вообще говорить правду неизвестному для него человеку.

Но, Макс первым нарушил тишину:

— Из добровольцев.

— Да-да! Из добровольцев, которые согласились нам помочь. — Поддержал его слова Севастьян. — Но для начала, ты должен нам подробно рассказать, что же произошло в комнате?

Парамонов долго всматривался в его лицо. Когда-то давно он читал о том, что мимика тела может поведать многое о человеке. Жесты, движения губ, дерганье мышц лица и тому подобное, могли указать на то, что собеседник тебе нагло лжет. Жаль, что в свое время, он не изучил этот поистине феноменальный эффект. Не раз он попадал в ситуации, где его пытались надуть, словно юнца. И сколько раз, при должном таланте, он мог бы уйти от бессмысленной перестрелки. Сколько жизней он мог спасти тогда, просто распознав ложь в глазах собеседника?

— После кошки появилась девочка. — Сказал Никель. — А затем, ужасное существо с крыльями, рогами и мохнатыми лапами...

— Девочка?! — будто что-то вспомнил Севастьян.

— Это бывшая хозяйка дома. — Объяснил Макс. — Безобидный ребенок, всегда ищущий свою кошечку. Я часто вижу ее в этом доме. Она погибла много лет назад, если не ошибаюсь — при пожаре. Но, меня больше интересует существо.

— Граф Фургас. — Быстро сказал Никель.

Лица собеседников побелели.

— Он тебе представился?

— Конечно, представился! Думаете, я выдумал его имя? Я уже испытываю ужас, при одном только его упоминании. Вы видели его морду?

Макс и отец Севастьян закачали головами:

— Поверить не могу! Граф Фургас у нас в доме! Комнату придется сжечь.

— Ни в коем случае! — закричал Макс. — Это наш шанс! Если такой сильный демон явился в нашу обитель, значит все намного серьезнее, чем мы предполагали.

— Ты вообще, соображаешь, что говоришь?! — взорвался отец Севастьян. Это уже был не спор давних друзей, а настоящая склока врагов. — Одно из двух: либо ты лишился ума, либо не расслышал, кто посетил нашу обитель?

— Я отчетливо все слышал! — негодовал Макс.

— Значит, должен понимать, о чем я тебе говорю!

— Прекрасно понимаю, мой друг! И прошу проявить благоразумие! Такого шанса у нас больше не будет. Помнишь, я тебе говорил, как появился этот пистолет? — и хозяин дома указал на оружие, лежащее на столе.

— Одно дело материализация предмета, а другое — граф Фургас! Да, у Николая крепкая связь с бабкой Марфой, но демон такой силы в нашем доме...

— Это удача! — Макс закончил за него фразу. — «Они» проявили интерес, и мы непременно должны этим воспользоваться! Информация, сказанная из его уст, намного ценнее, чем нелепые слова какого-нибудь беса или полубеса. Мы выудим из них то, чего обычному смертному и не снилось! Мы станем обладать такими знаниями, что вся преисподняя станет перед нами на колени! Да, в конце концов, мы избавимся от проклятия!

Мы, наконец, узнаем правду. Верно, Николай!

— Хрена-с, два! — Никель был непреклонен. — Вы думаете, я с ним поговорил по душам?

— А разве тебе не удалось ничего узнать?

— Узнать?! — Парамонов был вне себя от ярости. — Когда он появился, моя воля спряталась, словно забитый щенок. Глаза слезились от страха, ноги подкосились, а разум перестал подчиняться! Я лежал в земле, которой хоронят покойников; по мне ползали могильные черви и сороконожки, и я блеванул настоящей крысой! До сих пор чувствую затхлый ее запах у себя во рту.

— Это было не наяву, ты же понимаешь...

— Конечно, я понимаю! Конечно, мать вашу, я все понимаю! Только вот разум отказывался все это принимать. До поры, до времени! А потом он сдался, как и я! Мне захотелось избавиться от всего этого! Мне хотелось умереть! Я взял «Глок», липкий и скользкий от моей блевотины и приставил дуло к виску. А знаете, почему именно к виску?

Макс и отец Севастьян ничего не ответили, а только с удивлением смотрели на Никеля. И он сам ответил на свой вопрос:

— Я бы с удовольствием засунул пистолет в рот. Это самое удобное место для приведения суицида в действие. Только граф слепил мои губы с такой силой, что ни одна ныне существующая молитва не смогла бы их разлепить. Потом таким же макарон мой веки сомкнулись! Я ничего не видел и не мог произнести, лишь только спасительный «Глок-17» твердо лежал в моей руке. Я поднес его к виску и с облегчением нажал на курок. И знаете, что потом произошло?

Снова безмолвие.

И Никель вновь отвечает на поставленный собою же вопрос:

— Восемь осечек подряд! Вы когда-нибудь видели такое? После второй осечки, я передернул затвор, но это не принесло результатов. Я так и нажимал на спусковой крючок, пока не понял, что это существо так и не даст мне умереть. Он обладает огромной властью! Молитвы на него не действуют. Он сам с легкостью их произносит, даже не кривясь. С таким противником невозможно бороться. Его просто не победить! А потому, забудьте обо мне! В комнату на втором этаже я больше не вернусь!

— Николай, ты же понимаешь...

— Я сказал: «нет»! И точка!

Воцарилось молчание.

Такое давящее, словно собеседники вдруг оказались на дне океана. Барабанные перепонки сдавило с такой силой, что непроницаемая тишина стала просто невыносимой.

Отец Севастьян и Макс не знали, как переубедить Никеля, а он в свою очередь не хотел больше вспоминать детали проведенной ночи в комнате на втором этаже.

— И твои деньги мне не нужны. — Тихо сказал Парамонов. — Я сегодня же покину этот дом, и вы меня больше не увидите. Я предпочитаю умереть от пули наемников Фомы, а не от ужаса, что здесь твориться!

— Я понимаю твое негодование, Коля. — Макс решил успокоить гостя. — Тот ужас, что встретился тебе на пути, не каждый человек способен понять...

— Ты не понял меня! Я не хочу ничего понимать! Разбирайтесь со своей проблемой сами, и не вмешивайте меня в свою игру!

Никель уже хотел встать из-за стола, но его остановил грозный голос священника:

— Ты не сможешь уйти!

Словно раскат грома прозвучал возглас в маленьком кухонном помещении. Отец Севастьян обладал поистине четко поставленным баритоном — даже Макс вздрогнул от неожиданности.

— Что ты сказал? — злости Парамонова не было предела.

— Расскажи ему, Макс! Или мне придется сделать это самому.

Краем глаза Никель увидел, как хозяин дома потянул со стола «Глок» и сунул его себе за пояс.

Обстановка накалялась. Парамонов вдруг подумал, что попал в хитро расставленную ловушку. Он доверился совсем незнакомому человеку, который спас его от лап Лихача, но теперь ведет свою, одному ему известную игру.

И это омрачало.

— Отец Севастьян не совсем верно истолковал фразу: «не сможешь уйти». — Объяснил Макс. — Ты, конечно, можешь уйти из дома. Как я уже говорил — ты не пленник. И поверь — никогда им не был в этом доме. Я доверился тебе, когда вновь отдал оружие, хотя ты и пытался меня убить...

— Он пытался тебя убить? — удивился Севастьян.

— Сейчас не об этом! Я просто хочу сказать, что не все так, как ты себе представляешь...

— То есть, уйти я не могу? Я заложник вашего положения? Пока вы не справитесь со своей проблемой — я стану гарантом ее выполнения. Так ли вас понимать?

Друзья снова переглянулись.

— Ты неправильно меня понял. Я хочу сказать, что ты свободен в праве выбора, только...

— Побывав в той комнате — ты обрек себя на вечные страдания! — снова поставленный голос отца Севастьяна резанул слух.

Макс грозно посмотрел на друга, и его взгляд не сулил ничего хорошего. Никель вдруг вспомнил, что за поясом у хозяина дома находится пистолет бабки Марфы, и вздумай Макс им воспользоваться — не миновать беды! А глаза его выдавали сие желание, — слишком уж ненавистный взгляд испытал на себе отец Севастьян.

— Скажи ему правду, Макс. Он такой же человек, как и мы с тобой.

— Не такой. — Сквозь зубы процедил хозяин дома.

Его взгляд превратился из устрашающего в ненавистный. И Никель грешным делом подумал — вот удачный момент воспользоваться оружием бабки Марфы.

Но Макс стоял, словно вкопанный. Он смотрел на друга, словно пантера на свою жертву. И неизвестно чем бы все это закончилось, не вмешайся Никель в ход повествования.

Он тут же схватил за руку священника и произнес:

— Поведай правду, отец Севастьян! Поведай ее без остатка рабу Божьему Николаю, и не утай ни слова. Поведай, словно на исповеди!

Такой прием должен был сыграть свою ключевую роль. Если перед ним настоящий последователь Бога, в чем Никель не сомневался, врать при упоминании Господа отважится не каждый священнослужитель. Тем более, в такой щекотливой ситуации.

Отец Севастьян положил левую ладонь на руку Парамонову и сказал:

— Я поведаю тебе правду, сын мой. Всю без остатка! Но для этого тебе придется задержаться в этом доме еще на какое-то время.

Прикосновение священника было мягким и пронизательным. Никель, словно почувствовал прикосновение Бога, до того отеческим и настоящим было касание. Все тело пронзила мелкая дрожь, но не такая, как в комнате на втором этаже, когда граф Фургас явился во всей своей красе.

— Я готов принять твои условия. — Николай не верил, что сейчас говорит своим голосом. — Но мне нужна только правда. И ничего, кроме нее.

Макс глубоко вздохнул, понимая, что сейчас истина выльется на свет неприятной болью, но уже ничего не мог поделать. Отец Севастьян дал слово и намерен его сдержать.

— Ты две ночи провел в комнате на втором этаже. — Начал священник. — Это гиблое место. Мы случайно его нашли с Максом много лет назад. В этом месте материализуются все твои страхи и сомнения. Неверия в том месте больше, чем в любой точке земного шара. Все, существующее там настолько реально, что ты не отличишь от настоящей жизни. Там обитает древнее зло.

— Я это испытал на своей шкуре, отец Севастьян. — Слова дались Никелю так легко, словно не раз он разговаривал с посланником Господа.

— Об этом я и говорю! Встреча со злом в том месте не совсем обычным образом действует на человека. Он начинает бояться и страдать. Страдать и бояться в прямом смысле слова. Слышит голоса в своей голове, как ты и рассказывал. Они действуют по-разному на людей. Кто-то, как ты, хочет умереть, покончив жизнь самоубийством, чтобы больше не терпеть ужасные мучения. Но, многие люди поддаются невероятному ужасу, превращаясь в животное или насекомое, словно прекращая контролировать свой разум. Они выходят из комнаты на четвереньках, будто глупая овца или коза. Кто-то ощущает себя тараканом, червем или навозным жуком. Сколько раз мы видели, как вполне обычный человек превращается в голодного зверя и бросается на первого встречного, находящегося поблизости. Это жуткое зрелище! Даже самому заядлому врагу нельзя такого пожелать.

— Я болен, отец Севастьян?

— Ты вышел из комнаты здравомыслящим человеком, сын мой. Тебе удалось пройти через невероятные пытки, но все же твое сознание не пострадало, хотя ты и пытался лишиться себя жизни. И поверь, это не слабость — это защитная реакция на происходящее вокруг. Голоса в твоей голове и ночные кошмары говорят о том, что ты вошел в контакт с «нечистью», а это грозит определенными последствиями. Мы их называем — порча. Порча твоего сознания, если говорить откровенно.

— Я одержим демоном? — нотки страха вновь пробудились, теперь уже с новой непреодолимой силой.

— Римские католики используют это слово уже давно. Много фильмов снято на эту тему, и, поверь, правды в них — ни малейшей крупинки. Нам показывают заморских священников, достающих души демонов одного за другим. Показывают, как они с легкостью умерщвляют их, зная лишь одно имя или прозвище. Но на самом деле все обстоит не так. Не буду вдаваться в подробности, а сразу отвечу на твой вопрос — нет! Ты не одержим демоном, иначе вел бы себя совсем по-другому. Они просто поработили твое сознание, смешивая отдельные видения с реальностью. Голоса, которые ты слышишь в своей голове — не иначе, как плод твоего воображения. Много долгих лет понадобится, чтобы от них избавиться неопытному в таких делах человеку. С нами тебе нечего бояться. Ты, конечно же, можешь покинуть пределы нашего дома, но с такими галлюцинациями, ты не проживешь и трех дней. Вот, о чем я тебя предупреждал! Дом — твоя защита, хотя и комната на верхнем

этаже является обителью зла.

Никель одернул руку.

— Вы подставили меня! — вырвались слова наружу. — И теперь мне нет пути назад!

— У каждого свой путь. — Спокойно сказал священник. — Твой путь — помочь нам. А мы тебя за это отблагодарим. Дадим денег и избавим от непосильной ноши.

— То, что я пережил этой ночью нельзя назвать ношей. Это похоже на проклятие!

— Ты не знаешь, что такое «проклятие»? — перебил его Макс. — И дай Бог, никогда тебе не узнать!

Его глаза вспыхнули слабым огоньком. И огонек этот не вызывал отвращения или тревоги, ему действительно можно было сочувствовать.

Макс вышел из-за стола и направился в прихожую, бросив напоследок:

— Расскажи все, как есть, Севастьян! Может, после этого он все же решит нам помочь? И не утаивай ни слова. Такого крепкого союзника нам не найти. Не многие могут похвастаться тем, что столкнулись с Фургасом и не лишились рассудка!

Никель услышал, как Макс набросил кожаную куртку на плечи и вышел из дома. В маленьком кухонном помещении они остались вдвоем с отцом Севастьяном — единственным священником в этом городе, кому Никель хотел доверять.

— Правда не всегда поддается логическому объяснению. Не всегда законы природы над нею властны и уж тем более, не всегда это можно поведать так, чтобы собеседник искренне поверил. Но, чтобы жить дальше, тебе придется принять правду, какой бы немислимой она для тебя ни казалась.

Слова священника лились на мир, словно урок в православной школе. Никель слушал внимательно, боясь упустить что-то очень важное. Но больше всего на свете ему сейчас хотелось верить! Вера становилась на первое место, особенно после того, что он лицезрел этой ночью.

— Нас было трое. Трое грешников, которых Господь не пощадил. Всегда и везде люди слышали то, что говорил Иисус Христос о прощении. Слышали о том, как он велел ученикам следовать за ним и его верой. Прощать, несмотря ни на что, какой бы злой корыстью не обросло каменное сердце. Какая бы злая сила не управляла этим миром, ставшим для сына Господня смертельной ловушкой. Люди по сей день твердят: «За что же Господь их наказывает?». Но, никогда и никто из них не задумывается о том, что Господь не имеет права карать. Ни при каких обстоятельствах он не может этого делать. Его благо — прощать! И только — прощать! Слышал, наверное, поговорку: «что ни делается — все к лучшему?».

— Ага.

— Это воля верующих! Только они знают, что Господь прощает и никак иначе. Если в твоей жизни произошло горе, значит, он избавил тебя от еще большей напасти, пожертвовав малой ее толикой.

— Мои жена и дочь погибли от рук убийцы. Это тоже его воля?

Никель посмотрел Севастьяну в глаза.

— Бог милосерден. — Спокойно сказал священник, уклонившись от ответа. — Он дальновиден и справедлив. Смерть твоей семьи, конечно, нельзя назвать благодатью. Но без нее мы бы не встретились. Может для тебя он припас более весомую задачу в этом мире? Может он первую очередь, хотел, чтобы ты в него поверил?

— Моя жена была верующей! Разве этого недостаточно?

— Мы не знаем всех его планов. Но знаем одно — он тот, кто прощает!

Никель подавил слезу.

Если Господь, таким образом, прощает, то грош цена его прощению. Все произошедшее похоже на ответную кару. И никак иначе!

— Так вот! — продолжил Севастьян. — Прощение — великая благодать на этой земле. Но, из каждого правила есть свое исключение, чего бы ни говорили его последователи. И одно из исключений сидит прямо перед тобой. Как я уже сказал, нас было трое.

— Я так понимаю, Макс один из вас?

— Ты все правильно понимаешь. — Ответил отец Севастьян. — Мы истинные грешники. Такие, которых не простил даже Господь. Мало того, он нас покарал. Началось все в Гефсиманском саду, где Иуда предал Христа. Отряд Храмовой стражи направился туда, чтобы арестовать сына Господня и с превеликим удовольствием это сделал. Его повели к прокуратору вдоль Мутного ручья, и, проходя по узенькому мостику, один из воинов толкнул Христа, отчего тот упал. Позже это было названо первым поруганием. Угадай, кто удостоил себя такой глупости?

— Макс?

— Тогда его звали Квинтилл. Он был одним из лучших воинов Храмовой стражи. Единственным его недостатком была молодость и гордость. И он не мог удержаться от того, чтобы повеселить сослуживцев. За что и пострадал. Далее сына Господня привели к первосвященнику Ханне. Он возглавлял Синедрион — высший судебный орган в Иерусалиме. Христос вошел в помещение и что-то сказал. Я уже не помню, какие слова он изрек, да это было и неважно. Никто не смеет право подать голос, пока не разрешит первосвященник. И в этот момент раб первосвященника ударил по лицу плененного сына Господня.

На глаза Севастьяна накатили слезы. Он искренне переживал тот момент каждый божий день, и Никель видел, насколько тому тяжело.

— Это был ты. — Утверждающе сказал Парамонов.

— Меня звали Малх. Я был лучшим рабом Ханны. Таким же заносчивым и высокомерным, как и Квинтилл. И нет мне прощения за это!

— Ты ударил Христа!?! — Парамонов только сейчас осознал смысл сказанных слов.

— Тогда никто не знал, что этот человек воскреснет на третьи сутки после казни и станет великим чудом человечества. Что он воздвигнет поистине громадную веру, называемую позже православием. Но в тот момент все считали его обычным смутьяном, который превозносил ложных Богов и научил рабов не бояться смерти. Ведь после нее возникала новая жизнь, не хуже предыдущей. Знаешь, что могло после этого последовать?

— Революция! — с уверенностью сказал Никель.

— Такого слова еще никто не знал в то время. — Согласился отец Севастьян. — Но мысль твоя верна! Если убедить человека, что жизнь после смерти станет великим спасением, то угроза для жизни не будет иметь никакого смысла. Чего боится любой человек?

— Умереть!

— Точнее неизвестности, которая последует вслед за ней. Убеди простой люд в том, что после смерти ничего не заканчивается, и тот, кто истинно верит в Бога — перенесется в иной мир. Мир, в котором будет настоящая идиллия, спокойствие и гармония. Мир, в котором дети снова встретятся со своими отцами и матерями, познают радости жизни, где золото в руках головореза не будет иметь власти над свободой. И где наступит бесконечная

жизнь, несравнимая с жалким существованием в этом убогом мире.

— Люди перестанут бояться. — Сделал вывод Парамонов. — И рабы восстанут против своих феодалов. Смерть им будет нипочем! Они просто станут жаждать перехода в другой, лучший для них мир.

Священник посмотрел в глаза Никелю:

— Теперь ты понимаешь, Николай, что такого человека Синедрион не мог оставить в живых. Прокуратор Понтий Пилат был против его казни, но один его голос ничего не решал. Христа показательно распяли на Голгофе в назидание всем, кто подвергся его влиянию. И никто не мог этому помешать. Он умер за всех нас и вознесся на небеса, приняв жестокую участь этого мира.

— Но он предрекал второе пришествие! — вспомнил слова из далекого детства Никель.

Севастьян усмехнулся:

— Во-первых: предрекал не он, а пророки, большинство из которых были ложными. А во-вторых — второго пришествия не будет.

— Откуда такая уверенность?

Священник сделал паузу и снова по-отцовски взглянул на Николая:

— Нас было трое. Помнишь, я говорил тебе об этом?

— Помню.

— Так вот, за наш первосортный грех, Господь повелел нам жить до скончания веков этого мира. Представляешь, каким годом датируется наш возраст? Мы немногим младше самого Христа. Сначала бессмертная жизнь была в качестве подарка. Для многих людей мы были Богами. Каково им было видеть, что годы над нами не властны! Но, потом все круто изменилось! Друзья, жены и дети умирали у нас на глазах. Все, кого мы знали или любили с завистью смотрели на нашу жизнь, когда покидали этот несправедливый мир. Поверь, бессмертие это не благодать, это кара Господня! И никому в жизни я не пожелаю такого. Макс превратился в великого и непобедимого воина, а я всегда следовал за ним, приняв сан обычного священника. В древние времена нам с легкостью удавалось перемещаться из одного города в другой, не вызывая подозрений. Но с внедрением новых технологий, где база данных ограничена современными компьютерами, где каждая собака может опознать человека, кто не стареет уже много лет, прятаться стало намного сложнее. Нас преследуют многие спецслужбы, в некоторых странах мы являемся террористами и объявлены в международный розыск. Каждая лабораторная крыса желала бы проводить над нами свои опыты и только дивиться результатам. Вот почему бессмертие приносит нам не просто проклятие, но и еще нестерпимую боль. Людям предстоит вкусить смерть, лечь в гроб, пройти через тление и воскреснуть для суда. Но, к сожалению, нам это не грозит.

Но, я отвлекся! Как я уже говорил, с нами был третий человек, и вот ему не повезло в большей мере. Его звали Агасфер. Он слыл зажиточным человеком в Иерусалиме. Богач, как говорили местные жители. А еще его называли вечный жид. Слышал такое слово?

— Евреев мы называли жидами.

— Вот-вот. — Сказал Севастьян. — Верное предположение! Когда Христа осудили, то положили ему на спину деревянный крест, чтобы сам пленник притащил его на гору за стены Иерусалима. Таков был тогда закон. Проходя мимо дома жида, Христос попросил позволения прислониться к стене его жилища, чтобы отдохнуть. Но Агасфер грубо его оттолкнул и с презрением сказал: «Иди, иди! На обратном пути отдохнешь!». Что значили его слова? Какой обратный путь? Никто не ведал, о чем думал в тот момент вечный жид. Но

сын Божий ему ответил: «И ты будешь идти вечно. И не будет тебе покоя и смерти. Ты будешь молить о моем пришествии, и скитаться по земле в огромном презрении. Ты будешь меня ждать!».

Впервые последователи видели его в таком расположении духа. Словно его устами говорил другой человек. Сын божий всемогущ, благосклонен и всепрощающ! Но в этот момент он был сам не свой.

Через несколько недель Агасфера сразила неизвестная болезнь. Он больше не мог вести дела и вскоре потерпел убыток. Его сущность, обмотанная в старые лохмотья, скиталась по миру, ожидая второе пришествие Христа. Там, где он появлялся, зарождались войны, землетрясения или наводнения, потому он быстро получил прозвище Горевестник. Каждая, посещенная им земля переставала плодоносить, погибал скот, рождались мертвыми младенцы, и нарушался сам покой мира. Но, к сожалению, на нас с Максом это не действовало. Мы провели с ним почти двести лет. Бродили по дальним окраинам земли, участвовали в Крестовых походах и Мировых войнах, но так и не нашли смерти. Позже мы ушли от него и не знали о его существовании уже много веков, пока он не появился в последний раз.

Здесь! В этом городе!

Николай вздрогнул.

События последних дней явно указывали на то, что в его мир вмещалась потусторонняя сила. Давний друг предал его, оставив на «съедение» банде Лихача. А за три года до этого Елизар — брат Фомы застрелил его молодую жену и маленького ребенка. Мир катится ко всем чертям и виной всему может быть древний старик в старых лохмотьях.

— Вы говорили с ним?

— Мы только его видели! Всего несколько секунд, пока раскат молнии не испепелил его у нас на глазах.

— Как? Бессмертному удалось все же умереть?

— Не совсем так. — Просто сказал отец Севастьян. — Мы думаем, что это была не благодать Божия, а кара за то, что он хотел нам поведать. Перед своим появлением Агасфер созвонился со мной, и я сказал об этом Максиму. Мы ждали его на краю леса, но не успели поговорить. Вечный жид мог нам многое рассказать, но не успел. И теперь мы вынуждены искать правду другими доступными способами.

— С помощью обычного смертного. — Напомнил ему Парамонов.

— Мы готовы на все, чтобы узнать правду! — ответил отец Севастьян. — Агасфер не просто так появился в городе. А если принять во внимание, что кто-то смог устранить информатора, несмотря на запрет Господа, дело принимает совсем крутой поворот. Христос завещал скитаться Агасферу по миру до его второго пришествия, но ни при каких обстоятельствах не умирать. Если кто-то пошел против Бога, значит, ставки слишком высоки. Не удивлюсь, если на кону наш мир.

— И тем самым, вы хотите показать, что своими действиями готовы заслужить прощение?

Священник с укором посмотрел на собеседника:

— Ты слишком умен для обычного смертного.

— Если только предположить, что все, сказанное тобой, чистая правда, — у меня нет другого выхода, как помочь вам и моему миру.

— С чего бы это? Час назад ты грозился уйти отсюда, не взяв ни одного цента.

— Макс спас мне жизнь! И после твоего рассказа, я не могу остаться в стороне. Тем более, если это напрямую связано с нашим миром. Как бы это нелепо не звучало, но я готов помочь человеку, спасшему мою жизнь, сделав так, чтобы он обрел свою смерть.

Отец Севастьян искренне рассмеялся.

— Никогда не думал, что такая фраза меня повеселит.

— А я никогда не думал, что придет время, когда я поверю в Бога!

— Ты хороший человек, Николай. — Правда лилась из уст священника, словно мед. —

И мне действительно жаль, что мы подвергаем тебя невероятным пыткам со стороны комнаты на верхнем этаже. Но другого выхода у нас нет! Одно лишь твое возвращение в здравом уме и трезвой памяти после общения с графом Фургасом, уже говорит о многом. Твоя воля не тронута демонами Князя тьмы! Ты, словно младенец для них. Они могут тебя напугать до смерти, дать увидеть любое доступное видение или морок, но никогда не завладеют душой и разумом в полном объеме. Проще говоря, мы с Максом не видели таких людей.

— Граф Фургас обещал вернуться следующей ночью. — Поведал Никель.

— И это хорошо! Макс привезет из города ингредиенты, что я заказал. Я подготовлю для тебя отвар против страха, научу, как общаться с демоном и поведаю силу Господа. Ты будешь ошеломлен!

— Я смогу не дрожать перед ним от ужаса?

— Не совсем так. Полностью лишит тебя страха я не смогу. По крайней мере, твой разум не станет бояться, как сопливая девчонка. Ты сможешь с ним говорить и поведаешь, что готов перейти на его сторону, но ему придется тебя убедить. Мы узнаем тайны искомого зла и перейдем в наступление.

— А если он не расскажет?

— Расскажет, поверь мне! У него просто не будет выбора. Твоя бабка передала пистолет для убийства Макса, ведь так?

— Ну, и что из того?

— А то! Если она все еще тебе доверяет, то убедит демона в твоей компетенции. Для них — ты все еще зло, рожденное на земле, чтобы сеять смерть. Ты исчадие ада! По своему, конечно. Но не в этом суть. Ты готовый кандидат в их войско. Твоя воля смогла противостоять силе такого крепкого демона, как граф Фургас. Поверь, я знаю, о чем говорю! И «они» не упустят шанса обзавестись таким сильным союзником. Я научу тебя, как с ними беседовать и на каких условиях.

— То есть, я выйду из комнаты, и дело в шляпе?

— Хочется на это надеяться. По крайней мере, ты попытаешься нам помочь. Кроме тебя, у нас больше никого нет.

Никель задумался, но потом задал вполне законный вопрос, который поставил священника в тупик.

— Что произойдет, если у меня не получится?

Отец Макс со страхом взглянул на собеседника. Он просто не мог предположить дальнейший план их действий, настолько вера в данное предприятие играла в нем безудержным огнем.

— Все получится, Николай! Можешь быть уверен в этом!

— Ну, а все же? — не унимался Никель. — Как вы поступите, если завтра из комнаты на втором этаже выползет не Парамонов Николай Сергеевич, а безмозглое животное,

готовое в любой момент вас атаковать?

Священник посмотрел на него так, словно школьный учитель, не знающий ответа на поставленный вопрос. Грешным делом, Никель подумал, что он совет ему впервые за весь разговор. Тяжелый взгляд выдавал в собеседнике фаната, готового пойти на крайние меры, чтобы всеми силами защитить веру.

Но священнику удалось его удивить:

— Ты умрешь! Как и этот жалкий мир.

По крайней мере, отец Севастьян сказал ему правду.

Глава 7. Комната страха — 2

Никель стоял на пороге комнаты, и дверь за его спиной была закрыта. Маленькое окошко, расположенное на стене пустого помещения, слабо освещало ему путь к заветной кровати. В другое время и совсем в другом месте Парамонов без тени сомнения завалился бы на удобный матрас, заставляя измученное тело расслабиться после тяжелого дня. Но сегодня, когда предстояло снова встретиться с назойливым призраком, (или кто он был на самом деле?), Николай не мог сделать в сторону кровати ни шагу. Предыдущая ночь показалась ему сущим адом, заставляя вспоминать неприятные моменты встречи с потусторонними силами. Граф Фургас незабываемым образом мерещился в пустой комнате, напоминая о себе, словно был неотъемлемой частью пораженного сознания. Будто бы его очертания преследовали Никеля всю жизнь, и вот теперь отчетливо прорисовались в кошмарном помещении, ночными видениями проникая в его и так беспокойную жизнь.

Он неуверенно сделал несколько шагов к кровати и остановился. Деревянный интерьер мебели казался таким далеким и чем-то необъяснимым, будто его оставили в этой комнате, чтобы снова и снова мучить истинного грешника на забаву веселому графу.

«Верую во единого Бога Отца Вседержителя!» — привычная мысль мелькнула в сознании Парамонова, когда он укладывался на мягкий матрас.

Голова коснулась подушки, и Никель довольно выдохнул.

Громко и беззаботно!

Страх все еще витал в воздухе, но, видимо, великолепно сваренное зелье Севастьяна, исправно выполняло свою «работу». Разум стал понемногу затуманиваться, словно принадлежал кому-то другому, и напряженные мышцы расслабились, сообщая о том, что пора бы и им немного отдохнуть.

Николай закрыл глаза, и его сознание кануло в небытие.

Ему снился сон о далекой стране, куда они вместе с женой и маленьким ребенком отправились в свой последний отпуск. Зеленые расписные холмы виднелись над задумчивым морем и манили своей привлекательностью.

Парамонов обнял жену и с гордостью сказал:

— Это наш дом.

Та с превеликим удовольствием поцеловала мужа и от счастья, прикрыв глаза, облегченно выдохнула:

— Теперь ты нас защитишь?

Никель не понял ее вопроса. В этом чудесном месте он не видел горя, сожаления или страха. Неровные холмы внушали только спокойствие и расслабленность после выполненной работы. И хотя его работа не заключалась в том, чтобы нести в мир добро, он искренне понимал — на этом самом месте все и закончится! Закончится его связь с бандитским миром, и накопленных за все время денег хватит им с лихвой. Спокойное мирское счастье ждет его семью после таких тяжелых разочарований.

Парамонов взглянул вдаль и у подножия одного из холмов увидел двух странников. Их очертания приближались с невероятной скоростью, будто два человека бежали изо всех сил, и один из них что-то кричал, постоянно жестикулируя.

Человек в кожаной куртке и священник двигались в его сторону, и отец семейства выдвинулся немного вперед, заслоня собой молодую жену и дочь.

— Не бойся, это друзья! — внезапно сказал Николай, но никак не мог припомнить, откуда он знает этих двоих.

— Я беспокоюсь не о них! — твердо ответила его жена и указала совсем в другую сторону.

Никель оглянулся.

С противоположной стороны к тому месту, где они находились, двигался новенький «БМВ», поднимая дорожную пыль. Он петлял из стороны в сторону, объезжая большие камни, спокойно лежащие на дороге, и приближался к ним еще быстрее, чем два бегущих человека, которых Никель настойчиво пытался вспомнить.

Впопыхах водитель не справился с управлением, и автомобиль врезался в подножие холма. Заднюю часть машины подбросило вверх и, подчиняясь силе притяжения, она вновь опустилась колесами в грунтовую поверхность дороги.

Из машины выскочили сразу четыре человека. Двое амбалов крепкого телосложения, тучный водитель «БМВ» и человек с красным платком на шее. У двоих из них было оружие. Если Парамонова не подводило зрение, то это были пистолеты Макарова.

«Шейный платок!» — внезапно прокралась навязчивая мысль, и Никель вдруг вспомнил, кто были те люди, что бежали в их сторону с противоположной стороны.

В памяти мелькнула неприятная мысль. Такая холодная, что по телу пронеслись мурашки, отчего захотелось укутаться потеплее. Он вдруг вспомнил, как Макс ловко разобрал огнестрельное оружие, и мелкие части «макарова» посыпались на деревянный пол. Как тучному водителю в лицо прилетел стул, отправляя того в нокдаун, и недовольная гримаса превратилась в кровавое месиво. И как, профессионально орудуя кухонными ножами, два амбала и человек с красным платком на шее, не смогли оказать достойного сопротивления человеку по имени Макс — хозяину лесной хижины.

Откуда такие мысли? Откуда ему все это известно?

И в следующее мгновение Парамонов понял, что все это не взавраду. Все это не наяву!

Его семья мертва, какое бы видение не накрывало его в данный момент.

Никель держал за руки свою жену и дочь. Держал, не смея отпустить, потому что жажда жизни была выше, чем осознание смерти. Он помнил, знал и, наверное, все же верил в то, что сейчас с ним происходило. Он искренне верил в Бога. Как никогда!

Его левая рука почувствовала, как ладонь жены помертвела и превратилась во что-то неосязаемое. А когда Парамонов повернулся в ее сторону — больше ничего не увидел. Только парящий над холмами прах.

Чего нельзя сказать о правой руке!

Дочь нетерпеливо трясла его руку и повторяла лишь два слова:

— Очнись, человек! Очнись, человек!

Почему, человек? Почему, не «папа»?

И вот тут Николай вышел из небытия. Испуганные веки широко открылись, информируя его непонимающее сознание, что он снова находится в темной комнате, куда его принесло уже по собственной воле. Куда он ни за что не хотел возвращаться, но данное слово заставило вновь подняться на верхний этаж и смириться с текущим положением дел.

Вокруг была только темнота и больше ничего!

Хотя, нет! В комнате было что-то еще! Или кто-то!

Рука все еще сжимала холодную ладонь. Парамонов отчетливо помнил, что его дочь мертва, точно так же, как и жена. Но, кто же его так бесцеремонно тянет за руку, повторяя

одну и ту же фразу:

— Очнись, человек!

Это голос не его дочери. И с этой мыслью невозможно было спорить.

Перед взглядом Никеля снова мелькнула темная комната, и он медленно повернул голову вправо.

Девочка, никоим образом не похожая на его умершую дочь, дергала его за руку, испуганно озираясь по сторонам. Ее наскоро сплетенные косички, скорее всего неумелыми руками, как это давеча делал Никель, болтались из стороны в сторону, смешно и в то же время устрашающе развеваясь в пустом помещении.

— Ты очнулся? Как хорошо! — обрадовалось юное создание. — Помоги найти мою кошечку. Иначе графиня меня накажет.

Взрыв холодного страха ударил в сознание Парамонова. Он снова вспомнил ту «кошечку», которая прыгнула ему на грудь и заорала невероятным голосом. Но, он действительно, был рад этой встрече! И не потому, что она являлась непосредственным призраком мистической комнаты, а потому, что она его не пугала, в отличие от графа Фургаса. Страх перед этим созданием был, сравни маленькому опасному приключению, пусть не всегда безобидному и безболезненному, но уж точно не наносящим вреда. А вот граф Фургас, обладающий Великой неистовой силой...

Стоп!

Она сказала: «графиня»?

Это еще кто такая!? Пассия графа «парнокопытного»?

Боже, спаси и сохрани!

— Человек, помоги отыскать мою кошечку! Пожалуйста! — не унимался ребенок.

Парамонов с трудом поднялся с кровати. Босые ноги ступили на холодный пол и с удовольствием обнаружили твердую поверхность. Не могильную землю, рассыпанную по периметру комнаты, и не склизкую жижу сороконожек и червей, а самую настоящую твердую поверхность.

— Давай поищем твою кошечку. — Согласился Никель.

Без зелья отца Севастьяна он вряд ли бы согласился на такое. Но теперь, преодолевая страх, и искренне понимая, что помогает мертвому ребенку, Парамонов, был горд собой. Призрак девочки не делал ему ничего плохого, и это было, как минимум, достижение. Впервые с той прошлой ночи, он не вел себя, как трусливый суслик.

— Может, она там? — и девочка с неопытными косичками указала в дальний угол.

Николай сделал пару шагов, как ему показалось, слишком уж легко. Будто неведомая сила направляла его тело подальше от заветной кровати.

«Подальше от кровати! — вспомнил он слова наставления отца Севастьяна. — Демон всегда пытается удалить от знакомого места!».

Но, делать было нечего! Слишком уж печальными были глаза бедной девочки, которая умерла много лет назад.

Парамонов сделал еще пару шагов, пока, наконец, не осознал, что ступил в холодную воду.

— Это не наяву... — прошептал Никель. — Это не наяву!

Он обернулся, вполне здраво соображая, что отдалился от кровати на почтительное расстояние. Маленькой гостью нигде не было видно, лишь незнакомый силуэт медленно прошествовал к его спальному ложу и присел на мягкий матрац.

— Ах, бесовка! Все же обманула меня!

Николай зашагал в сторону спасительной кровати и с удивлением обнаружил, что вода достигла его колен. С такой быстротой пребывания, он не успеет достичь спального ложа и утонет, будто обычный смертный человек.

— Это не наяву! Это не наяву! — пытался сам себя убедить Парамонов.

Но вода все прибывала.

Никель нырнул с головой, понимая, что придется поддаться резвому потоку и плыть в сторону спасительной комнаты. Натренированные руки заработали на пределе возможностей. Брызги вспенились, когда он разбрасывал их в разные стороны. Но самым противным было то, что вода оказалась соленой. Соленой и необычайно горькой, будто морская вода из холодного моря! И это море тянуло его в морскую пучину.

Парамонов прибавил «газу», открывая в себе второе дыхание. Мышцы на руках и ногах почувствовали такую нагрузку, что впору было завидовать самому профессиональному пловцу. Футболка и спортивные штаны намокли, стесняя движения, но Никель ни при каких условиях не хотел останавливаться.

Он бросил мимолетный взгляд в сторону кровати, и ему показалась, что она стала еще дальше, словно его и впрямь уносило в синюю бездну.

Минут через двадцать силы его покинули.

Он еще какое-то время барахтался в холодной воде, но затем все тело, словно окаменело, отказываясь подчиняться простым командам. Николай почувствовал, что медленно и верно идет ко дну.

Усталость накатила громадной волной, объясняя простому человеку, что сопротивляться бесполезно. Бескрайнее море возьмет свое, если захочет! А захочет оно только с позволения графини, которую Никель, несомненно, знал.

Его глаза расширились, губы стали мертвецки бледными, и дыхание перестало существовать. Никель закрыл глаза, обдумывая свое отчаянное положение, пока тихо и мирно шел ко дну.

Сознание помутилось. Перед тускнеющим взглядом всплывали непонятные образы, называемые в народе галлюцинациями, и все тело запылало от нестерпимого жара, несмотря на ужасно ледяную воду.

И в этот самый момент его грубо схватили за руку. Сила, с которой Парамонова потянули прочь от бескрайней пучины, была несоизмерима ни с чем. Он просто выпорхнул из объятий водного пространства и приземлился на что-то мягкое, пружиня, подпрыгнув еще два раза.

Наконец, обретя свободу действий, Парамонов удовлетворенно выдохнул, выплескивая соленую воду изо рта. Его разум понемногу приходил в себя, не веря чудесному спасению, и Николай осознал, что лежит на одинокой кровати все в той же комнате на втором этаже уютного маленького домика посреди леса.

Он промок с ног до головы. Соленая вода струилась по его одежде, пачкая и приводя в негодность постельное белье. Он продрог до самых костей, понимая, что если прямо сейчас не согреется, то в прямом смысле слова: «даст дуба».

Вокруг него все еще пенилась морская пучина, но ее бескрайнее естество больше не доставляло беспокойства его измученной персоне.

Ужасной волной ударила Древняя сила, поразив сознание, и Никель догадался, кто пожаловал в его обитель.

— Ты еще жив, смертный?

Только один голос убивал наповал, а уж смотреть в сторону его хозяина, было невыносимо. Голова гудела так, словно на нее снова одели железное ведро и, что есть силы, ударили тяжелым молотом.

— Пока еще жив... — то ли ответил на поставленный вопрос Парамонов, то ли промышчал сам себе, подтверждая незыблемую реальность.

И в этот миг он осознал, что сила, с которой граф Фургас давил на его сознание, на самом деле не являлась таковой. Ее вполне можно было контролировать, на худой конец — держать на расстоянии.

Видимо, Никель уже привык к ее появлению. А может это чары зелья отца Севастьяна?

— Ба! У смертного прорезался голосок? Видишь, моя дорогая графиня, нас уже никто не боится!

Никель повернулся на бок и сделал огромное усилие, чтобы посмотреть на графиню, мирно стоявшую подле графа.

Темные очертания мелькнули в едва освещенной комнате. Парамонов почувствовал неприятный запах. Неприятный, но в то же время, такой знакомый! Будто из своей прошлой жизни, до того, как...

Не может быть!

Этого просто не может быть!

Николаю потребовалась огромная смелость, чтобы взглянуть в упор на оба темных силуэта. Вчерашней ночью он и думать не мог о том, чтобы заглянуть в глаза самой смерти! Но, сегодня, после внятных наставлений и благословений отца Севастьяна, приготовившего для него такое чудесное зелье, страх отступил на второе место. Первостепенной задачей — были тридцать тысяч евро, и уговор помочь самым заядлым в мире грешникам.

Парамонов приподнялся на локтях, внимательно вглядываясь в сумрак. Сила графа Фургаса все еще давила на сознание, не позволяя смелости взять верх над страхом, и глаза слезились, не смея видеть воочию опасного противника.

Но Никель все же разглядел силуэт второго незнакомца.

Сгорбленная фигура, маленький рост и кривоватые ножки напомнили ему об одном из членов его семьи. Уродливой старухе, кто пять лет своей жизни провалялась на койке в запертой комнате его родного дома. Родители с опаской входили в помещение к этой особе, зная, какие нехорошие слухи витали вокруг нее. И этот запах — запах самой смерти, он не забудет никогда!

— И это твоя графиня? — Парамонов сам не понимал, как слова выпорхнули из его уст.

Но то, что он точно не ожидал от себя — это громкий смех, разнесшийся по пустой комнате.

Николай прилюдно смеялся, не боясь в ответ небесной кары. Его первым и горячим желанием стало показное презрение к сложившейся ситуации:

— Графиня, мать твою! — смех все еще не прекращался, и действительно мешал говорить.

— Что в этом смешного?! — демон изъясил неподдельную злость.

— А то, уважаемый Фургас! — зелье Севастьяна пришло в действие. Мало того, что Парамонов напрямую мог общаться с демоном, не соблюдая знаки приличия, он мог в открытую назвать его по имени, не добавляя так важную и уважительную приставку «граф». А слово «уважаемый» звучало из его уст, словно оскорбление. — Это всего лишь моя бабка

Марфа! А графских корней в ней ровно столько же, сколько во мне божественной силы!

— Молчать! — теперь голос Фургаса был воистину ошеломляющим.

Стены просторной комнаты затрещали от страха, потолок намеревался обрушиться на обитателей дома, и до того твердый пол, устланный деревянным покрытием, задрожал, словно был действительно живым существом.

Сила демона накрыла сознание Николая, и он вдруг осознал, как действует зелье отца Севастьяна. Оно было сравни алкогольному напитку, принятому в больших количествах, но с одной лишь разницей — зелья было в меру, словно поддавший выпивоха не стал злоупотреблять больше этим напитком. Другими словами: человек был весело пьян, но здраво и прекрасно осознавал свое нынешнее положение.

А потому, сила Фургаса накатила убийственной волной и тотчас отступила, словно зелье сыграло роль импортного дорогого алкоголя.

— И незачем так кричать! — заорал во всю мощь своих легких Парамонов. — Ты для меня никто! А уж твоя прелестная графиня, и подавно!

Злость была сейчас хорошим катализатором. И Никель установил правила игры: Отвага — Злость — Смирение — Правда!

— Я — никто?! — краем глаза Никель увидел, как бабка схватила Фургаса за локоть.

Но демону это не помешало.

Он поднес лапу к своему лицу и презренно дунул на ладонь, доказывая, что он в этом мерзком мире на что-то все-таки способен.

«Не верь всему, что увидишь! — предупреждал Парамонова отец Севастьян. — Не все то золото, что блестит!».

Николай и не верил.

До поры, до времени он не мог поверить в существование Бога, а уж в присутствии потусторонних сил, играющих на противоположной стороне — и подавно. Его разум занимало только одно событие — бабка Марфа стала графиней, а соответственно и женой настоящего демона!

Чудеса, да и только!

Но, чудеса только начинались.

Потолок комнаты исчез, являя Никелю темный небосвод, окропленный мириадами звезд. Ярким росчерком по небу пронеслось северное сияние, и зеленые сполохи зажглись красочным явлением, предлагая подивиться такому редкому чуду, несвойственному для этого края. Невольный зритель, впервые в своей жизни видевший такое явление, ахнул бы от красоты и прелести расписанного небосвода. Замер бы на месте, поразившийся переливами бирюзово-серебристых красок, вызванными силой природы, но для Парамонова сие действие означало только одно — беду!

Зеленые росчерки явно свидетельствовали о сильном морозе, который внезапно нагрянул в это темное от ночного сумрака место. Отец Севастьян настойчиво убеждал Николая не верить в происходящее. Ни в коем случае не поддаваться панике, и не дать себя обмануть. И все же разум не мог противиться тому, что происходит в этот самый момент, а мокрая одежда на замерзающем теле была более чем реальна!

«Холодно!» — закричали голоса в голове.

Парамонов и сам это понимал. Мокрая майка и спортивные штаны замерзли, превратившись в ледяные доспехи.

— Тепло ли тебе, девица? — граф Фургас издевался, как только мог.

Парамонов соскочил с кровати, понимая, что на матрасе невозможно было теперь находиться. Босые ноги ступили на ледяную поверхность пола, и через пару секунд его пронзила такая боль, что впору было задумываться о смерти!

Уже не в первый раз!

«Не верить в происходящее! Не верить в происходящее!» — голос отца Севастьяна пытался направить мысли по верному пути, но сделать это ему не удалось.

Ноги подкосились, и Парамонов упал на колени, упершись руками в пол. Его стопы посинели от холода, потеряв былую чувствительность. Колени онемели, только коснувшись поверхности замерзшего водоема вокруг. И крепкие ладони, упершись в ледяные полы комнаты, на глазах покрывались синим оттенком, принимая действительность и опровергая слова отца Севастьяна.

Ты же хотел верить своим глазам?

Вот и поверь!

Медленной поступью к нему приближался граф Фургас, вышагивая своей мерзкой походкой. Рядом с ним шествовала новоиспеченная графиня — бабка Марфа из мирской жизни, а по злой воле, являющаяся кровным родственником самому Николаю. И эта нарочито гордая поступь свидетельствовала только об одном — смерть грозила наглomu смертному.

Смерть!

Жестокая и беспощадная!

Отвага — Злость... Что там дальше? Смирение?

Не совсем так! Смирение не должно далеко отдалиться от отваги и злости! Иначе «они» раскроют его план.

— И это все, на что ты способен, демон! — Никель рисковал, но другого выбора судьба ему просто не предоставила.

Он в буквальном смысле слова — замерзал, глядя на яркие сполохи северного сияния. Ах, как же оно было прекрасно!

— Я подойду ближе, и ты узришь меня воочию!

Снова беспощадная сила ударила в незащищенное сознание. Но теперь Никелю было все равно!

«Не верь тому, что увидишь!» — слова Севастьяна пытались прорваться в ослабленное сознание. Но, Парамонов их уже не слышал. Он вел свою игру, никому из смертных доселе не подвластную.

— У меня разный цвет глаз! — прокричал Николай, понимая, что дни на этом свете его сочтены. — Это должно что-то значить?!

— Мне все равно! — просто ответил демон.

Он никогда не ведал, что смертный соизволит взглянуть ему в глаза.

Но Никель и не соизволил! Вернее, посмотреть в глаза — это не совсем точное определение. Его глаза слезились, словно в них насыпали весомую порцию песка, но взгляда он не отводил. Крупные капли падали на подбородок и замерзали, едва коснувшись бледной кожи.

— Я один из вас! — использовал последнюю попытку Николай.

И в этот момент, демонстрируя свое смирение, он ударил кулаком в покрытый плотным льдом пол комнаты.

Лед треснул под натиском смертного, и маленькие его кусочки брызнули в разные

стороны.

Граф Фургас замедлил шаг, и Никель это увидел.

Рубеж пройден! Осталось только додавить!

— Смирение! — уведомил Никель, хотя ему показалось, что это всего лишь злость. — Я готов к смирению! Ты просил меня перейти на вашу сторону? Так объясни же мне, почему ваш мир лучше моего!

Демон остановился, не веря своим ушам:

— Что ты сказал?

— Убеди меня! — повторил Парамонов. — Иначе, можешь просто убить! Бог не защитил мою жену и дочь, и теперь вера в его существование мне не нужна! Докажи, что вера в твоего Бога гораздо сильнее!

Граф Фургас подошел к смертному и наклонился. Его мохнатая ладонь легла на плечо, отчего во всем теле появилась дрожь. Мороз внезапно отступил, и саму душу Никеля буквально обдало неистовым пламенем. Грешный огонь горел, наполняя пространство комнаты, высокими столбами высился над потолком, и Парамонову грешным делом почудилось, что в лесном домике начался пожар.

Затрещали деревянные перегородки, веселой трелью перекликаясь между собой; удушливый запах ударил в лицо, проникая в Никеля угарным дымом; а входная дверь обнялась с желто-красным пламенем, словно неразлучные друзья. Вздумай Парамонов сейчас покинуть комнату, ему бы это не удалось.

Николай взглянул на свои руки и с ужасом осознал, что они горели под натиском колдовства графа Фургаса. Мало того, они вполне серьезно топили ледяной настил под собой.

Невыносимой боли от безудержного холода больше не было. Но вместо этого появилась другая боль! Боль от огня! И она была ни чем не лучше предыдущей.

Парамонов все топил и топил под собой ледяную корку покрытия, превращая твердую массу в воду. Сумасшедший огонь с легкостью прожигал полы комнаты на верхнем этаже, и Никелю вдруг показалось, что он вот-вот провалится на первый этаж, встретившись с хозяином дома и отцом Севастьяном.

Но не тут-то было!

Уже в последний момент Парамонов почувал неладное. Вместо первого этажа, где он давеча затеял драку с Максом, оказалось просторное помещение. Слишком просторное, для обычной прихожей!

Оно больше напоминало огромную пещеру, где тут и там сновали рогатые особи неизвестного вида.

Хотя, кого он обманывал?

Известного! Слишком известного!

При жизни бабка Марфа часто упоминала их в своих рассказах и порой пугала маленьких сестер и братьев страшилками с их участием.

Особь имели густую шерсть, длинный хвост, оканчивающийся пушистой кисточкой и настоящие копыта. Но главной особенностью их вида были маленькие рожки на страшной, можно сказать, уродливой голове.

«Черти!» — слово всплыло в памяти само собой, словно Николай прежде видел представителей этих неземных существ.

Все пространство огромной пещеры было заполнено огнем. Всюду стояли большие

котлы с кипящей жидкостью, и черти сновали от одного котла к другому, помешивая что-то в них длинным ковшом.

Парамонову на миг показалось, что в одном из котлов мелькнула человеческая фигура, но вовремя подоспевшее существо с маленькими рожками на голове, быстро окунул всплывшего беднягу обратно в кипящую жижу.

Своим пылающим телом Никель прожег остатки каменного потолка пещеры и рухнул на ее пыльную поверхность.

В огромном помещении было жарко. Огонь его тела погас, и он избавился от невыносимой боли. Не было обгоревшей кожи, обугленных конечностей, или мертвецки черного цвета отмиравшей ткани. Словно бы знойное пламя не коснулось его в прямом смысле слова.

Никто его не замечал. Все были заняты непосильной работой и даже внимания не обратили на появившегося незнакомца.

— Они не видят тебя. — Прошипел над ухом знакомый голос графа Фургаса.

В этой пещере он уже не так давил на сознание, а может зелье отца Севастьяна честно выполняло свою работу.

Граф в сопровождении графини оказался рядом с его персоной, и здесь они были единственными свидетелями появления смертного на запретной территории. Остальная же когорта преданных работников по большей мере суетилась у кипящих котлов, контролируя, чтобы ни один участник их злобного ритуала, не показывал голову над поверхностью бурлящей жидкости.

— Пока не видят. — Более доходчиво объяснил граф. — Оставаясь преданным своему Богу, ты рискуешь попасть в один из котлов. И когда окажешься здесь в следующий раз, они тебя непременно увидят. Будь уверен!

Можно не верить в происходящее! Можно долго и доходчиво себе объяснять, что все это морок, но рассказы бабки Марфы, в этом месте приобрели реальный смысл.

— Я расскажу тебе историю. — Вновь заговорил граф. — Историю создания этого мира. Большинство людей в него не верят, чем весомо облегчают жизнь нашему создателю. Его власть непомерно растет! И оказавшись однажды на правильной стороне — ты можешь выбрать другой путь. Ваш мир уже ничто не спасет, и сегодня я поведаю тебе — почему!

Фургас приблизился вплотную, положил руки на плечи Парамонову, и огромная сила проникла в тело совсем обычного человека.

Демон ведал ему о создании вселенной, о той силе, что способна контролировать все и вся на этой земле. О зарождении первой жизни, существовании отдельных рас, которых много веков назад приютила наша планета. Как возникла первая особь, как впитала первый глоток воздуха, и как переросла свою эволюцию, навсегда забывая о своем древнем гадком существовании.

Некоторые рассказы Никель помнил из школьного курса, не совсем в такой интерпретации, как ему преподавали настырные учителя. Некоторые элементы сказаний он слышал от бабки Марфы, не ведая до сих пор, откуда она знает о таких подробностях.

Что-то из этого повествования ему рассказывал сам Макс и отец Севастьян. Не всегда факты совпадали между рассказчиками, но главная мысль оставалась неизменной.

Сегодня граф Фургас делился с ним такой информацией, что доселе была недоступна для обычного смертного. Он «мог заткнуть за пояс» любого священнослужителя, опровергая истинное учение и верование в Иисуса Христа. Все молитвы переворачивались с ног на

голову, за редким исключением, и большинство из них потеряли свое обличье в словах древнего демона.

Но самое важное — граф поведал ему о сокрытой тайне, что хранили потусторонние силы от глаз и ушей последователей истинного Бога. Той тайне, ради которой он провел три ночи в запертой комнате на верхнем этаже лесного домика.

Макс объяснил, что ему нужна ценная информация, но не объяснил какая именно. Все фразы были голословными: «что-то должно случиться» или «уже случилось, но это возможно предотвратить». Никаких тебе намеков или подсказок!

И вот сейчас, Парамонов догадался, о чем идет речь! Последствия, что произойдут после этих событий, действительно поставят под угрозу само существование мира! И если не существование, то...

Граф Фургас закончил свой рассказ.

Но не это насторожило Никеля. Не ценная информация по счастливой случайности или великому пророчеству попавшая в уши обычному смертному. Его насторожила размеренно шагающая тройца, не спеша шествующая мимо их персон.

Два черта сопровождали вполне себе обычного человека, бег рогов, хвоста и копыт. И если черти не видели его в упор, то человек, проходящий мимо Никеля, смотрел на него, словно лицеизрел перед собой спасителя.

Одет он был в рваный потрепанный балахон, уже и не определить какого цвета. Его широкие глаза будто видели призрака в лице обычного смертного человека. Словно для него было необычным явлением — видеть в таком месте живого, согласившегося перейти на сторону Дьявола грешника.

Человек в потрепанном балахоне неспешно передвигался, видимо, шествуя к своему намеченному котлу. Его движения были неуклюжи и тяжелы, потому как на его ногах и руках были надеты железные кандалы.

Поравнявшись с Николаем, человек бросился к нему в ноги и закричал неистовым голосом:

— Не дай им это сделать!

Никель отшатнулся.

Пленник схватил его за ноги и принялся целовать, словно Парамонов был Иисус Христос. Николай ненароком попятился, но человек крепко схватил его за голени. А потому, Никелю пришлось застыть на месте, иначе он упал бы на смех графу и его графине.

— Что случилось? — Фургас не понимал, что происходит.

Из этого следовало, что ни граф, ни графиня по какой-то причине не видели старца, отправляемого в кипящий котел. Только теперь Николай заметил, что сопровождающие старика черти, так и прошествовали мимо, все еще надеясь, что ведут подручного рядом с собой.

Человек в бесцветном рваном балахоне тоже уловил это преимущественное явление и незамедлительно попытался им воспользоваться.

Его костлявая рука схватила запястье Парамонова и вложила в его ладонь черный знакомый предмет.

— Ты наше спасение! — закричал незнакомец. — Возьми, ради Бога!

В ладони мелькнул «Глок-17».

Тот самый, который бабка передала ему в лесу, чтобы убить «зверя».

— Что происходит! — Фургас не видел старика в потрепанном балахоне, но,

несомненно, ощущал что-то противозаконное, творящееся вокруг.

«Тридцать тысяч евро!» — мелькнула меркантильная мысль, и желтоватые бумажки, словно осенние листья, всплыли перед глазами наемного убийцы.

Никель быстро развернулся и прислонил к мохнатому подбородку демона ствол австрийского происхождения. Наверное, демон до последнего момента не понял, что же сейчас происходит.

Парамонов нажал на спусковой крючок и злобно оскалился.

Кровь брызнула в разные стороны, плюясь в лицо. Ошметки раскрошившихся костей, внутренностей мозга и чего-то еще забрызгали устрашающую морду графини.

Но бабка Марфа была не из робкого десятка.

Старая ведьма схватила за руку своего внука, и пальцы разжались, выпуская оружие из крепких рук. Пистолет выпал из ладоней, и комната на втором этаже вновь приняла свое натуральное обличье.

Бабка закричала, словно ее заживо резали ритуальным ножом. Казалось, комната налилась таким мерзким звуком, что Макс и отец Севастьян немедленно его услышат и ворвутся в пустое помещение.

Но, не тут-то было!

Не зря комната обладала такой древней силой! Никелю пришлось смириться, что его никто не услышит, и он предпринял смелую попытку, понимая, что назад пути больше нет.

Граф Фургас медленно заваливался на спину, и у него на поясе Николай обнаружил красиво выделанную рукоять кинжала. В другое время и в другом месте, никто из ныне живущих смертных не смог бы себе позволить даже притронуться к «нечистому». Но, сейчас было не до предрассудков!

Парамонов вынул кинжал с богато украшенной рукояткой прямо из-за пояса демона и воткнул в глаз новоиспеченной графине.

Вот теперь крик отчаяния разнесся над комнатой в десять раз сильнее.

У Николая зашумело в голове, крики посторонних голосов тут же проявились, злобно матеря, и появилось непреодолимое желание добить старую ведьму.

Он вынул из ее глаза кинжал и воткнул ей в шею так, как его учил некогда известный наставник.

Темная слизь выплеснулась изо рта бабки Марфы и она, схватившись за горло, стала медленно оседать под ноги, заглушая предсмертные крики.

— А вы говорите, молитвы! — закричал Никель. — Я наемный убийца! И оружие в моих руках — и есть настоящая молитва!

И в этот момент ударила мощнейшая сила.

Такая бескрайняя, что впору было молить о пощаде. Неужели, Парамонов и впрямь подумал, что демона можно сразить обычным железом? Бабка Марфа кричала, словно поверженная нимфа, потому что железо было из потустороннего мира. А пистолетные пули — были выполнены таким же смертным, как и он сам. И по обычной логике — не могли причинить вред сильнейшему демону, что пожаловал в скромный домик на краю леса.

Никель упал на пол, зажимая уши руками, будто хотел этим самым избавиться от нестерпимого шума. Голова раскалывалась на части, и уже никакое зелье отца Севастьяна не могло помочь.

Граф Фургас поднялся с пола. Раздробленная челюсть явила неприятный вид, темная кровь стекала с подбородка и крупными каплями падала на деревянный пол. Такого

предательства он не ожидал. Кто бы мог поверить, что обычный смертный не струсит перед знатным демоном и обманом постарается его убить!

Он взглянул на графиню, что в нелепой позе лежала у его ног, и отчаянно замотал головой. Если бы смертный догадался ткнуть его в горло фамильным кинжалом, то на ее месте могла оказаться его дорогая персона.

Потусторонняя сила нарастала.

Никель корчился от боли, лежа на полу комнаты. Его тело дрожало, словно в эпилептическом припадке, голова была сама не своя от напряжения, и внезапные судороги сковывали мышцы ног и рук.

«Это конец! — громче закричали голоса в его голове. — Ты посмел поднять руку на самого графа Фургаса! Теперь тебе несдобровать!».

Демон приблизился к Никелю и присел над его беспомощным телом.

— Я поверил тебе. — Грустно сказал он. — Доверил тебе страшную тайну, которой не знает на земле ни один смертный! Я едва не принял тебя под свое начало. Никому, из ныне живущих на земле, не выпадала такая благодать — быть последователем демона знатного рода. И, наконец, я едва не сделал тебя своим преемником! И чем ты мне отплатил?! Знаешь, Николай, в человеческом теле вполне уместятся две души, кто бы, что тебе ни говорил. Наверное, ты когда-нибудь слышал об этом! Но, живут они не долго. Лишь до того момента, пока одна из душ не возобладает над другой. Редкий случай, когда истинная вера смертного пересиливает вселившегося демона и заставляет его замолчать навсегда, не без помощи вашего Бога. Но, и тогда затухшая душа время от времени дает о себе знать. Такое состояние «съедает» человека изнутри и только опытный специалист в области пантеизма может спасти грешную душу от смерти. Но, к великому сожалению для тебя, таких людей в вашем убогом мире больше не осталось. А потому обладатель обеих душ становится великомучеником! Слышал, наверное, такое слово? Наверняка, слышал! Всю свою жизнь он ищет ответы на вопросы и пытается донести людям о своей болезни; великие священнослужители, епископы и патриархи, коих развелось на свете больше, чем крыс в подвале, не могут помочь мученику. И в итоге он умирает! Душа демона возвращается в свой мир, прихватив ценный трофей — душу верующего. А из нее получается новый демон, черт или бес. Твоя душа крепка, словно старое проросшее дерево, распутившись глубоко корнями в сухую землю. Признаюсь тебе, я не обращаю внимания на мелких сошек вроде тебя! Меня больше интересуют священнослужители, действительно обращенные к Богу и искренне верующие в своего спасителя. Не то большинство, что похоже на крыс в старых подвалах.

Но, в твоём случае я готов сделать исключение! Я окажу тебе Великую честь, поместив свой дух в твоё тело! Ты будешь гореть, словно в аду! Твоя душа будет молить о пощаде, снова и снова переживая самые страшные моменты твоей никчемной жизни. И в итоге ты умрешь, даже не став великомучеником.

Тебя не вознесут в лик Святых, не изобразят на дорогой иконе и не повесят в наглядном месте в городской церкви, куда поспешат сотни прихожан. О единственном человеке, кому посчастливилось узнать правду из уст графа Фургаса, никто так и не узнает. И твоя душа не последует за мной в качестве трофея. Она умрет вместе с тобой.

Гордо и бесповоротно!

Это говорю тебе я — граф Фургас, демон, командующий двадцатью легионами.

Рогатое существо положило свою мохнатую лапу на грудь Парамонову, и он ощутил

незабываемую боль. Ему захотелось кричать, но губы сковало в неприятной ухмылке. Вместо этого прорвался едва слышимый стон, который никак не могли услышать Макс или отец Севастьян.

«Верую в Отца...» — промелькнула далекая мысль в сознании Никеля. Но он уже не помнил, в какого Отца верует.

«И Сына...» — но он уже не знал никакого сына, и забыл свою погибшую дочь.

«И Святаго Духа...» — но он уже не ведал другого духа, кроме того, который в сопровождении невероятной боли проникал в его поврежденное сознание.

Разум вмиг потупился, будто стал для Николая совсем чужим.

Душа вступила в безнадежную схватку с демоном потустороннего мира, и тут же проиграла.

А разноцветные глаза стали чернее Тьмы, словно никогда при жизни не носили другой оттенок.

Беспокойное тело уже не билось в конвульсиях. Мышечные спазмы не тревожили Парамонова, и боль мгновенно отступила, стоило лишь демону перебороть душу смертного.

Николай ничего не видел перед собой, не слышал и не дышал. Смерть подступила к нему так близко, что ее присутствие он не перепутал бы ни с чем другим.

Глава 8. Желтые офицеры

Пламя свечи горело ровно, не меняя цвета. Огонь здорово освещал помещение кухни, где за длинным столом сидели два человека и хранили полное молчание. Даже дыхание, временами глубокое и нервно прерывистое не посмело нарушать гробовую тишину. Друзья только слышали биение своих сердец, время от времени поглядывая на часы и прекрасно понимая, что сегодня у них был последний шанс.

«03:12» — в отблеске яркого пламени мелькнули часы фирмы «Vreguet» на руке Макса.

Комната на втором этаже работала только с «ноля» до «трех». Примерно в это же время, по истечении первой ночи, Парамонов тихо спустился по лестнице, держа в руках старый «Глок-17», намереваясь убить «Зверя». И только безупречная подготовка хозяина дома помешала наемному убийце свершить свое грязное дело. И пусть человек в кожаной куртке не раз попадал в подобные неприятности, сражался на стольких войнах, что любому контрактнику станет не по себе, и поистине был бессмертен, — понапрасну рисковать жизнью он не любил. Давно ушло то время, когда Макс желал самому себе смерти, словно глубокий старец, прожив на свете познавательную и громадную жизнь. Когда его непрощенная душа рвалась в бой, подставляя ни в чем не повинное тело для копий, мечей и пуль противника, тогда он еще не знал, что сослужит великую службу человечеству, каждые сто лет пытаясь предотвратить неизбежное.

Все попытки были бессмысленны!

«Они» всегда опережали его на шаг, а то и на два! Сколько бы друзья не бились над тайнами первородного зла, им никогда не доводилось даже приблизиться к его пониманию.

Но в этот раз будет все по-другому — четко верил Макс. Николай продержался две ночи, погасил свое желание убить «Зверя» и встретился лицом к лицу с сильным демоном. Мало того, остался жив, но самое главное — вернулся к ним в здравом уме и трезвой памяти. Большинство людей теряли рассудок, или вовсе не возвращались из комнаты на втором этаже. Просто бесследно исчезали, словно никогда здесь и не появлялись.

Лишь однажды, много веков назад, молодой парень из далекого аббатства, расположенного на юге Франции, согласился провести третью ночь в кошмарной комнате, но вернулся оттуда сам похожий на неизвестного зверя. Он бросился на Севастьяна, распахивая огромную пасть и обнажая неровный ряд острых клыков, за что был тут же убит арбалетной стрелой.

Мечта о спасении вновь умерла, не оставляя даже призрачных шансов на исполнение задуманного.

«03:32» — стрелки часов неумолимо бежали по накатанному кругу!

Слишком много времени прошло с тех пор, как Николай вошел в комнату. Каким-то внутренним чутьем Макс осознавал, что он все еще там, и верить в неблагоприятный исход ему вовсе не хотелось.

— Может, все-таки, проверить комнату? — осторожно спросил отец Севастьян, видя, как хозяин домика переживает за своего подопечного.

Его друг и сам понимал, что времени ждать, у них больше нет. Активность проявлялась только до трех часов ночи, если, конечно, комната вдруг не поменяла правила.

И в этот момент, пламя наполовину сгоревшей свечи затрещало, словно к нему поднесли волосатую шкуру лесного животного. Кухня понемногу стала заполняться черной

копотью, в нос полез невыносимый запах гари, и стало тяжело дышать.

В комнате на втором этаже явно что-то происходило!

Но, что?

Макс поправил свечу в подстаканнике, дотянулся до рукояти трофейного пистолета и приготовился к неизбежному исходу.

И в следующее мгновение свеча погасла!

Быстро, словно на нее дунуло неизвестное существо.

Темнота воцарилась в помещении. Хозяин дома прислушался, ожидая в любую секунду ворвавшегося на кухню Парамонова, или того хуже, голодного зверя, готового разорвать на части всякого, кто повстречается ему на пути.

Хладнокровная ладонь крепче сжала рукоять пистолета, и Макс словно почувствовал, как «Глок-17» замер от напряжения.

Время неумолимо шло.

Два человека сидели в крошечной темноте за кухонным столом, а в дверном проеме так никто и не появился. Временами чудились порхающие тени неподалеку от их персон, но друзья уравновешенно держали себя в руках, понимая, что это всего лишь богатое воображение.

— Наверняка, что-то случилось! — быстро сказал Макс и рванул сторону дверного проема.

— Стой! — крикнул ему в ответ Севастьян, но было уже поздно.

Выскочив в прихожую, хозяин дома ударил по выключателю и в глаза устремился яркий свет. На мгновение показалось, что он проник в сам разум, ослепляя глаза и затуманивая сознание.

Но, Макса это не остановило.

Он резво поднялся по лестнице и толкнул деревянную дверь, поднимая перед собой трофейное оружие.

В просторной комнате никого не было, лишь только обмякшее тело лежало у кровати, нелепо раскинув руки в стороны, и не дышало.

Хотя, нет!

Дышало!

Тяжело, с каждым новым вздохом оно издавало болезненный хрип, жадно хватая воздух из этого мира.

— Господи, Иисусе! Он едва жив! — отец Севастьян склонился над телом Никеля.

Макс бросился к Парамонову и поднял его голову, чтобы лучше рассмотреть лицо. Сумрак комнаты все еще клубился над ними, но свет из прихожей честно выполнил свое предназначение. По крайней мере, друзья увидели, что это было лицо человека.

— Николай, что произошло?! — пытался достучаться до его сознания Макс.

— Я видел... — сухие губы выдавили всего лишь два слова.

Глаза Никеля были закрыты, отчего сложилось ощущение, что с ними разговаривает мертвец. Потом Парамонов закашлялся, и хозяин дома лицезрел, как на губах блеснули капельки крови.

— Что, видел? — Макс снова спросил, мучая своего гостя ненужными вопросами. — Что ты видел, Николай?

Небольшая пауза, и тут же последовал ответ:

— Все!

Никель разомкнул веки, и собеседники поразились цвету его глаз. Казалось, сама Тьма поселилась в его сознании, своей черной душой искореняя белую прожилку человеческой добропорядочности. Его голос не был похож на обычного, пусть и грешного, раба Божьего. Даже и малость он сейчас не походил на того наемного убийцу, который мечтал только о мести, — получить в награду тридцать «кусков» евро и поскорее смыться из этого леса.

Теперь его душа была рабой демона, так подло и бесцеремонно вторгшегося на запретную территорию.

— Он все еще жив! — вновь повторил отец Севастьян.

— Я вижу! — подтвердил его слова Макс. — Сильная порча поглотила его душу, но не сознание. Он до сих пор борется с ним, и я предполагаю, что граф Фургас открыл ему некую тайну. Помнишь, что он сказал?

— Он сказал: «Я все видел»! — повторил слова Никеля Севастьян. — Думаешь, демон поведал ему то, что мы пытались узнать?

— Возможно. — Предположил Макс. — Его глаза почернели, словно спелое яблоко под действием колдовства опытного чернокнижника. А это может означать только одно: кто-то могущественный вселился в нашего парня. Кто-то, не уступающий силе знатного рода, и не удивлюсь, если в теле Николая окажется темная душа графа Фургаса.

Новость была не из приятных!

Если в Парамонове действительно «сидела» сущность такого сильного демона, то дело принимало совсем плохой оборот. Мало того, что они попусту потратили три ночи, ожидая от простого смертного невероятного чуда, да еще станут свидетелями его мучительной смерти. Знатный демон убьет человека в считанные часы, и ни один священнослужитель не в силах будет его остановить.

— Нам нужно ему помочь! — прервал скверные мысли отца Севастьяна Макс.

— Помочь?! — священник обезумел от его слов. — Как мы можем ему помочь? Ты в своем уме?

Хозяин дома взвалил полумертвое тело на плечи.

— Для начала, отнесем его в мою комнату. Как бы то ни было, нам нужна эта информация. Думаешь, для чего сам граф пожертвовал своей душой? Не легче было бы позвать прихвостня рангом пониже?

— Мы не знаем наверняка, что он ему сказал!..

— Знаем, Севастьян, знаем! Только не хотим в это поверить. — Перебил его Макс.

— Нет! Мы не знаем! — стоял на своем священник. — То, что Николай сказал, — это еще ничего не значит! Его разум потупился в объятиях Темной души, и мы не можем с точностью утверждать, кто говорил голосом нашего парня! Но, я просто уверен в одном, — если ты вынесешь его из комнаты, нас ждут большие проблемы.

Макс с укором посмотрел на друга:

— Если мы его не вынесем отсюда — он просто умрет.

— Да, ты абсолютно прав! Он умрет! Но наше убежище так и останется для «них» тайной. Бабка Николая подозревала, что рядом таится опасный зверь, когда вкладывала ему в руку пистолет. Думаешь, это совпадение?

— Не знаю.

— А я знаю, Макс! Знаю, что если мы переместим этого человека за пределы комнаты, «они» не будут больше подозревать. Они будут знать, где находится «Зверь»! Наши души сгинут в аду, так и не получив прощения.

— Ты жаждешь прощения? Тогда оставайся здесь и проси. — Просто сказал хозяин лесного домика. — А я помогу нашему парню.

— Не делай этого! — попросил Севастьян, когда убедился, что его друг говорит вполне серьезно.

— А ты меня останови!

И Макс двинулся к выходу, держа на плече бесчувственное тело Парамонова.

Священник догнал друга на лестнице, когда тот уже спустился вниз и схватился за ручку двери, ведущую в комнату на первом этаже.

— У нас будет всего пара часов. — Напомнил отец Севастьян.

— У нас? — удивился Макс.

— Конечно, «у нас»! Ты думал, что я оставлю друга? Как бы ни так! Мне просто непонятно, что ты собираешься с ним делать?

Макс уложил Никеля на кровать:

— Я хочу получить информацию.

— И каким образом ты хочешь это сделать?

— Понятия не имею. Но, я обязательно что-нибудь придумаю.

Макс положил руку Парамонову на грудь и поразился, каким горячим было его тело. Грудь тяжело вздымалась, словно тот подхватил лихорадку, и глазные яблоки под опущенными веками нервно сновали из стороны в сторону.

— Николай! Ты слышишь меня? — хозяин комнаты попытался достучаться до пораженного сознания Никеля.

С таким же успехом, он мог бы поговорить с лесной кошкой, которая время от времени навещала его небольшой домик по вечерам.

— Это бесполезно, Макс! Нужно придумать что-то действительно существенное.

Хозяин дома взял за руку Парамонова и еще раз обратился к не подававшему признаки телу:

— Коля, ответь мне! Если ты меня слышишь, подай какой-нибудь знак.

И снова молчание.

Макс повернулся к своему другу и с тоской в глазах спросил:

— Мы можем извлечь демона?

Севастьяна переделернуло от таких слов. Никогда в своей жизни он не занимался чем-то подобным. Много раз священник встречал «порченных» людей, пытался помочь им молитвами, отворотами и всякой чепухой, но это не приносило результатов. Человек выходил из церкви, вроде бы излечившись, но по истечении какого-то времени, все начиналось сначала. Как говорил ему старый патриарх, для этого нужно иметь талант и благодать Бога, которой, увы, у обычного священника не было.

Раб первосвященника не мог помочь даже себе, не говоря уже о каком-то там прихожанине.

— Такого сильного демона нам не одолеть. — Честно сказал Севастьян. — Я могу прочитать пару молитв, но это не поможет. У нас нет той силы, чтобы тягаться с родовой знатью.

Макс вновь повернулся к Никелю, понимая полную неизбежность. У него оставался еще один вариант, прибегать к которому он не хотел.

Севастьян увидел, как его друг выдвинул прикроватную тумбочку, и в его руке мелькнуло лезвие ножа.

— Что ты хочешь делать? — в первые мгновения священник не понял, что задумал Макс. Но потом до него вдруг дошло. — Нет! Даже не думай!

— Я пушу ему кровь. А ты читай свои молитвы! Демон еще слаб, а увидев, что тело погибает, ослабит хватку. И если нам повезет, мы услышим голос Николая.

— Ты убьешь его! — слова друга повергли Севастьяна в шок.

— А что тебя не устраивает? Не ты ли пять минут назад хотел бросить парня в комнате на втором этаже?

Священник онемел от ужаса.

— Это не то же самое! Между словами «бросить умирать» и «убить» огромная разница!

— И какая же?! — закричал Макс. — Избавить себя от увиденного? Если смертному суждено умереть, то так тому и быть! Пойми, Севастьян, нам нужна эта информация, и я добуду ее любой ценой. Даже если мне придется убить! И да простит меня Господь за содеянное! И да примет душу раба своего Николая, пока ее не утащила «нечистая» сила в Ад!

Хозяин комнаты занес нож для удара и в этот момент глаза Никеля открылись.

Он схватил Макса за руку и закричал, словно в бреду:

— Желтые офицеры! Желтые офицеры!

Тело Парамонова задрожало, будто в припадке. Его отрешенный взгляд метался по комнате, и изо рта маленькой струйкой полилась кровь. Потом черные яблоки глаз закатились, и он снова потерял сознание.

Друзья изумленным взглядом уставились друг на друга.

— Мне не послышалось? — первым нарушил молчание Севастьян.

— Я уже давно не слышал такое сочетание слов. — Отозвался Макс. — Так давно, что уже и не припомню, что оно значит.

Священник с укором посмотрел на друга:

— Не валяй дурака, Макс! Мы прекрасно знаем, о чем он говорит. А если ты запамятовал, то я могу напомнить.

Хозяин дома прекрасно помнил, что значит сие выражение. Желтым офицером называли Небесного Воина в Древние времена. Всю свою жизнь мир боролся против сил зла. «Нечисть» выходила на дорогу, бесчинствовала, подвергая непомерным мучениям простой люд, и от ее походов не было спасения. И лишь, когда появились Небесные Воины, — демоны, черты, ведьмы, колдуны и бесы прекратили безнаказанно шастать по улицам. Опытные бойцы, одетые в доспехи песчаного цвета, ведущие за собой армию добровольцев, внушали страх в сердца «нечистой» силы. Уже не так вольготно чувствовали себя гости из потустороннего мира. Уже не так смело, они превращали обычных людей в неизбежных мучеников. И уже с опаской оглядывались, когда в очередной раз пускались за ними по следу Желтые офицеры.

— Не утруждай себя объяснениями, Севастьян! Я помню, кто такие эти Желтые офицеры! А так же я помню поверье, что читала перед сном мне мать: «Истинно верующий, вернувшийся на праведный путь, прошедший испытание верой, подвергшийся немислимым мучениям, умерший и воскресший, после смерти получивший благодать Господа, да будет Небесным Воином и встанет на защиту простого люда!».

— Совершенно верно! — согласился с ним отец Севастьян.

— А так же я помню название обряда, который следует провести. Но не в этом суть! Важно то, что он запрещен в любом его проявлениями, в этом, либо ином мире! Но, самое страшное, — я, несомненно, знаю, какая кара за это последует.

— Мы уже мученики, Макс! Разве ты не понимаешь, что нам не суждено получить прощение. Все, что мы делали на этом свете, не сравнится с тем, что мы сделаем сейчас. Это наш шанс!

— Шанс?! — строго посмотрел на него Макс. — Ты, видимо, Севастьян, не расслышал мои слова! Применяя запрещенный обряд, мы даже представить не можем, во что это выльется. Ты прожил на свете не меньше, чем я, а теперь скажи: сколько обрядов ты помнишь за все прошедшее время?

Священник потупил взор.

— Нет, нет, Севастьян! Не прячь от меня свои глаза! Просто ответь на вопрос.

— Много, Макс. Очень много.

— И сколько из них завершились удачно? Сколько Небесных воинов ты увидел после обряда?

Снова неловкая пауза.

Священник не хотел отвечать на такие вопросы.

— Я жду, друг мой! Сколько Желтых офицеров ты видел воочию?

— Ни одного! Ну и что! Может быть, те люди, что согласились на ритуал, недостаточно верили?

— А наш парень достаточно верит? — парировал Макс. — Много ты увидел в его глазах веры в Господа?

И снова молчание.

— Можешь не отвечать, Севастьян! Ответ я вижу в твоих глазах, которые ты так искусно от меня скрываешь. Я бы мог завалить тебя вопросами про обряд и его последствия, и поверь, ты бы не нашел на них ответа. Но, я твой друг, и не буду мучить тебя пустой болтовней, но все же вынужден спросить в последний раз: где те люди, которые проводили запрещенный обряд? Ты видел кого-нибудь из них?

Словно гром, среди ясного неба!

Ответа у Севастьяна не было, но было кое-что другое:

— Они не знали, что ведали! А мы знаем! Ты сам слышал слова Николая!

— Я всего лишь слышал голос, и видел чернеющий взгляд человека, находящегося при смерти. Не удивлюсь, что это был всего-навсего бред!

— Бред, говоришь?! А откуда он знает про Небесных Воинов? Откуда это ведомо обычному смертному?

— Честно говоря, я не в курсе.

Друзья получили информацию, но понятия не имели, как ей воспользоваться. Один яростно убеждал другого провести обряд, но никаких гарантий не мог предоставить. Если Николай умрет, то ту информацию, которую они жаждали от него услышать, больше никто не в силах будет узнать. А если, каким-то чудом, Никелю удастся выжить, их все равно настигнет кара за применение запрещенного колдовства.

— А знаешь, что самое паршивое? — снова заговорил Макс. — Парень нам просто не оставил выбора. Можно долго сидеть, обсуждать насущную проблему и делать разные выводы, но это ни к чему не приведет. Мы просто разбазарим свое время, и Николай покинет этот мир. Рано или поздно!

— У нас примерно час, а может и того меньше. — Поддержал его Севастьян. — Так давай же проведем его с пользой!

Хозяин дома пристально посмотрел на своего друга, и его взгляд нельзя было назвать

понимающим. Все страдания, что выпали на долю этого человека, мог перечеркнуть запрещенный обряд. Весь путь, который они бок о бок проследовали с Севастьяном, мог закончиться на этом самом месте и в этой одинокой комнате в самом центре лесополосы за чертой города. Никакие объяснения, оправдания, и уж тем более прощения не принял бы от них Господь, если бы даже узнал, что мысли о запрещенном колдовстве всего лишь возникли в головах обезумевших грешников. Испокон веков Небесных Воинов мог призывать только безгрешный человек, а таких в нашем мире сроду не водилось. Нарушить Божью заповедь — означало пересечь невидимую черту, за которую ни один здравомыслящий послушник, ни при каких обстоятельствах не посмел бы ступить.

Макс вернул в ящик тумбочки блестящее лезвие и громко выдохнул:

— Надеюсь, ты понимаешь, что за этим последует?

— Я знаю правила! — быстро ответил отец Севастьян. — Они непосильной ношей висят на плечах каждого священнослужителя. Всякий послушник, придя к Господу для служения ему верой и правдой, досконально изучает тонкости запрещенного ритуала. И я, как человек, духовно приближенный к Богу, вполне осознаю последствия этого обряда...

— Говори, что нужно делать! — беспринципно перебил его Макс.

— Отнесем его в ванную. — Просто сказал Севастьян.

Друзья подняли Никеля с кровати и переместили тело в соседнюю комнату.

Посреди душевой располагалась большая ванная, где хозяин дома нежился перед тем, как лечь в мягкую постель. Вот в нее-то Севастьян и Макс погрузили бесчувственное тело Николая, сложив тому руки на груди крест-накрест, как того требовал ритуал.

Крана с водопроводной водой в доме не оказалось по одной простой причине: канализацию никто здесь не возводил. Ванная комната была обставлена железными ведрами, наполненными холодной родниковой водой. Не давеча, как вчера, хозяин дома позаботился о комфорте своего гостя, даже не представляя, каким образом будет использовать привезенную воду.

Друзьям понадобилось девять ведер, чтобы залить Николая по самый подбородок. Холодная ключевая вода объяла беспомощное тело, и Макс заметил, как мелкая беспокойная дрожь пронзила его гостя. Поверхность воды пошла рябью, сообщая хозяину дома и его другу, что «клиент» все еще жив. Но, это и к лучшему! Пока демон не завладел грешной душой, у них был неплохой шанс помешать этому. Пусть Парамонов сопротивляется изо всех сил, отвлекает безумного графа от манипуляций Макса и отца Севастьяна, и может быть, запрещенный ритуал удастся провести двум безумным грешникам, всю свою жизнь ищущих прощение Господа.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. — Как-то неуверенно пробормотал Макс.

— Я же тебе говорил, любой послушник знает, как это делается! Самый неумелый мальчишка, только принявший благодать Господа и пожелавший связать свою жизнь с церковными обычаями, в первые годы своей жизни в тайне учит запрещенный обряд, слухи о котором древними легендами опоясывают каждое церковное бытие. И я не исключение! Все мои друзья с детства мечтали его провести вопреки строгому запрету. Да только не подворачивалось такого случая. До сегодняшнего дня! Можешь не сомневаться, я знаю все тонкости и детали ритуала; знаю, как себя вести в той или иной ситуации; и смогу воспроизвести его в точности с древним писанием.

— Но на практике, ты не делал этого раньше? — переспросил Макс.

Севастьян посмотрел на него, словно на умалишенного:

— Боже упаси! Ты ведь знаешь ответ на этот вопрос! Все, кто когда-либо касались этого обряда — пропали без вести. И упоминания о них затерялись в течение мирской жизни. Не ведаю, какая кара за это их постигла, но точно уверен, — мы скоро об этом узнаем...

— Потому, что она настигнет и нас! — закончил за него Макс.

Страшные мысли лезли в голову, и избавиться от них не было никакой возможности. Они сами приняли это решение, а потому отвечать за свои поступки придется в полном объеме, как бы того не хотелось избежать.

— Готов? — Севастьян словно тянул время, оттягиваю неизбежность.

— Давай уже начинать! — рявкнул на него друг.

Ожидание смерти, или что там последует вместо нее, хуже самой старухи с косой.

— Сначала нужно освятить воду. — Объяснил отец Севастьян и взял в руку большой золотой крест.

Он на мгновение закрыл глаза, собираясь с мыслями, а может, вспоминая правильный порядок слов, и его глас зазвучал в комнате так громко, словно и вправду над телом Никеля стоял сам Господь:

— Господи, Боже наш, освятивый струи Иорданския спасителевым Твоим явлением: сам и ныне ниспосли благодать Святаго Твоего Духа, и благослови воды сия ко освящению и совершению жертвенника твоего сего: яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Священник погрузил крест в воду и Макс увидел, как она вспенилась вокруг Николая и забурлила, будто закипела на огне.

Тело Парамонова зашевелилось. Видимо, знатный демон ощутил, что происходит с его подопечным, и засуетился. Темная душа графа Фургаса, погруженная уже в Святую воду, не могла остаться безучастной к данному явлению. И пусть не напрямую она касалась освященной жидкости, но все же испытывала нездоровый дискомфорт, переживая за свое, вдруг оказавшимся убогим, существование.

Отец Севастьян оставил крест в воде и продолжил запрещенный во всех канонах ритуал:

— Я стою перед Тобой безоружный, о Боже! Я волочу жалкое существование, не уподобляясь порочным грехам, и несу слово Божье в этот мир! Жизнь для меня ничто без Твоей благодати. И преклоняю перед Тобой колени, молясь во имя Господа нашего Иисуса Христа!

Отец Севастьян опустился на колени, и Макс последовал его примеру.

— Я верую в тебя, как никто другой! Верую в Твое величие, Твою силу и прощение, что далеко простирается за пределы нашего мира! Я знаю тебя не понаслышке, потому что видел Твоего сына воочию много веков назад! Я бы мог просить у тебя прощения, мог молить о пощаде, перечисляя все свои грехи и стоять на коленях в присутствии своего друга всю свою жизнь. Но, сегодня я прошу не за себя! Я прошу за Твоего раба, покрытого Святой водой и Твоим благословением! За того, кто пришел к Тебе обычным грешником и убийцей, а теперь, помогая нам восстановить справедливость, поддался чарам демона и впал в бессознание у Тебя на глазах! Он переосмыслил свое жалкое существование, уверовал в силу и мудрость Твоего учения, и признал свои грехи! Его имя — Николай! Он жаждет прощения, покаяния и искупления! И чтобы добиться твоего расположения, он даже готов умереть! А возродившись, словно твой сын, стать Великим Небесным Воином, чтобы нести и защищать слово Божье в этом беспокойном мире! Прими же его в Царствие Божие, обними, приласкай и прости грешника, а после отдай его нам живым и здоровым, словно перерожденного младенца! Аминь!

Священник замолчал.

На мгновение Макс показалось, что ритуал закончился, и ничего в нем не было такого страшного и запретного, как гласили Древние законы. Почему издавна были запрещены все его проявления? Почему здравомыслящий человек, не понаслышке знакомый с канонами церкви, даже и думать не мог о нем? И почему молодые послушники, в тайне мечтавшие провести обряд, повзрослев, никогда даже и не думали о чем-то подобном?

И вдруг ответ всплыл в памяти, словно навязчивая мысль.

Да потому, что запрещенный ритуал еще не закончен! Сейчас настало самое время совершить безумный грех, после которого о прощении можно забыть!

Отец Севастьян поднялся с колен, показывая пример своему другу. Его руки дрожали, словно после тяжелого похмелья, ноги стали вдруг ватными и в голове закружилось, когда он осознал, что сейчас произойдет.

Макс взял его под руку:

— Ты в порядке?

— В порядке. — Прошипел священник. — Но, ты должен мне помочь. Одному мне не справиться.

Севастьян положил руки на грудь Николаю и тяжело вздохнул:

— Прости, Господи, грехи мои смертные! Прости за веру свою ненадежную! И не карай сурово, раба Божьего!

Священник кивнул Макс, и тот положил ладони на голову Парамонова. Ему показалось, что, ставшая седой от постоянных страхов шевелюра, колыхнулась, небрежно сопротивляясь, но это был всего лишь морок. Морок, безусловно выполненный демоном, пленившим душу парня, когда он осознал, что хотят сделать друзья в следующий момент.

— Давай!

Командный голос отца Севастьяна «разрезал» тишину помещения, и друзья надавили, опуская обмякшее тело Николая с головой под воду.

Маленькие пузырьки поднялись на поверхность, и ключевая холодная вода забурлила еще сильнее. Не осталось ни одного живого места на теле парня, которое бы не омылось Святой прозрачной жидкостью.

— Да пребудет с тобой Великая сила Господа! Да омоет твои уста и веки священное море слез, выплаканное по поводу смерти сына Божьего Иисуса Христа! И да очистится твоя душа, чтобы вернуться на землю в ее искомом обличье! Я — отец Севастьян, при рождении названный Малхом, служивший рабом первосвященнику, по праву несущий в свет слово Божье; и мой друг, раб Божий Макс, при рождении нарекшийся Квинтилло, и бывший легионером войска Римского, опускаемся на колени перед Твоим царством! Проводим запрещенный обряд, находясь в здравом уме и трезвой памяти, не ради шутки или забавы, а с одной единственной целью — возродить Небесного Воина! И пусть его чистая душа хранит землю от невзгод и защищает от походов «нечистой» силы. Ныне и присно! И во веки веков! Аминь!

Тело Никеля впитало Святую воду — догадался Макс, потому что бурлить она перестала. На поверхности расположилась гладь, словно при мертвом штиле, и прозрачная жидкость стала настолько кристальной, что друзья увидели Парамонова четче, чем воочию.

Прошло не меньше минуты, когда, наконец, обездвиженное тело зашевелилось. Сначала неумело, беспокойно, но потом демон ясно понял, какой хитрый трюк пытались провернуть Севастьян с Максом. Издавна известно, что душа «нечистого» не сможет существовать в

мертвом теле, и эти двое намеренно старались умертвить бедного парня.

Коварные людишки!

Они даже не дорожили жизнью ближнего своего! Да запылают их сердца в геенне огненной!

Друзья увидели, как Никель открыл глаза.

Черные от неугасаемой злости графа Фургаса, и безумные от беспомощной ситуации. Они вели себя вполне адекватно и осознанно, не так, как в прошлый раз, когда Парамонов причал о Желтых офицерах.

Глаза то окрашивались в цвета бесконечной Тьмы, то снова становились разноцветными, напоминая настоящего Никеля.

— Это обман! Не смотри на демона! — прокричал Севастьян.

И хозяин дома отвернул взгляд.

Когда безумное тело осознало серьезность ситуации, тут же закричало. И если бы действительно находилось не под водой, то этот крик могли услышать на краю города.

— Держи его крепче! Не дай высунуться из воды! — крик священника заглушил едва слышимые вопли умирающего.

Вдвоем они прижали бедное тело ко дну ванны, и с трудом сдерживали натиск барахтающихся рук и ног.

Утопающий сопротивлялся минуты три. Всеми силами старался схватить кого-то из друзей за лицо или волосы, чтобы навязать борьбу. Отец Севастьян при поддержке Макса быстро ограничил его движения, чтобы не дать демону ни малейшего шанса. Им пришлось самим погрузиться в холодную воду, чтобы своими телами придавить Никеля ко дну.

Порой в голове Макса мелькали отвратные мысли все это остановить. Уж очень сия ситуация была похожа на безумие. Хладнокровно убить живого человека, да еще таким жестоким и коварным способом, и в голову не пришло бы обычному смертному.

Но они с Севастьяном были не обычными людьми!

И далеко не смертными!

В первую очередь, они выполняли волю самого Николая. В ушах еще звучали громкие возгласы его то ли просьбы, то ли приказа: «Желтые офицеры! Желтые офицеры!». А то, что это был голос самого Парамонова, Макс не сомневался. Демоническая душа никогда бы в жизни не посмела напомнить о Небесном Воине, знаю, какую беду тот принесет не только в потусторонний мир.

Три минуты активного сопротивления и тело Никеля снова обмякло.

Судя по всему, легкие заполнились водой, и Парамонов просто-напросто захлебнулся. Его конечности перестали вспенивать до краев набранную ванну, глаза закрылись, и в ванной комнате воцарилась тишина.

— Быстро из воды! — поторопил друга Севастьян.

И Макс не заставил повторять его дважды.

Насквозь промокшие, они ступили на мокрый кафель, скользкий, словно после обильного дождя. Быстро скинули одежду и обтерлись махровыми полотенцами, заворачиваясь в них, чтобы согреться. И хотя на дворе только начинались летние деньки, холодная вода, пусть и освещенная, пусть и в таком теплом месте, приносила немалый дискомфорт. Друзья понимали, что выйдя на кухню, им тут же удастся выйти из этого состояния, но пока, они дрожали, словно осиновые листья то ли от холода, то ли от мерзкого поступка.

— Прошло почти четыре минуты. — Макс посмотрел на часы.

— Я понимаю, твое состояние, мой друг! Ты пытаешься спасти Николая от смерти. Это похвально! Но сейчас время над ним не властно.

Хозяин дома взглянул на труп, мирно покоящийся под водой, и ему стало не по себе. Секундная стрелка слишком быстро двигалась по кругу циферблата, а Николай все еще не оживал.

— Мы должны вынуть его из воды.

— Нет, Макс! Ты знаешь, что сейчас нельзя этого делать! — священник преградил ему путь.

— Но, ведь он не дышит! — Макс закричал, словно капризный ребенок. — Пока еще не поздно, мы можем спасти Николая...

— Я сказал нет! — твердо ответил Севастьян. — В данный момент от нас ничего уже не зависит. Он должен спасти себя сам!

Раздался тихий хлопок, будто в ванну с водой кто-то метнул новогоднюю петарду.

Друзья, словно по команде обернулись, и перед ними предстала необычная картина: в воде над телом Никеля расплзлось черное пятно. За несколько секунд оно создало пелену над поверхностью, и скрыло из вида незадачливого утопленника.

— Что это значит? — переполошился Макс.

Севастьян подошел к краю ванны и пристально посмотрел. Но, как бы он не напрягал зрение, сквозь темную кромку так ничего и не смог разглядеть.

— Я не знаю. — Разочарованно ответил он. — Но, думаю в нашем случае, лучше здесь ничего не трогать.

И в этот момент в дверь постучали.

Аккуратно, тактично и не слишком громко.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Севастьян.

— Кроме тебя, здесь никого не было уже много лет. — На лице Макс изобразил неподдельное удивление.

— Тогда это точно по нашу душу! Когда завершается запрещенный обряд, всегда кто-то приходит. Но кто — история об этом умалчивает.

Хозяин дома бросил полотенце на кафель, чтобы оно впитало расплескавшуюся воду, снял с крючка два белоснежных халата, и один из них протянул священнику.

— Нужно переодеться. Я так понимаю, ему мы уже ничем не сможем помочь! — и Макс кивнул в сторону тела Никеля, покрытого темной жижей. — Но, хотя бы узнаем, кто почтил нас своим присутствием.

Он ловко накинул халат и, отворив дверь ванной комнаты, вышел в прихожую встречать гостей.

Глава 9. Левиафан

Стук в дверь повторился.

Не сказать, что очень настойчиво, но глухие удары по старому дереву были сильнее, чем в предыдущий раз. Незнакомец, будто почувствовал, что хозяин дома выдвинулся в прихожую, а потому переместился правее, заглянув в небольшое окошко, и, увидев Макса, аккуратно постучал в стекло набалдашником красивой трости.

Макс отодвинул засов и впустил гостя, предлагая тому проследовать на кухню.

— Не утруждайте себя, дружелюбный хозяин. — Сказал незнакомец. — У вас большая гостиная. Потому я предпочту остаться в этом помещении и не беспокоить вас бесполезным хождением по комнатам. Мы вполне можем обсудить все здесь, в этом прекрасном месте!

Сама любезность!

Ночной гость выглядел намного старше своего собеседника. Дорогая одежда, не менее дорогие туфли и котелок, надетый на круглую голову, выдавали в незнакомце одного из членов общества аристократии. В одной руке он держал трость, с красиво исполненным набалдашником, а в другой — небольшой кожаный портфель.

— Мне понадобится вон тот журнальный столик и стул, если вам, конечно, не трудно выполнить мою маленькую просьбу!

Севастьян, выпорхнувший из ванной комнаты следом за Максом, подвинул гостю небольшой столик, а Макс притащил с кухни три железных табуретки, ровно по числу собеседников.

— Этого вполне достаточно! — согласился незнакомец.

И усевшись на табурет, распахнул кожаный портфель.

Из портфеля появилась старинная книга, вся потертая, словно ею пользовались не одну тысячу раз. Гость положил ее на столик и перевернул первую страницу:

— Для начала, я должен вам представить некий документ, чтобы наша беседа не была для вас неожиданностью.

— Кто вы такой, мил человек? — поинтересовался Макс.

— Мое имя вам ни о чем не скажет. А вот свою должность я с радостью озвучу. Я — ваш мировой судья! И в первую очередь, я спешу туда, где на свет родился запрещенный обряд. Думаю, не имеет смысла спорить, что я прибыл по адресу?

Друзья переглянулись.

«Но, стоит помнить — за ваше деяние последует неминуемая кара!» — вспомнились слова известного священника.

— Думаю, вы прекрасно знаете, о чем пойдет речь, потому не стану томить вас долгим ожиданием. — Гость так и не дождался ответа. — Перед вами священная книга, можно сказать антиквариат! Здесь описаны все запрещенные обряды, когда-либо явившиеся на свет по чьей-то случайности или преднамеренной глупости.

Книга была внушительных размеров, и Макс подумал, сколько же всяких ритуалов Господь приравнял к смертному греху! Хотя, за то, что они сделали вместе с Севастьяном несколько минут назад, в любом захудалом государстве в старые добрые времена их бы повесили или четвертовали на глазах у оголтелой публики. Без суда и следствия.

А потому, они должны быть благодарны незнакомцу, который сделал им одолжение и позволил высказаться в свое оправдание.

— Это не было случайностью. — Честно сказал отец Севастьян. — Мы преднамеренно убили человека.

— Не просто убили! — уточнил ночной гость. — А произнесли определенный порядок слов. А это уже называется ритуальным убийством!

Незнакомец вынул из кармана рубашки очки с дорогой оправой, и, надев их, распахнул страницу примерно в середине книги:

— Если точнее, то вы использовали фразы запрещенного обряда под номером 423. В быту называемым «Небесным возрождением».

— Только возрождения не получилось! — заявил отец Севастьян. — Наш «Небесный Воин» погиб.

Гость достал из кожаного портфеля перьевую ручку и сделал какую-то пометку в книге.

— Это уже не важно! Важно то, что обряд был выполнен в полном объеме. Вы ведь назвали свои настоящие имена, не так ли?

— Естественно! Иначе в ритуале не было бы смысла!

Незнакомец дважды кивнул и снова оставил запись в книге.

— Это хорошо! Молодые и неопытные послушники именуют себя вымышленным именем, стараясь избежать кары за содеянное. Но спешу вас уверить, это бесполезно! Мы все равно отыщем их, во что бы то ни стало, просто на это уйдет немного больше времени. А вот вы молодцы!

Ночной гость был сама любезность. Сложилось ощущение, что он прибыл сюда, чтобы хвалить, а не наказывать Севастьяна и Макса за хладнокровное преступление.

— Я вынужден задать вам несколько вопросов, чтобы точнее определить меру вашего наказания.

— А что, есть варианты? — поинтересовался Макс.

— О-о! Вы даже не можете представить, сколько существует вариантов на этом и том свете! Каждый отдельный случай разбирается в индивидуальном порядке. — Он перелистнул несколько страниц. — Вот, например: «12 декабря 1723 года, малоизвестный монастырь на островной части западной Италии, а в те времена это было Сардинское королевство, послушник по имени Люзерат, который назвался вымышленным именем, затеял обряд в своей комнате, убив при этом своего лучшего друга. Подробности читать вам я не стану, лишь скажу меру ответственности. Готовы? Цитирую: «Душа преступника отправляется в рабство на остров Фандэйл, сроком на двести земных лет». Как вам такое?

Друзья снова опасливо переглянулись.

Провести в рабстве двести лет никто из них не горел желанием. Спасало лишь одно исключение — они назвали свои настоящие имена, грубо говоря, при исполнении обряда, сказали правду. Что же за наказание ждет их?

И, словно отвечая на их немой вопрос, незнакомец продолжил:

— Или вот другой случай: «6 июля 1844 года, Португалия. Епископ! Заметьте не какой-то там молодой послушник, а настоящий епископ провел обряд прямо на алтаре, пустив кровь местному жителю, обещая тому вечную жизнь». Но, несмотря на то, что назвал свое настоящее имя, был приговорен к бесконечным мучениям в котле нижнего мира. И как вы сами видите, наказания могут быть различными. Повторюсь еще раз, каждый отдельный случай требует тщательного анализа, и уже потом выносится приговор.

— А более щадящих наказаний в вашей книге не найдется? — вдруг спросил отец Севастьян.

— Не могу знать, уважаемый! Книга долго пролежала в бездействии, и ее не открывали с 1943 года. Но это не значит, что запрещенные обряды не пользовались спросом уже 78 лет. Пользовались, поверьте мне! И еще как! Только не доводились до конца. Не знаю, уж по каким причинам, но запрещенный ритуал не был завершен. Может, послушники баловались, может, какие-то неведомые силы мешали в этот момент, но уж будьте уверены — всех проказников мы нашли, и по достоинству оценили их силы и умения, каждому назначив справедливое наказание.

— Да уж! Справедливей не найти! — выразился Макс.

Ночной гость посмотрел на него с каким-то явным негодованием:

— Не нужно ерничать, друг мой! Прежде, чем изучить запрещенный ритуал, в начале первой строки всегда установлено предупреждение. Я прав, Святой отец?

И гость посмотрел на Севастьяна.

— Я всего лишь священник. А после сегодняшнего случая — не такой уж и Святой! Но, вы правы: перед началом текста всегда ставится предупреждение, и если кто-то ответит вам, что не знал об этой незначительной детали, того можно с уверенностью назвать лжецом.

— Спасибо за честность! — похвалил его незнакомец. — Я еще раз удостоверился, что вы вполне серьезные люди. Мало того, вы производите впечатление умных и образованных особей вашего мира...

— Но, единственный вопрос, который вас волнует, — зачем мы все это сделали? — перебил его Макс. — Ведь правда? Начиная с 1943 года запрещенные обряды под номером 423, были либо не завершены, либо не проводились вообще. А так, как книга пролежала столько лет на полке, предположу, что на остальных, как минимум 422 ритуала и вовсе никто не обращал внимания. Небесных Воинов уже давненько никто не видел. И это мы тоже должны были знать. Но, вас действительно тревожит мысль — для чего мы это сотворили спустя столько лет? Почему двое смертных, наконец, все же поверили в легенду?

— Поэтому, я здесь, друзья мои! Я хочу разобраться во всем этом.

— Мы далеко не ваши друзья! И перестаньте нас так называть! — резко ответил хозяин дома. — Вы пришли с одной целью — наказать нас за данный проступок! Так делайте же свое дело! Мы уже ничем не сможем себе помочь!

Незнакомец еще несколько секунд смотрел в глаза Макс, а потом взял перьевую ручку и перелистнул несколько страниц.

— Так и запишем: «4 июня 2021 года. Страна: Россия. Точнее сказать, центральная ее часть. Думаю, подробности никого не интересуют. Для судей вы обычные смертные, и через несколько часов о вашем существовании никто и не вспомнит. Итак, время полного завершения обряда: 04:51. Время начала суда: 05:08. Назовите, пожалуйста, имя жертвы.

— Его звали Николай. И он был нашим другом.

— Не сомневаюсь! — выпалил ночной гость и записал в большую книгу. — Способ убийства — утопление. Я все верно говорю?

Друзья промолчали.

— Значит, все правильно! Следующий пункт: жертва являлась другом преступников. Смертные осознанно пошли на преступление, проведя обряд под номером 423. Все обстоятельства подтверждают данные действия, и виновные соглашаются с этим заявлением. Ну, вот и все! Вы хотели провести суд быстрее — я пошел вам навстречу! Теперь для полного оформления вы должны назвать свои имена. Настоящие имена! — напомнил незнакомец.

— Для смертных — я отец Севастьян, священник городской церкви. Но, мое настоящее имя Малх. Наверняка, вы слышали обо мне! И не раз.

Ночной гость оторвал взгляд от книги и уставился на отца Севастьяна. Из-под круглых линз дорогих очков, на священника взглянул уже не дружелюбный незнакомец. Узнав настоящее имя главного зачинщика, он сильно изменился в лице, не особо размениваясь на комплименты:

— Малх? Раб первосвященника Ханны, который ударил по лицу сына Божьего?

— Совершенно верно! — больше с гордостью, чем с негодованием ответил Севастьян.

Ночной гость снял с лица очки в золотой оправе и положил их рядом с толстой книгой.

— Неужели, нам все же удалось обнаружить ваше местоположение! — и он обратил свой взгляд на Макса. — Дайте-ка я угадаю! Ваше имя Квинтилл? Предчувствие не подводит меня?

Макс молчал.

Он прекрасно понимал, что по закону должен назвать свое настоящее имя судьбе. Но, в данный момент ему сейчас было не до этого. Они с Севастьяном использовали последний шанс, что мог вывести их на след важной информации, по причине которой умер их единственный последователь. Проведя три ночи в таинственной комнате, он сумел остаться в живых, получить от демона много ценных знаний, и самое главное — выбраться живым и вполне адекватным человеком. До того самого момента, пока отец Севастьян не уговорил его сострять запрещенный обряд.

— Можете не отвечать, уважаемый хозяин дома. — Прервал долгую паузу собеседник в дорогом костюме. — Я знаю, кто вы, и что делаете для этого погибающего мира. Мы долго искали эту комнату, что на много лет скрылась от нашего взгляда, и которую мы с прискорбным сожалением считали потерянной. Но, сегодня, действительно, удачная для нас ночь! Вы провели запрещенный ритуал и выдали свое местоположения. Это ни в коем случае не повлияет на мое присутствие в этом месте, потому что кара за ваш обряд будет исполнена независимо от меня или тех особ, что искали вас много веков. И я прекрасно понимаю, что наше наказание ни в коем случае не сравнится с заветом Господа про вашу честь! Вы не избавитесь от бессмертия, как бы того не хотели высшие силы в лице сами знаете кого! Но, в связи с выявленными только что обстоятельствами, я даю вам честное слово — тела ваши так и останутся бессмертными, но души перейдет в мое ведение. Они будут гореть в аду, не меняя данного наказания столько лет, сколько потребуется! А потом снова вернуться на законное место, сохранив память о вашей прошлой жизни. Чем не справедливое наказание?

— Ты можешь убить нас, провести через тяжелые и невыносимые муки, но мы никогда не отречемся от своего Бога! И мало того — мы ни за что на свете не попросим прощения за то, что сегодня сделали. Может быть не мы, но в следующий раз кто-то другой все же добьется эффекта, и своей жертвой впустит в мир Небесного Воина. — Разъяренно сказал Макс.

— Не могу с тобой не согласиться! — не стал спорить незнакомец. — Но, теперешняя ситуация на моей стороне. И вы обязаны мне подчиняться! А потому, поставьте подписи под настоящим документом. Вы же хотели сделать все по-быстрому? Я вам предоставляю этот шанс!

И ночной гость протянул Максу красивую перьевую ручку.

Хозяин лесного домика долго смотрел на незнакомца. В его бесшабашной голове роились сразу несколько планов. Он по-настоящему представил, как бросается на ночного

гостя в последнюю схватку, погибает на месте и его душа преспокойно отправляется в нижний мир заполнять пространство очередного котла.

Или, как законопослушный гражданин, подписывает документ и отправляется в тот самый Ад, но уже в качестве пленника, продолжая свое существование в качестве личного раба одного из демонов.

Ни один из предложенных результатов не устроил Макса.

Его время истекало.

Безумные глаза незнакомца смотрели на него с непреодолимой жадой желая закончить все это поскорее. Но, инстинкт самосохранения обычного смертного, хоть и по воле Божьего умысла ставшего недоступным для «подруги с косой», брал верх над сегодняшней ситуацией.

Макс посмотрел на друга, и глаза его грустно умоляли: «Мы сделали все, что в наших силах! Честно хранили этот мир и помогали смертным всеми силами. Наши души не могли остаться безнаказанными после проведения запрещенного обряда. Ты тоже об этом ведал! И это ничего, что нам не удалось воскресить небесного Воина. Не каждому истинно верующему под силу такой ритуал! Мы сделали все от нас зависящее, и не вправе винить себя за недостаток веры! Так пусть и наш путь когда-нибудь закончится, хоть и не на такой красивой ноте, но все же! Мы будем всегда верны Господу, и да хранят его силы Света во веки веков!».

Не хватало только слова «Аминь».

И вот теперь Макс почувствовал, что надежда умерла вместе с немymi мыслями отца Севастьяна. Если уж священник не верил в будущее, то всякий смертный не мог себя винить в том, что ему не хватало сил поверить в Господа своего, Иисуса Христа, накануне исполнения и приведения в действие заслуженного наказания!

И в этот момент в доме послышался громкий хлопок.

Словно что-то тяжелое упало и разбилось вдребезги, заставляя собеседников вздрогнуть от неожиданности.

«Ванная комната!» — мысли взлетели, будто крылатый орел.

Друзья, как по команде повернули головы, и воочию увидели, как из-под соседних дверей хлынула вода.

Святая Вода — если быть точным!

А потом дверь в ванную комнату медленно приоткрылась, и на пороге они с изумлением наблюдали человека.

Человек не спеша направился к ним, отчего в сознании Макса и Севастьяна вновь затеплилась надежда.

Босоногий, он уверенно ступал мокрыми ногами, оставляя после себя заметные следы. Вода лилась с его плеч и мокрых спортивных штанов, забрызгивая прихожую. Лилась ручьями с его волос пепельного цвета, словно этому человеку стукнул уже шестой десяток. Но, друзья знали, что ему не больше тридцати. Они с удовольствием наблюдали, как человек движется в их сторону, всем своим существом показывая презрение к этой ситуации. Но самое главное — они знали его имя!

— У нас получилось! — не выдержал Севастьян.

И только сейчас в руке довольно молодого человека, несмотря на образ седых длинных волос, вся троица собеседников узрела пистолет. Все тот же «Глок-17», который в первую же ночь, проведенную в таинственной комнате, бабка Марфа вложила ему в руку.

— Меня зовут Николай! — гордо и надменно произнес смертный, несколько секунд назад появившийся из ванной комнаты. — И прежде, чем мои друзья подпишут сей договор, прошу внести и мое имя в «Книгу душ», чем и заявляю непосредственное отношение к справедливому суду.

Парамонов был мокрым насквозь, Святая вода стекала практически со всех участков его тела. В прихожей, на том месте, где остановился Никель, образовалась огромная лужа, медленно расползаясь по деревянному полу.

Макс заметил, как ночной гость отодвинул ноги в сторону, видимо, боясь ненароком ступить в освещенную отцом Севастьяном прозрачную жидкость.

— Я жду, когда ты выполнишь мою просьбу! — Никель бесцеремонно перешел на «ты», и впервые за весь разговор, друзья лицезрели ночного гостя таким испуганным.

— Сначала пусть поставят свои подписи! — отрезал судья.

— Ну, уж нет! — взревел Парамонов. — Они поставят подписи только тогда, когда я им позволю!

Макс от неожиданности выронил ручку, и она преспокойно упала на стол, медленно катясь под руку к ночному гостю, словно предлагая и впрямь вписать имя Николая в книгу.

— Ну, что же ты так смотришь на меня, справедливый судья? Не можешь выполнить мою просьбу? — и Парамонов с презрением усмехнулся. — А знаете, мои друзья, почему он не может этого сделать?

Отец Севастьян и Макс застыли в ожидании.

— Откройте книгу на странице 26, и вы увидите пункт номер 44, который гласит, что судей должно быть двое. И никак иначе! После завершения процесса, один из них вписывает имена грешников, а второй — пострадавшего, если такой объявится по истечению судебного разбирательства. Я все верно говорю, Левиафан?

Незнакомец побледнел:

— Откуда тебе известно мое имя?

Ему было наплевать на процесс, единственное, что его сейчас занимало — это появившийся из ниоткуда молодой парень.

— Это не важно! — проигнорировал его вопрос Николай. — Лучше поясни, где твой напарник, который должен представлять наши интересы?

Максу показалось, что Левиафан побледнел. Он не мог поверить, что объект запрещенного обряда предстанет вот так перед его очами.

— Уже много лет ваши представители не ходят на судебные разбирательства! И твоим друзьям несказанно повезло, что я вообще сюда явился! Обычно такая выходка заканчивается пленением души, и никто не в силах оспорить данный вердикт...

— Потому что никто не верит в конечный итог запрещенного обряда? Так узри же меня, демон! Перед тобой стоит самый настоящий Небесный Воин! Тот, кто пленил душу графа Фургаса и убил ее, выплеснув в реальный мир! Тот, кто находился еще в качестве смертного и уничтожил его графиню, не побоявшись коснуться оружия демона. И тот, кто не позволит нарушить правила судебного разбирательства, по какой бы причине они не были воздвигнуты!

Незнакомец потерял дар речи.

Его широкие глаза округлились до невозможных пределов, когда он, наконец, осознал, кто предстал перед ним.

Никель картинно поднял пистолет и направил его в сторону ночного гостя:

— Судья, представляющий интересы адептов Тьмы, должен фигурировать в списке возможных представителей. Открой книгу на странице номер 674 и прочитай список! Я хочу его услышать!

Левиафан видел глаза Небесного Воина.

Он пристально смотрел в его озлобленные очи. Он прекрасно понимал, что обман способствует невыполнению данного задания. Что «Книга душ» никогда не исполнит холодного предназначения, и ни за что на свете не позволит, чтобы ложь подавила истинную правду!

— У тебя есть десять секунд! — пояснил Никель. — Через одиннадцать — я прострелю твою бесшабашную голову, и мы закончим на этом справедливый суд!

Вот теперь Макс и Севастьян заметно расслабились. Небесный Воин по имени Николай, кого они, рискуя своими жизнями и в первую очередь бессмертными душами, хладнокровно убили, чтобы Желтый офицер вошел в этот мир своей надменной походкой, теперь диктовал судье правила игры.

Ночной гость захлопнул книгу, прекрасно понимая, что справедливого суда больше не будет. Небесный Воин не позволит, чтобы смертные поставили подпись под своими настоящими именами. И этот парень, по имени Николай, не даст возможности уйти ему из этого места живым!

Левиафан оставил все попытки привлечь смертных к истинному наказанию, и показательно бросил перьевую ручку на стол:

— Небесный Воин не имеет права вмешиваться в судебный процесс! Запрещенный обряд имеет под собой определенную кару, от которой не избавиться ни одному смертному!

— Я не противоречу запретному ритуалу! Хочу лишь прояснить определенные детали, и в который раз прошу назвать имена на странице 674! Твое время истечет через пять секунд!

Отец Севастьян и Макс замерли, приготовившись к самому худшему.

— Твое время истекло! — гордо произнес Николай. — Второго судью в лице представителя Господа я так и не увидел, в связи с чем, имею право считать, что справедливый суд теряет всю свою принадлежность! А потому, прошу смертного по имени Макс, в прошлой жизни, именуемого, как римский легионер Квинтилл, взять перьевую ручку, перевернуть страницу «Книги душ», и внести мое непосредственное заявление на законных правах стороннего наблюдателя! Мое настоящее имя — Николай! И потому я, влияя своим мнением на решение суда, торжественно заявляю и прошу занести мои показания в настоящую книгу: «Число — 4 июня 2021 года. Страна: Россия, точнее сказать, центральная ее часть. Думаю, подробности никого не интересуют. Верно, Левиафан? Для судей ты никто, и через несколько часов о твоем существовании никто и не вспомнит! Итак, время полного завершения обряда: 04:51. Время начала суда: 05:08. А время окончания — 06:01! Особые обстоятельства — справедливый суд пытался обмануть преступников, проведя его без второго участника, представителя земной силы в лице Господа. Имена указаны выше на странице номер 674. Я, Небесный Воин, по имени Николай, подтверждаю данные обстоятельства! И, согласно странице номер 692, исполняю закон потустороннего мира! А именно — за нарушение правил и принципов справедливого суда, приговариваю к смерти демона по имени Левиафан! Поставь, демон, свою подпись под ныне существующим документом!

— Ты не имеешь права! — закричал ночной гость. — Ты никто в этом мире! Ты полуфабрикат, сделанный неумелым обрядом обычных смертных!

— Я стою перед тобой, омываемый Святой водой Божьего Храма! Я выполнил все условия запрещенного ритуала: принял учение Господа своего, прошел невероятные муки, был умерщвлен и воскрес во имя Иисуса Христа. А теперь, я стою перед тобой во здравии и готовый в любой момент исполнить данное предназначение. Умри, неугодный демон, и забудь о существовании нашего мира.

Только молниеносная реакция спасла левиафана от неминуемой смерти.

Он бросился в сторону, уходя от пули «Глока-17». Даже самый неученый демон знал правила земного мира, когда Желтый офицер встречался с потусторонней сущностью. Рука Небесного Воина, взявшая в этом мире оружие, независимо от того, являлось оно холодным или огнестрельным, всегда направлялась дыханием самого Бога, и в этом мире представляла собой карающий клинок Господа.

Никель произвел три выстрела из пистолета, которым его снабдила бабка Марфа. Две пули пронзили обшитый красивой панелью деревянный остов прихожей, а третья — достигла цели!

Превратившись в грозное чудовище, ночной гость расправил небольшие крылья за спиной.

Грозное оружие в руках Парамонова снова выстрелило, заставляя демона ринуться вправо, уходя от смертельной атаки. Огненные плевки были гораздо опаснее, чем взмахи стальных мечей его прошлых противников. Сколько времени Левиафан не участвовал в подобных схватках? Два? Три столетия?

И снова пуля резанула податливую кожу надменного демона, выплескивая темно красную кровь на деревянный паркет.

— Не дайте ему уйти! — закричал Николай.

Макс первым понял, что «нечисть» пытается достичь спасительной входной двери. Он прыгнул в его сторону, словно атакующая кошка и получил удар длинным хвостом.

Хозяин дома отлетел на несколько метров, врезавшись в стену прихожей. Задрожал потолок, «застонали» опоры, издавая неприятный звук, но лесной домик всеми силами пытался помочь хозяевам, останавливая неугомонную прыть морского змея.

Крыло Левиафана было пробито, не позволяя ему взлететь или покинуть помещение в считанные мгновения. Он никак не ожидал, что Небесный Воин возродится перед его очами и заставит играть по своим правилам. Согласно древней книге, которую демон бегло пробежал глазами, его миссия ни чем не отличалась от ночной прогулки. Он должен был просто зачитать определенный порядок слов и дело в шляпе! Но, сегодняшним ранним утром правила изменились! Довольно простой и ничем не примечательный суд над смертными, воздвигнувшими запрещенный обряд под номером 423, закончится для его несравненной особы поистине великим поражением.

Снова зазвучали выстрелы, раскатом грома звуча в стенах полупустой прихожей.

Один, два, три, четыре!

«Глок-17» изрыгал смертельное пламя! И настолько смертельным оно казалось сегодня, потому что было послано из рук Небесного Воина!

Левиафан закричал нечеловеческим воплем, когда пуля попала в глаз.

Вмиг ночной гость обернулся человеком. Его правый глаз вытек из черной глазницы и представлял собою бездонный колодец. Правая рука сочилась темно красной кровью и уже никак не могла помочь своему владельцу. И, наконец, в левом боку зияла внушительного вида дыра, кровоточащая и опасная, дающая понять сопернику, что схватка в ближайшее

время может завершиться.

Понимая свое безнадежное положение, демон метнулся к выходу, видимо, намереваясь все же покинуть лесной домик. Его стремление было выше всяких похвал! Раненый, изнеможенный, уже не в силах терпеть издевательства хозяев дома, он схватился за ручку входной двери.

Еще немного!

Еще одно усилие и Левиафан вырвется на свободу!

Как бы ни так!

Севастьян бросил золотой кинжал ему вдогонку. Освященное лезвие, омывшееся Святой водой святой церкви отца Георгия исполнило свое предназначение. В спину ночного гостя воткнулось оружие, повреждая поверхностные ткани кожи, но самое главное — оно заставило остановиться безумного демона.

Никель выстрелил еще трижды.

Пули беспринципно легли в цель. И когда Парамонов понял, что в магазине не осталось больше патронов, бросился к Левиафану, настигая того у входных дверей.

Ночной гость уже держался за ручку, когда осознал, что на сей раз ему не удастся уйти живым из этого злополучного места.

Рядом с ним поднимался Макс, хозяин лесного домика, которого демон отбросил в сторону, словно детскую игрушку. Спеша закончить надоедливое представление, отец Севастьян торопился настигнуть Левиафана, преграждая ему путь к заветному выходу. И, наконец, Небесный Воин по имени Николай схватил его за лицо и резко вынул золоченый кинжал из спины.

С одной стороны — это было необыкновенным облегчением, но с другой — демон догадывался, каким коварным образом намерен его использовать опасный противник.

Ответ на немой вопрос последовал незамедлительно!

— Меня зовут Николай! — закричал Парамонов так, что задрожали стены. — И это будет первый демон, которого я убью в присутствии Господа! Так пусть же знает «нечистая» сила, что Небесный Воин вернулся! И никакая потусторонняя мразь не сможет со мной совладать!

Никель ударил сверху вниз, и кинжал с легкостью воткнулся в горло Левиафану.

Демон приоткрыл рот, будто пытался что-то сказать. Из его пасти выплеснулся сгусток крови, и широкие непонимающие глаза вмиг остекленели. Оружие Севастьяна, освященное водой самого Господа, в руках Небесного Воина приобрело небывалую силу.

Демон был мертв!

Но, вопреки смертным обычаям, его тело не осело на твердое покрытие прихожей. По исконно древним законам «потусторонний» должен был умереть по правилам адского огня. Что и незамедлительно сделал.

Левиафан стеклянными глазами последний раз взглянул на своего обидчика и взорвался на миллионы маленьких кусочков, очень сильно похожих на золу сгоревшей бумаги. И отличие было лишь тем, что серый пепел не кружил в воздухе, медленно опускаясь под ноги Небесному Воину. Он растворился в пространстве этого мира, словно Земля не хотела пускать даже останки «нечистот» в свою обитель.

Друзья застыли на месте.

Никто из них никогда не видел смерть демона собственными глазами.

Золотой кинжал рухнул на пол, звонко нарушая немислимую тишину, и сообщая

очевидцам, что все это происходит на самом деле.

Взгляд Николая преобразился, когда он посмотрел в сторону Макса и Севастьяна. Его глаза теперь не излучали черный оттенок. Привычное состояние и цвет разноцветных зрачков успокаивали теперь души хозяина дома и священника городской церкви. Души, которые они оставили при себе с необыкновенной помощью Небесного воина.

— У нас получилось! — возрадовался Севастьян. — Мы завершили обряд по всем правилам, и Господь услышал наши молитвы!

— Обряд!? — Парамонов словно бы вернулся из небытия.

Его зрачки, незамысловато разного цвета, явили неприкрытое удивление, а ставшие совсем седые волосы повисли, словно листва накренившейся березы. С них стекала Святая вода, что не так давно омывала тело находящегося в бессознание человека.

— Ты сам попросил нас об этом! — возмутился Макс, и его слова нельзя было воспринимать, как нелепую шутку.

Никель увидел, как вода стекала с его тела, и мокрые следы оставались на поверхности красивого паркета.

— Что со мной случилось!

— Ты только что убил демона собственными руками, сын мой! — поведал отец Севастьян.

— Демона? — не поверил его словам Николай. — Я убил графа Фургаса?

Священник посмотрел на Макса, словно ища одобрения в том, чтобы рассказать правду Небесному Воину.

— По твоим словам мы поняли, что графа Фургаса и его графиню ты уничтожил до этого инцидента. А мгновением позже ты устранил демона по имени Левиафан! Мы произвели на свет обряд под номером 423, и ты возродился, чтобы нам помочь...

— Нет! — закричал Парамонов. — Вы действительно это сделали?!

— Ты знаешь запрещенный ритуал под номером...

— Естественно, я его знаю! — перебил Макса Никель. — И знаю, какие последствия постигнут его создателей!

— И постигли! — яростно ответил отец Севастьян. — К нам тотчас же прибыл судья, который пытался пленить наши души, но погиб от твоей руки, в чем мы тебе искренне благодарны! И теперь хотим услышать то, зачем мы тебя трижды посылали в комнату на верхнем этаже. Что тебе сказал граф Фургас? В холодном бреде ты хвастал, что знаешь все о потустороннем мире. Теперь, мы хотим знать, какую тайну скрывали «нечистые» во главе с графом Фургасом?

Николай замолчал.

Его разноцветные зрачки забежали из стороны в сторону, будто вспоминая отдельные детали последней ночи.

— Я видел ад! Большие кипящие котлы со смертными душами. И вашего друга в старой рваной одежде, о котором вы мне рассказывали накануне! Он был горд, что лишился тяготящего бессмертия, но напоследок вручил «Глок-17», который мне достался от бабки Марфы. И даже не это главное! До встречи с ним со мною говорил граф и поведал об укладе жизни на земле.

— Это мы заметили! — сообщил Макс. — Ты так резво и информировано поставил на место судью, что нам на мгновение показалось, что ты заодно с его потусторонней сущностью.

— Я теперь знаю все об укладе нашего мира! Но, никак не могу вспомнить разговор с Фургасом о том, что же произойдет в ближайшие дни. Словно он заблокировал часть моего сознания.

Парамонов искренне хотел поведать своим друзьям рассуждения графа и его графини о смысле бытия, неминуемого несчастья, которое постигнет этот мир, но никак не мог вспомнить детали. Не за этим ли он пошел в комнату на верхнем этаже и поборол первородный страх?! В третий раз подряд! Он помнил, что-то важное коснулось его памяти, что-то действительно незыблемое прокралось в дальние уголки его сознания, и что-то могущественное проникло тогда в разум Парамонова Николая Сергеевича.

— Нам нужно вернуться в комнату на втором этаже! Причем немедленно! — заявил Никель.

— Это невозможно! — злость в лице отца Севастьяна была неподдельной. — Мы выдали свое местоположения! Выдали свою тайную обитель и чем дальше находимся в этом лесном домике, тем больше подвергаемся нападению демонов с той стороны! Мы послушники Господа и всю свою жизнь посвятили служению его Величия. Самый разумный поступок — бежать из этого места, не оглядываясь! Как мы и делали с Максом последние несколько веков!

— Ты, несомненно, прав, мой друг! — заговорил Макс. — Мы бежали сломя голову от проблем и неудач. Мы боялись демонов, словно огня в преисподней! И мы верили, что наступит момент, когда мы уже перестанем бояться! Как думаешь, отец Севастьян?! Не наступило ли время посмотреть своему страху в глаза? Когда ты в последний раз лицезрел демона, погибающего под взглядом твоего взгляда?

— Дело совсем не в этом...

— А я думаю в этом! — гордо загромыхали слова Макса в просторной прихожей. — Мы считали себя бессмертными, но почуяв только приближения конца, сразу же поникли, будто ощутили себя, стоящими на эшафоте. Честно говоря, я устал бояться! Устал обходить демонов стороной, боясь не лишиться единственной души! Мы бессмертные в этом мире, но я не уверен, что это продлится еще несколько веков. Я устал от этого хаоса, устал от понимания того, что твои любящие люди погибают, стареют и отправляются в небытие не с тобой! Я хочу смерти! Настоящей и человеческой! И я использую свою возможность, во что бы то ни стало! Я не боюсь никого, и одним из этих поводов служит то, что со мною сейчас находится Небесный Воин!

Я пойду с тобой, Николай, даже если отец Севастьян будет против! В этом неприятном месте много всякой «нечисти» и «дьявольщины»! В этом месте предостаточно зла, ненависти и безумства! Сколько раз я бывал там по своей и чужой воле! Сколько мук я испытал, находясь в комнате на втором этаже! Но, сегодня, когда со мной бок о бок пойдет Небесный Воин, я не боюсь ничего!

Глава 10. Амнезия

Знакомая комната!

И знакомое состояние, отныне именуемое «Первородным страхом».

Но, этим ранним утром в пятницу четвертого июня две тысячи двадцать первого года от Рождества Христова, Никель не чувствовал больше Всемогущего ужаса и необъятной силы, которую граф Фургас приносил в этот испуганный мир. Демона не стало, и прямая в этом заслуга была Небесного Воина, коим по счастливой случайности стал Парамонов Николай Сергеевич. Он пока еще не ведал, что своим присутствием подавлял силу потустороннего помещения, куда вошел со своими друзьями в качестве нового обличия.

— Комната работает с 12 ночи до трех! Что мы делаем здесь в 7 часов утра?

— Мне нужно вспомнить! — огрызнулся Николай. — Граф Фургас много чего поведал. Объяснил сущность бытия, и если будет на то воля Господа, я расскажу вам про сотворение мира, ада и преисподней во всех красочных деталях. Но, чего я никак не могу вспомнить, — так это ту часть разговора, где Фургас говорит о важной насущной проблеме! Сознание мне подсказывает, что демон успел поведать что-то невероятно ценное. Что-то такое глубокое, которое может перевернуть весь мир. Я подумал, если граф и графиня мертвы, значит, мне удастся без особых проблем «достать» эту информацию. Но, я ошибся! Комната не хочет мне помогать!

— Я хочу тебе помочь! — застонал отец Севастьян. — Сегодня у нас получилось невозможное! Впервые за несколько веков, Небесный Воин появился на свет! Впервые я осознал, что прожил больше двух тысячелетий не зря, и говоря начистоту, мне плевать на ту информацию, которую дал тебе демон. Планы изменились! Тебе срочно нужно найти наставника и отправиться к нему.

— погоди, Севастьян! Мы еще не получили того, чего хотели. — Не согласился Макс.

— Это уже не важно! — перебил его священник. — И ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Небесного Воина стоит обучить, перед тем, как он превратится в настоящего непобедимого бойца и губителя «нечисти»! То, что он победил знатного демона, еще ничего не значит! Он слаб и нуждается в помощи и покровительстве наставника. Николай должен пройти долгий путь становления, терпения и благочестия...

— Я знаю все эти законы, Севастьян, не хуже тебя! И, честно говоря, я не в восторге от его затеи вернуться в комнату! Но только представь, если нам удастся получить то, за чем мы сюда пришли? Удастся понять, что же задумала потусторонняя сила в лице сам знаешь кого!

Священник замотал головой:

— Мы теряем время, дорогой друг! Нам нужно скорее выбираться из этого места. Наш оплот веры и правды раскрыли, и когда «они» узнают, что же здесь произошло, то скоро этот лес заполонят такие, как граф Фургас, от земли до макушки деревьев!

— Ты прав, как никогда! Но, дай нам еще немного времени, прошу тебя! Если Николай ничего не сможет вспомнить — мы уйдем. Обещаю тебе!

Парамонов пристально взглянул на друга.

Мысли рвались из памяти, но складывалось такое ощущение, что они действительно были грамотно заблокированы. Граф Фургас поставил изумительный блок, который не в силах сломать был даже Небесный Воин.

И в следующий момент появилась девочка.

Ее теперь не сопровождал Первородный страх, может потому, что граф был повержен, а может, потому что сейчас было не время для настоящего потустороннего колдовства.

Севастьян и Макс ее не видели. Они лишь стояли в проходе и о чем-то вели дискуссию.

— Как тебя зовут, прелестное создание? — Николай смотрел на нее, понимая, что призрак ни при каких обстоятельствах не может быть прелестным.

Девочка держала в руках кошку, которая не так давно сидела у Парамонова на груди и устрашающе орала.

Теперь животное прильнула к груди юного создания и, испытывая смертельный страх, смотрела на Николая.

— Меня зовут Лиза. — Просто ответила девочка. — А тебя, стало быть, Николай?

— Совершенно верно! Вижу, ты нашла свою кошечку?

— Нашла! — гордо ответила бывшая хозяйка дома и погладила трясущееся от страха животное. Парамонову показалось, что кошка не обратила внимание на ласки, а все так же с ужасом смотрела на гостя. — Ты стал теперь другим, Николай! Больше не боишься меня, и моя кошечка дрожит от страха.

— Я не хотел ее напугать. Честно! Просто пришел сюда, чтобы вспомнить кое-какие события.

— Те события, что произошли прошлой ночью? — поинтересовалась девочка.

Каким-то внутренним чутьем, он осознавал, что бывшая хозяйка сможет ему помочь.

— Именно! — утверждающе ответил Парамонов. — Я помню многое! То, что мне рассказал граф в силу своей доверчивости, и тот человек, что бросился на меня, вложив мне в руку огнестрельное оружие. Но, основную мысль, сказанную накануне, из-за чего я впервые и появился в этой комнате, я никак не могу вспомнить.

Девочка подошла ближе и положила кошку на кровать. Животное сначала зашипело, выдав нервное беспокойство, но потом, утомившись, улеглась на удобном матрасе, и опустило голову.

— Я знаю, кто ты! — внезапно сказала Лиза. — И помогать тебе — означало бы верную гибель для меня. Если кто-то узнает о моей дружелюбной натуре применительно к Небесному Воину, я лишусь всякой поддержки со стороны моих благородных сил, и если повезет, то умру вполне быстрой смертью, не ощущая бесконечных мучений. Но, с другой стороны, — если не помогу тебе, то всю свою жизнь, или как там называется бестелесное существование в этом мире, буду раскаиваться в том, и чувствовать себя так, словно нахожусь в одном из котлов, который не спеша помешивает один из чертей. Ты же видел это?

— Видел. — Согласился Николай.

— Вот и хорошо! — успокоилась девочка по имени Лиза. — Я проведу тебя по тайным уголкам погасшего разума, и никакие Высшие силы, будь то ваш благословенный Бог, или всемогущий Дьявол, не смогут до меня дотянуться по вполне обыкновенной причине.

— И по какой же? — Парамонов просто испытывал здоровый интерес.

— Я сторонюсь Небесных Воинов, и никогда в жизни не вступаю с ними в бой. А потому, обо мне мало кто знает! Я стараюсь все время оставаться в тени, но, сегодня намерена сыграть одну из главных ролей. — Слова девочки звучали вполне серьезно, будто перед Никелем находился взрослый человек. — Знаешь ли, у каждого призрака есть предназначение! Каждый потусторонний «элемент» даже в захудалом селе или деревне, для

чего-то остается в вашем мире. Многие говорят, что это кара за содеянное, но я им не верю. Единственное оправдание этому жалкому существованию — мысль чего-то незавершенного. У каждого из нас есть своя невыполненная миссия, после завершения которой, мы сможем возвратиться «домой». И поэтому, я считаю своим долгом — помочь тебе вернуть память! Вполне вероятно, что это мое предназначение!

В комнате повисла тишина.

Лиза взяла за руки Небесного Воина, и Николай непринужденно закрыл глаза. Руки призрака были на удивление мягкими и теплыми, словно он коснулся живого человека. Слабая дрожь пробежала по его телу, мурашки покрыли человеческую кожу, и внутри Парамонова затрепетал огонек.

Ему нестерпимо захотелось открыть глаза, увидеть настоящего призрака, притворяющегося маленькой девочкой, во всей красе, но он понимал — делать этого ни в коем случае нельзя. Хозяйка дома искренне хотела ему помочь, и мешать ей он не желал. Ее сознание должно слиться с разумом Николая, и тогда, обретя чистые порывы света, он освободится от блокирующего колдовства графа Фургаса.

Что было дальше, Небесный Воин не помнил.

Лишь обрывки воспоминаний, трудно пробивающиеся сквозь его поврежденное сознание, да болезненные стоны комнатного призрака, мелькали в памяти Парамонова.

А потом, в чувство его привел голос Макса:

— Что с тобой случилось, Николай!

Никель открыл глаза и с ужасом обнаружил, что лежит на полу, а перед ним на коленях стояли Макс и отец Севастьян.

— А что со мной случилось? — вопросом на вопрос ответил Парамонов.

— Ты протянул руки вглубь комнаты и закричал: «Не покидай меня, пожалуйста!». Кто был с тобой в тот момент?

— Маленькая девочка... — только сейчас Николай понял, как тяжело ему давались слова.

— Нам срочно нужно увести его из комнаты! — негодовал отец Севастьян.

И Макс впервые сразу его послушался.

Он взвалил Парамонова на плечи и потащил по лестнице, ведущей на первый этаж. Никель ощущал слабость во всем теле, будто его били на глазах его друзей. И когда Макс спустился в прихожую, Николай заявил, что может идти сам. Боль отступила, он ощутил прилив неизвестной энергии, и снова твердо встал на ноги.

— А теперь, говори, что произошло? — хозяин дома не на шутку перепугался за своего друга.

— Я снова встретил девочку. — Сказал Николай.

— Призрака комнаты? — уточнил отец Севастьян.

— Можно сказать и так. Но, говорила она совсем не голосом ребенка, когда коснулась меня. Это вполне взрослая женщина и зовут ее Лиза...

— Боги Всевышние! Она назвала тебе свое настоящее имя?

— Настоящее оно или нет, я не знаю. По крайней мере, она так представилась.

— Уму непостижимо! — воскликнул священник. — Знаешь, что это значит? Когда призрак называет свое имя смертному? Он пытается создать с ним крепкую связь! И не всегда она приносит пользу для человека.

— Я это знаю. — Устало согласился с ним Николай. — Девочка... вернее то, что

прячется под ее личиной, — взяла меня за руки, прекрасно понимая, кто я такой.

Друзья с удивлением взглянули друг на друга.

— О-о! Теперь я вижу в ваших глазах недоумение! — съязвил Пармонов. — Это потому, что вы мне не все поведали. Верно?

Макс как-то злобно посмотрел на Севастьяна, и Никель это заметил.

— Ничего не хотите мне рассказать? Например, о том, как появился на свет Небесный Воин?

Вот это был «удар ниже пояса»!

Друзья смотрели друг на друга с полным недоумением. Каким образом Николай смог узнать такую информацию?

— Молчите!? Потеряли дар речи? Или память? А я вам напомню! Чтобы возродить Небесного Воина, особое внимание хочу обратить на слово «возродить», нужно всего-навсего убить смертного, закончив запрещенный ритуал. Как вам такое? Ах, да! Вы же об этом знаете, не правда ли?

— Мы рисковали не меньше, чем ты! — пояснил Макс.

— «Рисковали» — хорошее слово! Даже, может быть и убедительное! Но не для меня! Потому что я, с вашего позволения и напутствия, рисковал в большей степени! О чем вы только думали!?

— Только таким образом можно было возродить Небесного Воина...

— Таким образом? — перебил Пармонов отца Севастьяна. — Только так могли опознать ведьму в средние века! Привязывали ей камень на шею и бросали в озеро. Если всплывет — значит ведьма, а если нет? Обычную женщину было уже не спасти! Так вы решили поступить со мной?!

Священник виновато опустил голову, но Макс не сдавался:

— Но ведь, получилось же!

— Получилось, не спорю. И даже мог бы поверить в то, что вы рисковали не меньше моего! Но, с помощью призрака я узнал, что последний запрещенный ритуал был полностью завершен в 1943 году. Уж не знаю, сколько их было после этого? И даже память призрака не может поведать, когда в последний раз «возрождали» Небесного Воина. А это означает, что вы пошли на преднамеренное убийство, словно обыкновенные головорезы. Я знаю таких людей, поверьте мне. Но, самое страшное, что вы не верили в удачу! Тогда почему пошли на этот отчаянный шаг?

— Ты нас попросил! — гордо сказал Макс.

— А вы даже не сомневались в моих словах? Будто вы даже не знали, что моим голосом может говорить демон!

— Мы знали, что это ты! — вступился за друга отец Севастьян. — И хватит пустых разговоров! Ты полностью отработал контракт, так забирай свои десять тысяч евро и ступай на все четыре стороны!

— Десять тысяч? Мне обещали тридцать.

Макс виновато посмотрел в доверчивые глаза Николая и уныло ответил:

— Я сказал тебе неправду. У нас есть только десять тысяч. Можешь забрать свое вознаграждение.

— Отлично! — возмутился Пармонов. — Даже здесь вам удалось меня обмануть! Как же иначе! Друзья ведь должны друг друга обманывать! Не зря граф Фургас показал мне весь этот мир, включая ненависть, корысть и неправду. Отчасти он был прав! Зачем этому миру

существовать в процветании и благополучии? Зачем ему благочестие и вера в Господа, когда люди не верят даже в самих себя? Зачем ему справедливость, доброта и верность, когда друзья могут хладнокровно убить товарища, не веря больше ни во что?

— Ты уже начинаешь говорить, как демон. — Осторожно предположил отец Севастьян.

— Я говорю, как Небесный Воин, коим создали меня вы! И мне не нужны ваши деньги, золото или богатства! Я прожил на этом свете не так много, как Малх, Квинтилл или Агасфер. И я никогда не видел Христа, чтобы поклониться его Величию, но с гордостью отстою свой мир, чего бы мне это ни стоило! Пусть я грешник во всех проявлениях и позициях, но Господь не пожалеет, что присудил мне громкое звание «Небесного Воина»! Короче говоря, я помогу не вам или вашим принципам и устоям. Я помогу этому миру!

— Вот и ладненько! — заговорил отец Севастьян. — Но больше всего, сейчас нас интересует один вопрос — что ты узнал, побывав в комнате в последний раз?

— Можно сказать, ничего нового! — разочаровано поведаль Николай. — Неудачные моменты памяти графа и графини, быстро проносящиеся воспоминания о сущности мира, и мелкие эпизоды, которые поведала мне маленькая девочка.

— Я так и знал! Мы просто теряем время! — раздосадовано произнес Макс. — Пусть этому миру мы не в состоянии уже помочь, хотя бы спасем Небесного Воина. Тебе, Николай, стоит отправиться в далекую страну к наставнику для длительного обучения. Небесным Воином не так-то легко стать — ты должен знать об этом! Предстоит пройти долгий путь, когда силы Господа тебе покорятся, и твоя сущность, наконец, обретет Силу.

— Ну, уж нет! — ответил Парамонов. — Я не стану прятаться! И пусть моя память еще не до конца возродилась...

— У нас нет времени ждать! — заголосил отец Севастьян. — Наш тайный домик уже засвечен! Комната на втором этаже скоро пустит в наш мир таких чудовищ, что живые будут завидовать мертвым! Нужно непременно от нее избавиться, а лучше сжечь!

— Я понимаю твое негодование, отец Севастьян! — сказал Николай. — Но я не просто так находился сейчас в этой комнате и прикоснулся к призраку. Пусть я не получил такого эффекта, скорейшего возвращения памяти и практически не помню важные слова Фургаса, но в моем сознании явственно звучит одно имя. И думаю, оно непременно связано с нашими событиями. А потому считаю, что без моей помощи вам не обойтись, как бы вы того не хотели! Небесный Воин будет с вами до конца!

Друзья взглянули на Парамонова с яркой надеждой, и тот не стал затягивать паузу:

— Герцог Талгарат! Знакомо ли вам это имя?

— Нет! Только не это! — завопил отец Севастьян. — Любое другое имя, только не это!

Николай посмотрел на ужасную гримасу священника, и понял, что дело приняло совсем непростой оборот.

Макс тоже не на шутку перепугался. Его удивленный взгляд вперился в друга и не отпуская до самого конца.

— Ключ Соломона... — едва вымолвил хозяин дома, и глаза его потускнели.

Отец Севастьян медленно подошел к своему другу и положил руку на его плечо:

— Совершенно верно! Но не это главное! Малый ключ Соломона, или как его еще называют — «Лемегетон», содержит описание лишь семидесяти двух демонов. До 1984 года никогда не упоминалось имя герцога Талгарата. Его в принципе не существует в старых обрядах и поверьях.

— Ну, и откуда же он тогда взялся? — спросил Макс.

— Никто из ныне живущих не знает! Демон влетел в наш мир неожиданно и слишком резво, чтобы его запомнить, как влиятельного господина или хозяина части вселенной. Уже несколькими путешественниками, встречавшимися с его существом, это имя было предложено внести в трактат Соломона под номером 73. Никто не знает о нем столько, чтобы понять и раскусить сущность неизвестного демона. Никто не может до конца поверить в его существование, и уж никто не вправе судить о его рассказах, поверьях или былинах! Но, самое главное — никто не знает, как его призвать! Для нас он темная лошадка.

— То есть, мы о нем ничего не знаем?

— Кое-что знаем, конечно! Но, так, поверхностно! Герцог Талгарат отвечает на все вопросы только правду, и ничего кроме нее. Еще может помочь отыскать потерянные вещи, людей и все такое... Но, вопреки этому, многие священники сетовали на то, что он чудесным образом перевирает слова, и от его помощи не стоит ждать чего-то сверхъестественного. В частных случаях, когда задающий вопрос священник неверно истолковывает свою просьбу — тут же умирает, отдав свою душу Князю Тьмы. Но, сия информация стара, как и этот мир. Уже и не осталось в живых никого, кто бы поведал хоть толику важных деталей о демоне.

— У нас нет выбора! — сказал Николай. — Если граф Фургас назвал его имя, значит, так тому и быть! Нам нужно придумать, как связаться с демоном в этом мире.

— Ни в коем случае! — запротестовал отец Севастьян. — Никаких «мы» больше не существует! Ты немедленно отправишься к наставнику, иначе все наши усилия были напрасны. Небесный Воин должен жить, во что бы то ни стало!

Парамонов блеснул невероятно злобным взглядом.

Вся его бессмысленная жизнь мелькнула перед глазами, и он вдруг понял: все, что он делал до этого момента — убивал, отнимал чью-то жизнь и лишал кого-то полноправного члена семьи, — было необыкновенной ошибкой! Он никогда в своей жизни не сделал чего-то поистине запоминающегося, серьезного, или на худой конец — полезного. Он не видел перед собой цели во вклад этого мира, и уж тем более, никогда не верил в Господа, как сейчас. Но, теперь ему представился отличный шанс показать то, на что он был действительно способен.

— У вас есть на руках «Лемегетон»? — его слова «взорвали» повисшую тишину, и безудержным настроем ринулись в уши собеседников.

— Даже не думай об этом! — прошипел Макс. — Твое участие в этом деле закончилось! Завтра мы передадим тебя в руки наставнику, и ты начнешь обучение...

— Ну, уж нет! — громко сказал Николай. — Я пробыл в комнате три ночи, подвергая себя невероятным пыткам. Я подавил в себе желание убить тебя, хотя бабка Марфа убеждала меня в обратном. Я трепетал от страха перед знатным демоном, словно беспомощный и напуганный ребенок. И, наконец, я блевал подвальной крысой, и все это для того, чтобы просто отойти в сторону?

— Я взываю к благоразумию! — взмолился Макс. — Впервые за столько лет на свет появился Небесный Воин! И рисковать им мы не имеем право!

— А вы спросили мнение Небесного Воина?

Снова «удар ниже пояса»!

— Твое мнение уже не важно!

Парамонов подошел ближе, и хозяин дома увидел его глаза.

Они были мертвецки неузнаваемыми, и такими укоряющими, что перед ними можно

было пасть ниц. Словно сам Господь смотрел на него обжигающим взглядом.

— Никакого наставника не будет! — четко дал понять Николай. — И, как я уже сказал, десять тысяч евро мне не нужны! Вы мне должны в три раза больше! И я пройду этот путь с вами до конца, хотите вы этого или нет! Такова будет ваша плата за обман и «милосердие», которое вы воздвигли, применяя запрещенный обряд.

— Мы спасли тебе жизнь! — закричал Макс.

— Так используйте ее по назначению! — парировал Николай.

Воцарилась гробовая тишина, и лишь громкое сердцебиение слышалось в пустой прихожей.

— Я знаю, где достать «Лемегетон». — Разрядил обстановку отец Севастьян. — У меня есть хороший знакомый из городской церкви. У него покоится копия рукописи Соломона. Но к сожалению...

— Упоминание о семьдесят третьем демоне там нет. Я прав? — перебил священника Пармонов.

— В том-то и вся загвоздка!

Отец Севастьян уныло опустил глаза.

Разочарованию его не было предела. Каждое движение или жест выдавали огромную беспомощность, неуверенность или же безнадежность, пока Никель не взял слово:

— Вот об этом я и говорю! Без меня вы ничего не сможете сделать. Я познал мир во всех его прелестях и безрассудствах. Бедствиях и радостях, что приносят сюда смелые поступки истинных смертных и Божественных существ, о которых вы и в помине не слышали. Я слышал такое, что обычному человеку вовек не представить! Видел то, что грешнику никогда не пережить просто рассказанное под вечер перед сном. И пусть я знаю не так много о семьдесят третьем демоне, но при наличии записей Соломона в реальном описании, или же безукоризненно сделанной копии, я сумею вызвать его в этот мир, и упокоить обратно его бессмертную душу!

— Ты действительно это сможешь? — спросил отец Севастьян.

— Безусловно! Но мне нужна ваша помощь. Обещаю, когда закончится противостояние с «нечистыми» силами в нашем мире, я отправлюсь, куда пожелаете, в поисках наставника. Я буду смиренным послушником в далеком монастыре, как вы и хотите. Но, только после того, когда все это закончится! Идет?

— Идет! — обрадовался Макс.

— Но, для начала, нам нужно быстрее покинуть лесной домик. Комната на верхнем этаже снова испытывает беспокойство. — Напомнил отец Севастьян. — И я не удивлюсь, если в ближайшее время сюда хлынет орда «нечистых», пытаюсь отомстить за Фургаса и Левиафана.

Собеседники взглянули на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж, словно ожидая увидеть ту самую «нечисть» прямо сейчас.

— Согласен! — заключил Макс. — Нужно торопиться. Как бы ни хотелось расставаться с тайным убежищем, но теперь оно представляет для нас смертельную ловушку. Знатные демоны не пропадают из вида просто так — «нечисть» об этом знает! И первая ниточка приведет их сюда, к бывшей хозяйке лесного домика. И как бы она не убеждала тебя, что помогает Небесному Воину, при первой же возможности расскажет, кто здесь всем заправляет. В идеале, нужно сжечь лесной домик дотла. Другого выхода я не вижу.

Друзья быстренько оделись, собрав все необходимое, и уже выдвинулись в прихожую,

как за окном мелькнула тень.

— Вы видели это? — Николай больше ощутил, чем заметил что-то из ряда вон выходящее.

А может быть, это приобретенные навыки Небесного Воина подсказали ему?

— Что, видели? — в унисон отозвались друзья.

И Макс внезапно осознал, что за его домиком следят.

Но, не это озадачило его в данный момент!

Единственная, можно сказать, огромная деталь, на которую нельзя было не обратить внимания!

Кромешная темнота за окном.

Его наручные часы показывали без десяти девять, и в это время на улице должно уже посветлеть. А если быть до конца честным — светло должно быть, словно днем!

Он медленно приблизился к выключателю, что находился в прихожей и щелкнул пластиковый язычок.

Свет моментально погас, и только по ту сторону входной двери, сквозь неплотные щели пробивались слабые огоньки. Будто стая неугомонных светлячков кружила над лесным домиком и ни за что не хотела улетать.

— Почему так темно? — первым задал вопрос Николай.

Но, Макс его проигнорировал.

Он уже знал, что должно произойти.

— На пол! — закричал хозяин дома, и в этот момент окошко вблизи входной двери разлетелось на много мелких кусочков, как в тот раз, когда Парамонов в своем кошмарном сне, сиганул в него без зазрения совести.

Секунду замешательства, и хозяин дома бросился на Небесного Воина и повалил того на деревянный паркет.

Первое осознание пришло мгновенно — Макс снова пытается его убить! Но, зачем? Какую теперь роль он сыграет в поставленном спектакле? Небесный Воин снова должен умереть, чтобы возродиться в новом обличье?

Но, когда Парамонов обхватил его за спину, руки заскользили по кожаной куртке, и Никель понял, что же все-таки произошло.

Небольшое окошко из тонкого стекла рассыпалось от града пуль. И лишь потому, что оружие было с глушителем — они не слышали выстрелов.

За спиной Макса в брючном ремне был воткнут «Глок-17», но хозяин дома, заблаговременно почувствовав угрозу, не стал применять оружие, а просто заслонил собой Небесного Воина.

И вот теперь, спина человека в кожаной куртке, была пробита в нескольких местах, а из огнестрельных ран сочилась настоящая кровь бессмертного.

— Подонки! — закричал Парамонов и выхватил из-за спины Макса пистолет, все еще находясь под тяжестью его тела.

— Нет! — закричал отец Севастьян, но было уже поздно.

Никель прицелился в разбитое окошко и нажал на спусковой крючок.

Раскаты грома озарили темную прихожую, ярким пламенем ослепляя быстро привыкшие к темноте глаза.

«Глок» выстрелил всего четыре раза, после чего раздались сухие щелчки, сообщая владельцу, что патроны закончились.

На что надеялся Парамонов? На то, что в следующее мгновение из окна высунется физиономия стрелявшего и получит свою порцию смерти?

Как бы ни так!

Стрелок грамотно прятался по ту сторону двери и осторожно выжидал.

Николай отбросил бесполезное оружие и перевернул на бок раненого друга:

— Нет, нет, Макс! Не вздумай умирать!

Ему было плевать, если атакующие снова начнут пальбу. Сейчас его заботила только жизнь хозяина дома.

— Не стоит так переживать. — Отозвался Севастьян, лежа на полу. — Этому грешнику никогда не умереть. Он еще тебя переживет!

— Кто бы говорил! — отозвался Макс и закашлялся.

— Господи, Иисусе! — Парамонов отпрянул, словно завидев привидение. — Как тебе это удалось?

Хозяин домика немного привстал, и было видно, что его донимает боль в спине.

— Станешь Небесным Воином, еще не такое увидишь!

— Ты же был мертв несколько секунд назад? Я сам почувствовал кровь на руках, когда схватил тебя за спину! — недоумевал Николай, и посмотрел на свои руки.

И хотя в комнате было все еще темно, но тусклый свет пробивался сквозь то место, где когда-то располагалось смотровое окошко.

Его ладони были чисты, будто все только что произошедшее с ним случилось во сне.

— Не может быть! — воскликнул Никель. — Боже всевышний!

И он инстинктивно перекрестился.

— Я рад, что ты, наконец, обрел в душе Бога! — ухмыльнулся человек в простреленной кожаной куртке. — Теперь он будет сопровождать тебя до самой смерти!

— Извините, что вмешиваюсь в этот познавательный разговор! — перебил собеседников отец Севастьян. — Но нам, как можно скорее нужно решить проблему по ту сторону двери. Иначе наш новоиспеченный Небесный Воин, прямо сейчас встретится с Создателем. У кого-нибудь есть мысли по поводу нашего положения?

И словно отвечая на поставленный вопрос священника, неизвестный голос за окном громко выкрикнул:

— Ты еще живой, Никель?

Друзья вздрогнули!

Вернее, вздрогнули только двое из них: Макс и Николай.

Потому что узнали голос кричавшего человека.

То был голос Лихача! Человека с красным платком на шее, кого Макс хладнокровно убил на старой загородной даче.

Глава 11. Старый приятель

— Не верь, тому, что происходит! — прошептал Макс. — Демоны вводят тебя в заблуждение! Лихач мертв, и я видел его смерть собственными глазами. Это я его убил! Помнишь?

Никель пристально посмотрел в глаза хозяину дома, словно старался определить: врет собеседник, или же говорит чистую правду?

— Его голос настолько реален, будто он действительно восстал из мертвых...

— Левиафан тоже был реален! Ровно до того момента, пока тебе не удалось его устранить! Так что, не верь всему, что увидишь! Не пристало Небесному Воину поддаваться на уловки демонов.

За дверью блеснул оранжевый огонек. Но не потому, что дневной свет все же соизволил вступить в законные права. Это было что-то другое!

Совсем другое!

Серьезное и устрашающее!

— Выходи, Никель! — раздался все тот же голос Лихача. — Считаю до пяти!

Голос на мгновение затих.

Слишком долгой была пауза, отчего Парамонов вдруг подумал, что это действительно чья-то злая шутка. Оранжевый огонек все также блестел на фоне внезапно наступившей ночи, но на улице стало подозрительно тихо.

— Что будем делать? — отец Севастьян первым нарушил долгое молчание.

И в этот момент начался отсчет:

— ОДИН!

Голос Лихача прозвучал громче, чем в предыдущий раз, будто он двинулся ближе к лесному домику.

— Что произойдет, когда он досчитает до пяти?! — ужаснулся Никель.

— Понятия не имею! — сказал Макс. — Давайте лучше подумаем, как отсюда выбираться!

— ДВА! — оглушительно закричал голос по ту сторону двери.

Друзья оглядели прихожую, насколько позволяла им непроглядная мгла.

Слева темным зевом маячил вход в комнату Макса, где располагалось маленькое окошко. Выбраться не замеченными из дома они не смогут, даже если предположить, что взрослый человек поместится в створки оконной рамы. Люди Лихача непременно их обнаружат, потому что спасительный выход лежал через боковую стену. Не заметить их мог только слепой!

Справа находилась дверь на кухню, где и в помине не было окон.

А комната на втором этаже и вовсе представляла собой замкнутое пространство с малюсеньким окошком, в которое поместилась бы разве что небольшая кошка.

Оставалась большая оконная рама, расположенная на противоположной стене, прямо напротив входных дверей.

Никель увидел, как Макс осторожно повернул голову в сторону и молча обдумывал их побег.

— ТРИ! — казалось, голос Лихача изменился до неузнаваемости.

Он больше напоминал рык дикого зверя, а не живого человека.

— И что потом?! — Севастьян уловил мысль своего друга. — Что, если у противоположной стены нас уже ждут?

— Хочешь отсидеться здесь? Милости прошу! — прошептал Макс. — А я все же попытаюсь спасти Небесного Воина!

— Это самоубийство...

— Самоубийство — это когда ты пытаешься повеситься в конюшне у маркиза Сантьё! А я хочу вытащить нас отсюда! Любой ценой!

— ЧЕТЫРЕ!

Николаю теперь не казалось, что голос Лихача изменился.

Это непременно было так! словно в дешевом мистическом фильме, когда одержимый демоном человек, вдруг начинает говорить низким устрашающим басом.

Макс уловил перемены в лице Парамонова:

— Что-то не так?

— Я слышу его.

— Кого ты слышишь? — спросил отец Севастьян.

— Демона, который притворяется Лихачем! Мне кажется, я даже знаю его имя!

Друзья переглянулись.

Сомнений больше не осталось — перед ними пусть и неопытный, неотесанный, но вполне себе настоящий Небесный Воин.

— ПЯТЬ! — прогремела последняя цифра из уст Лихача.

Оранжевый огонек приблизился к входной двери, и раздался глухой удар о деревянный каркас.

Всю стену от пола до потолка объяло беспощадным пламенем. Языки резво заплясали в обжигающем танце, закружились, поглощая сухую древесину, и принялись с удовольствием ее уничтожать.

Затрещали податливые бревна, и черная копоть метнулась в помещение.

Коктейль Молотова сработал, как надо!

Вот что произошло, когда Лихач досчитал до пяти!

— Вперед! — закричал Макс, вскакивая с пола и хватая по пути одиноко стоящий стул.

Николай и отец Севастьян бросились за ним по пятам.

Банда Лихача, будто догадалась, что же сейчас произойдет, и шальные пули застучали о разгорающуюся стену.

Теперь без глушителя!

Прятаться больше не имело смысла. Безумный «калашников» запел свою песню смерти, нагоняя беглецом в их же доме.

Приблизившись к противоположной стене, Макс, что есть силы, размахнулся, и метнул в блестящий проем окна деревянный стул. Крепкая рама разлетелась в клочья, как в том сне, который видел Парамонов в первую свою ночь в комнате на втором этаже.

Прикрывая ладонями глаза, друзья по очереди нырнули в открывшийся проем, и вмиг оказались за пределами дома. Они уже не слышали, как еще две бутылки с зажигательной смесью рванулись внутрь помещения, навсегда стирая память о таинственной комнате на втором этаже.

Троица вырвалась на свободу, но уйти им не позволили. Из-за угла появились люди Лихача и вскинули оружие. Макс ненароком увидел, как Парамонов, так и не расставшийся с «Глоком» бабки Марфы, в ответ прицелился, прекрасно осознавая, что магазин пуст.

— Нет, нет! — заверещал хозяин лесного домика. — Уберите оружие! немедленно уберите его!

И он схватил Николая за руку, опуская ее, чтобы «Глок-17» не так грозно смотрелся на фоне необыкновенной ночи.

Макс поднял руки, показывая, что вовсе не вооружен, и заслонил Парамонова от внезапно появившегося противника:

— Мы все разумные люди! Давайте все мирно обсудим! Убить нас вы всегда успеете. Мы просто поговорим, и пусть нас рассудит Бог!

— Бог, говоришь? — выступил вперед блондин с короткой стрижкой.

Он все еще сжимал в руке «макаров», и черный зрачок смотрел на хозяина дома, чья обитель сейчас горела в беспощадном пламени.

— Да-да! Именно Бог! — поддержал разговор Макс. — Я вижу крестик у тебя на груди...

— А я вижу перед собой убийцу, который прячется за твоей спиной! А потому не мешай мне и отойди в сторону, если не хочешь, чтобы я тебя зацепил!

Блондин был настроен серьезно.

За ним стояли еще шесть человек, включая Лихача, что прятался за спинами своих товарищей. Двое из них держали в руках автоматы Калашникова, и их грозные взгляды выглядели не менее устрашающими, чем коротко стриженного зачинщика.

— Не делай глупостей, Таир! — выглянул из-за плеча Макса Парамонов. — Ты прекрасно знаешь, что у меня не было выбора! Елизар убил мою жену и дочь!

— Нужно было прийти ко мне, и я бы разрешил эту проблему! — ответил тот, кого назвали Таиром. — Но, нет! Ты же устроил самосуд, чем навлек на себя немилость всей банды! Не по понятиям, мой друг! Ох, не по понятиям!

Макс внезапно почувствовал, что беседа приобрела понимающие нотки. Несколько мгновений назад люди Фомы готовы были растерзать Николая за его прегрешения, но теперь с ними действительно можно было договориться.

— Я понимаю, что нервы у всех на взводе! — начал хозяин лесного домика, который уже во всю мощь полыхал в крошечной тьме. — И я ни в коем случае не вправе указывать вам, что же предпринять в той или иной ситуации. Но хочу обратить ваше внимание на один маленький нюанс...

— А я хочу знать, как вы нас нашли? — перебил его Парамонов.

Что ты делаешь, безумец! Разговор только вошел в дружелюбную фазу, а Небесный Воин тут же решил проявить свой характер!

Отец Севастьян невзначай подумал, что за свою наглость Никель поплатится жизнью, но Таир просто ответил вопрос:

— Добрые люди помогли.

И в этот момент из-за спин бандитов вынырнула высокая фигура. Незнакомец был одет в длинный потрепанный плащ, а его лицо скрывал высокий воротник.

Несмотря на то, что физиономию не удавалось рассмотреть, а из очертаний в полной мере присутствовали лишь глаза, Макс узнал «гостя»:

— Боже Всевышний!

— Ну, что ты, Квинтилл! Я всего лишь Слуга Вседержителя, и никогда не претендовал даже на место возле Него!

Банда Таира замешкалась. Все без исключения устремили взгляд на нового участника

беседы.

— Знакомьтесь, парни! Это Корнелиус. — Взял слово коротко стриженный блондин. — Он добродушно пообещал нам показать ваше местоположение, за что и получил заслуженную награду.

— Вы даже не представляете, кто сейчас стоит перед вами! — позволил себе повесить голос Макс.

Люди Таира приготовили оружие к бою, и черные зрачки стволов блеснули в холодном полумраке.

Вот он последний миг! Отец Севастьян приготовился к неизбежному исходу, но на его счастье, выстрелов не последовало. Вместо этого из тени вышел человек (если можно было вообще сравнить его со смертным).

Глубоко впалые глаза, обрамленные черными кругами; неживой взгляд полумертвой особи, и бледный оттенок кожи, словно тело измазали мелом.

Но, самой примечательной деталью одежды, висевшей на его шее, был красный платок. Потусторонняя сущность всеми силами старалась походить на Лихача и убедить присутствующих в его живучести. Но, как бы она ни старалась, обмануть друзей не удалось! Они прекрасно знали, что это не Лихач!

Неужели глупцы Таира, вкупе с его персоной, не видели очевидного факта?

— Убейте их всех! — вымолвила сущность знакомым голосом.

— Не слушай его, Таир! — Макс выше поднял руки, чтобы показать собеседнику свои благие намерения. — Позволь произнести последнее слово! И если мне не удастся убедить тебя, делай, что хочешь! Но, ради Господа нашего, Иисуса Христа, выслушай меня!

Корнелиус сделал шаг вперед и обратился к Таиру:

— Не верь его словам! Он хочет одурачить тебя!

— Молчать! — расвирепел коротко стриженный. — Ты получил свою награду и теперь можешь быть свободен! Остальное мы сделаем сами!

Корнелиус еще пару мгновений постоял, прожигая недобрым взглядом человека Фомы, и все же повернулся к нему спиной, и проследовал вглубь леса.

— Говори! Но только помни — мое время дорого стоит! А твои убеждения должны быть существенны, чтобы я смог в них поверить!

— Благодарю тебя, Таир! — искренне обрадовался хозяин лесного домика. — Как я говорил раньше: хочу обратить твое внимание на один нюанс, о котором ты, наверное, уже догадался. На моих часах — десять тридцать, но в лесу так темно, что если бы не отблеск огня, я не увидел бы и собственного носа... как думаешь, с чем связан такой парадокс?

Коротко стриженный впервые за все время проведенное здесь, задумался.

— Я оценил твое наблюдение! — коротко бросил Таир. — А так же отметил, что черные дождевые тучи заслонили небо. Вот видишь! Все намного проще, чем тебе кажется.

— Ты когда-нибудь видел такие тучи, которые могли бы заслонить дневной свет? Может, кто из вас видел раньше такое?

Последний вопрос был адресован бойцам с автоматами наперевес.

Никто из них не смог ответить. Макс увидел, как люди Таира мимолетом переглянулись, но не могли найти этому действию рационального объяснения.

— Не морочь мне голову! А лучше поведай, к чему ты клонишь? — начинал нервничать собеседник.

— Ни в коем случае не хочу тебя и твоих людей вводить в заблуждение, а тем более

задавать наводящие вопросы! Просто хочу обратить твоё внимание, что на этом парадоксы не заканчиваются. Рядом с тобой стоит человек с красным платком на шее. Его зовут Лихач! Верно?

— Откуда тебе известно его погоняло?

— Это долгая история! Рассказывать тебе о том, как я на него вышел не имеет смысла. Но вот то, что ты должен знать — я убил этого человека четыре дня назад! И всю его честную компанию! Если лучше присмотреться, то можно увидеть старые капли крови на его шейном платке.

Таир немного повернул голову в сторону собрата по оружию, но позже осознал, что будет нелепо смотреться в глазах своих товарищей, пытаясь поверить незнакомцу в кожаной куртке.

— Что ты не несешь?!

— Меня зовут Макс! И я говорю чистую правду перед лицом нашего господина!

— Хватит с меня этой чуши! — закричал коротко стриженный блондин.

Но, хозяин догорающего дома не дал ему ни малейшего шанса:

— Нет, Таир! Ты хотел выслушать меня, поэтому я договариваюсь!

Его голос разлетелся далеко по окрестностям леса, и, казалось, зловещая темнота дрогнула перед лицом разоблачения.

— Дождевые тучи, при которых не выпало ни капельки дождя! — продолжил Макс. — Непроглядная тьма, что явилась среди ясного дня так внезапно, что солнце не устояло после ее вторжения! И, наконец, твой собрат, восставший из Ада! Посмотри на него внимательно: поблекший взгляд, черные круги вокруг глаз и мертвецки бледная кожа! И если притронуться к его телу, чего я настоятельно не рекомендую тебе делать, ты ощутишь холодное прикосновение трупа, пролежавшего ровно четверо суток со дня смерти! Какие еще нужны доказательства?!

Макс, будто почувствовал, как невидимый страх пробежал по толпе его бойцов. Бесстрашной тенью мелькнула птица смерти, опоясав место вокруг разгорающегося домика. И слова, подкрепленные убеждением и не опровергнутые ныне присутствующим священником, надежно легли в сердца верующих.

— Я прав, Лихач? — закончил свою мысль человек в кожаной куртке. — Или кто ты на самом деле?!

И в этот миг крыша, объятая неистовым пламенем, обвалилась, заставляя всех присутствующих сделать несколько шагов в сторону от бывшего рассадника зла и «нечисти», обитавшего на втором этаже постройки.

Секунды замешательства хватило сущности, что вселилась в тело Лихача, чтобы выхватить нож и ударить рядом стоявшего собрата в шею. Человек Таира захлебнулся своей же кровью и упал под ноги человеку с красным платком на шее.

Застрекотал «калашников» одного из бойцов, и Лихач, сраженный автоматной очередью, примостился рядом с беспомощным телом.

Но, на этом «приключения» не закончились!

Не смея терпеть такого беспредела, один из подручных человека с красным платком на шее, вынырнул из темноты, чтобы наказать обидчика. Парамонов увидел, как высоко прыгнул водитель Лихача. В нормальных условиях при таком огромном весе, выполнить сложный цирковой трюк ему бы не удалось. Но, Николай и Макс знали, что свита Лихача была мертва, а потому напрашивалось одно разумное объяснение — их телами сейчас

управлял кто-то другой.

Тучный водитель приземлился на одного из людей Таира, и впечатал его голову в землю.

Немедленная смерть!

Хладнокровная и жестокая!

Но, этого оказалось мало водителю Лихача. Он грубо схватил поверженного товарища за волосы и притянул к себе. Острые зубы вонзились в податливую плоть. Затрещали порванные мышцы и сухожилия, брызнула кровь в разные стороны, и атакующий вырвал большой кусок мяса из шеи жертвы.

Рядом стоящего бойца вырвало. Но Таир удержал самообладание и трижды выстрелил в голову безумному убийце.

Тучный водитель замертво упал, придавливая тело и автомат поверженного бойца.

— Господи, Всевышний! — пробормотал коротко стриженный блондин.

— А я о чем говорил?! — возмутился Макс. — Ты не хотел видеть очевидных фактов!

Таир не успел понять, каких же вещей он не видел в упор, потому что из темноты показались еще две тени.

Быстро, расчетливо и молниеносно они атаковали оставшихся его двух бойцов. Люди блондина, вооруженные автоматами, даже не успели среагировать, когда противник сбил их с ног и завладел огнестрельным оружием.

Амбал и Костя!

Макс хорошо знал этих двоих. Загородная дача стала для них местом упокоения в этом мире. Человек в кожаной куртке прекрасно помнил, как одному из них вонзил нож точно в горло, а другому оставил лезвие в широкой груди.

Смерть незамедлительно настигла обоих.

Но сегодня, они выглядели живее всех живых.

— На землю! — закричал Макс, понимая, что же сейчас произойдет.

Он схватил отца Севастьяна и Никеля, и повалил их в густую траву, прикрывая своим телом.

В этот момент оба «калашниковы» изрыгнули пламя.

Длинными очередями прогремели выстрелы на фоне зловещего леса, красивыми фонтанами высекая ошметки земли. Раскаты разлетелись по округе, и Макс внезапно подумал, что их могут слышать жители близлежащих домов, или того хуже — полицейский патруль, оказавшийся поблизости в удобном месте и в удобное время.

Но думать об этом было пока рано! Для начала, чтобы беспокоиться о внезапно появившемся патруле, нужно было выжить.

Все разговоры потом!

Таир мягко приземлился на землю и тут же перекатился в сторону, уходя от пуль калибра 5,45 мм. «Макаров» в его руке трижды выстрелил, но безрезультатно.

Невозможно было определить — попал Таир в цель или нет, но оба бойца не шелохнулись. Лишь когда оба магазина «калашей» опустели, бойцы Лихача ринулись на противника, отбрасывая в сторону бесполезное оружие.

Коротко стриженный перекатился на живот, и зажал пистолет обеими ладонями.

«Макаров» выстрелил дважды, сотрясая лесную глушь. Пламя вырвалось из ствола, готовясь сеять смерть направо и налево; и две маленькие свинцовые пули покинули замкнутое пространство, останавливая взбешенного головореза.

Николай увидел, как неестественно дернулась голова Амбала, подкосились его ноги, и тело беспомощно рухнуло наземь, умирая во второй раз.

Окончательно и бесповоротно!

Воспользовавшись тем, что под атаку попал собрат по оружию, Костя беспрепятственно достиг Таира и ударом ноги выбил из его руки пистолет. Оружие высоко подлетело и по счастливой случайности опустилось в самую гущу костра, который искусственно создал вокруг себя лесной домик.

Последовала хладнокровная атака!

Костя едва не разможил череп блондину, когда его ботинок с силой впечатался в землю в том самом месте, где мгновением раньше находилась голова противника. Таир показал феноменальную реакцию, но демон, овладевший телом человека, был гораздо быстрее.

Блондин вынужден был подняться на ноги, чтобы продолжить бой, но Костя ему не позволил.

Мощнейший удар обрушился на Таира.

Изо рта брызнули капли крови, окропляя зеленую траву, и человек Фомы приземлился на спину, смешно раскинув руки в стороны.

Еще мгновение, и боец Лихача завершит свое «грязное» дело. Его дыхание участилось, глаза приобрели странный оттенок, а неподдельная злость в сердце воистину показалось безумной.

Господи, защити его бедную душу!

Костя быстро оказался у бесчувственной жертвы, занес ногу для заключительного удара, и в этот момент ему на спину прыгнул Парамонов. Никель вовремя сообразил, что сейчас произойдет. Быстро сбросил тело Макса и рванул на помощь Таиру.

Сцепившись с Костей, Николай еще несколько метров прокатился по земле, пока не освободился от его холодной и неживой плоти.

Душу обуяло холодное безумие. Руки задрожали в предвкушении смертельного поединка, и тело Небесного Воина напряглось, готовя свой ответ немислимому страданию всего человечества.

Они поднялись на ноги почти одновременно.

Демон в мертвом теле Кости и Николай.

Не дожидаясь особого приглашения, человек лихача бросился на противника, заканчивая надоевшее представление.

Нырок под правую руку. Удар кулаком в живот и в лицо локтем!

Все произошло настолько молниеносно, что демон не сразу сообразил, что же произошло.

Парамонов оттолкнул от себя противника, увеличивая дистанцию, и точно ударил ногой его в грудь.

Послышался неприятный хруст, словно грудная клетка дала трещину. Костя непроизвольно сделал несколько шагов назад, но все же удержался на ногах. Недоумение, а может даже и страх появился в глазах обезумевшего противника.

— Назови свое имя, демон! — громко сказал Небесный Воин. — И клянусь, что убью тебя быстро и безболезненно!

Сущность, завладевшая телом Кости, промолчала. Вместо этого, человек Лихача протянул руку в область пояса и с ужасом обнаружил, что ножны были пусты.

— Не это ли ты ищешь? — спросил Парамонов, являя его взору острый маленький клинок в правой руке.

Человек Лихача не проронил ни слова.

Он изобразил что-то наподобие злостной ухмылки, и наклонился вперед, неестественно вытянув шею.

В первый момент могло показаться, что противник сейчас встанет на четвереньки, и, превратившись в оборотня, завоет. Но, демон лишь отвлекал внимание Никеля! Он вытянул обе руки, и прыгнул на Парамонова.

Обычный смертный ни за что на свете не среагировал бы на его движения.

Обычный смертный, но только не Небесный Воин!

Шаг в сторону и лезвие ножа воспроизвело несколько росчерков в ночном воздухе леса.

Костя взревел не своим голосом, когда три пальца руки упали ему под ноги, заливая кровью мягкую траву.

Снова атака «нечистого»!

Разворот, удар, и точные взмахи ножа, которым подивился даже человек в кожаной куртке.

Кровь хлестала из стороны в сторону, будто собираясь залить весь лес своим естеством. А Небесный Воин продолжал и продолжал творить бесчинства под взглядом темных туч, заслонивших ясное небо.

Шаг влево и быстрые удары коротким клинком в область живота. Костя сделал недовольную гримасу, но ничего не мог противопоставить своему противнику.

Эффектное и плавное движение от соперника, и снова нырок под руку. Никель словно бы знал, куда в следующий момент ударит демон. Но быстро, беспринципно и хладнокровно сам наносил смертельные удары.

Снова разворот, и Парамонов вмиг оказался за спиной человека Лихача. Сумасшедшей силы удар в область колена, и друзья могли даже слышать хруст ломающихся костей.

Демон взревел, опускаясь на колени, словно поклонялся невидимому существу. Его глаза почернели то ли от ужаса, то ли от безумия; и хладнокровное лезвие глубоко вошло в затылок по самую рукоять.

Макс увидел, как кончик его выглянул изо рта поверженной жертвы, и с него быстро заструилась кровь на мягко расстеленную траву.

Костя пару мгновений еще постоял в таком положении, и тяжелой ношей рухнул, уткнувшись мордой в землю.

Дело было сделано!

— Что, мать вашу, происходит! — Таир пришел в сознание и теперь уже твердо стоял на ногах.

В руках он держал автомат Калашникова, который забрал у покойного собрата, и Макс увидел, как отделился пустой магазин, падая наземь, и на его месте оказался новенький, доверху набитый патронами.

Блондин передернул затвор, посылая патрон в патронник, и друзья осознали всю серьезность ситуации. На фоне пылающего дома, его силуэт был до ужаса устрашающим. Словно в хорошем боевике, на экране кинофильма появился главный герой, сплевывая загустевшую кровь и готовя последний выстрел для непримиримого противника.

— Я все объясню! — поспешил ответить Макс.

Он ловко заслонил Никеля от Таира, оценивая настоящую угрозу.

Одно дело — демон в мертвом теле.

Но, нож против автомата — немыслимая глупость!

— Я вижу, ты верующий человек, Таир! Об этом говорит крестик на твоём теле...

— Я уже слышал это! — зло перебил его блондин с короткой стрижкой.

— Вот именно! А теперь, тебе ещё и предстояло это увидеть! И чтобы, наконец, объяснить все здесь произошедшее, тебе осталось только поверить.

— Поверить во что?

— В то, что сейчас происходит на этом самом месте. — Макс заметил, как очнулись двое его подопечных, и неспешной походкой двинулись к своему предводителю. — Тела твоих товарищей ещё не успели остыть, так как перед смертью были самыми, что ни на есть живыми! Патологоанатомы говорят, что мертвое тело остывает примерно на один градус в течение каждого часа. Если коснуться одного из твоих людей, это действие подтвердит мои слова. Но, если дотронуться до Лихача или его головорезов, — ты искренне удивишься, какой холод источают их трупы!

— Помнится, ты говорил, чтобы я не смел этого делать!

— Я не советовал трогать его, потому что он был все ещё жив! В своём роде, конечно. Но, теперь, после трёх выстрелов в голову, думаю, он не причинит никому вреда.

Таир услышал, как к нему приблизился один из его людей, и отдал беззвучный приказ.

Громила подошел к ближайшему поверженному бойцу и перевернул того на спину.

— Ещё не остыл. — Гордо произнес он.

— Теперь, коснись Лихача. — Приказал Таир, все ещё удерживая на мушке «святую» троицу.

Громила застыл на месте, не понимая, к чему все эти манипуляции. Его ошарашенный взгляд сновал между блондином и Максом, потом направился к священнику и Никелю. Что за тайную игру ведет человек в кожаной куртке?

— Ну, давай же! — поторопил его Таир.

Громила медленно подошел к телу Лихача, присел над ним, и осторожно коснулся пальцами его шеи.

— Холодный, как лед! — выдавил он.

— Что я говорил?! — воскликнул Макс.

— Это ещё ничего не значит! — грозно оборвал его коротко стриженный.

— Значит, Таир, значит! Просто ты не хочешь в это поверить! Я предупреждал, что убил этого человека четыре дня назад, и потому он как никогда опасен. Ты не послушал меня, и вот твои товарищи мертвы! Что ты скажешь на это?! Где ты ещё мог такое видеть! Как человек вонзается своему соратнику в глотку зубами, и хладнокровно вырывает часть живой плоти?

— Видимо, тот сбрендил!

— Возможно! Но, тогда сбрендило и небо над нашими головами, закрыв солнце тучами в ясный летний день! Я не зря обратил внимание на крестик у тебя на груди...

— Что ты несешь, мать твою! — Макс показалось, что Таир крепче сжал цевье автомата. — Ты хочешь меня убедить в присутствие потусторонней силы?

— Заметь, не я сказал это первым! Ну, раз уж началась такая «пьянка», я задам встречный вопрос: думаешь, для чего в наших рядах священник?

Вот теперь блондин с короткой стрижкой с неподдельным страхом округлил глаза, словно впервые осознал, кто скрывается под черной рясой.

Но Макс продолжал:

— Я искренне надеюсь, что золотой крест у тебя на шее не просто украшение, а атрибут веры! Вот потому, я каждый раз обращаю на это внимание. Мне очень хочется, чтобы вы все прозрели и, наконец, увидели очевидные факты трезвыми глазами...

— Хватит молоть чушь! — воскликнул второй, худощавый по телосложению и низкий ростом человек Таира. — Порешим их, и дело с концом!

— Назад! — как-то не по-доброму отозвался Таир. — Никель спас мне жизнь, и меньше, что я могу для него сделать, — это выслушать его человека! Но, я не стану больше слушать хладнокровного убийцу, такого, как и мы с вами. Завалить Лихача и его свиту не каждому представится случай. Для этого нужен настоящий талант! И я прекрасно видал его здесь, на этом самом месте, когда Никель виртуозно справился с Костей. Парамонов такой же убийца, как и человек в кожаной куртке по имени Макс, потому я хочу заслушать ответы на вопросы вот этого бродягу. Ты же священник? Я правильно все понимаю?

Слуга Господа сделал три шага в сторону Таира и представился:

— Меня зовут отец Севастьян! И лучшего священника в окрестностях города тебе не найти!

— А теперь, ответь мне, отец Севастьян, что здесь на самом деле происходит?

Священник оглядел его взглядом и сказал:

— Я понимаю, ты в нетерпении, сын мой! Но, сейчас здесь не самое подходящее место, у нас нет столько времени...

— Э, нет, отец Севастьян! Сейчас именно здесь самое подходящее место! И поверь, спорить со мной нет смысла. Если я не услышу ответа на поставленный мною вопрос, я просто воспользуюсь рекомендацией моего хорошего товарища, и порешу вас, будто бродячих собак!

— Пойми, сын мой! Мы должны спешить, и ты просто обязан нам помочь! Посади Николая в автомобиль и увези туда, куда он скажет...

— Я сказал, торговли не будет! У тебя есть два варианта: либо ты мне сейчас же все рассказываешь, либо я исполню то, зачем, собственно, прибыл сюда! Выбор за тобой! Поверь, я хороший слушатель. И хоть вырос в мусульманской семье, верю в нашего Господа Иисуса Христа. А раз так, думаю, мы пойдем друг друга.

Священник глубоко вздохнул, но облегчения не почувствовал. Таир был тверд в своих словах, и ни при каких обстоятельствах не изменил бы решения. А потому, следовало поспешить.

— Я сожалею, сын мой, что нам пришлось втянуть тебя в такую историю. Ты стал невольным свидетелем нашего противостояния с «нечистью»! И, поверь, это не призрачные легенды или сказки, которые перед сном рассказывают непослушным детям. Это происходит в привычном для нас мире в этом самом месте. Макс уже обращал твое внимание на внезапную тьму, проявившуюся на фоне обычного белого дня. На смертную душу, умершую несколько дней назад, поднятую неизвестным демоном для нападения на обычного смертного. Это наши грехи перед Господом, что так реально отзываются скверными поступками.

— Послушай, Святой отец! Ты не заливай мне в уши голимый порожняк! Да, я верующий человек, я молюсь Богу, чтобы он услышал молитвы, и время от времени помогал в своих начинаниях. Но не более того! Я не фанатик!

— Никто из нас не фанатик! — согласился отец Севастьян. — Вот Николай, например,

всю свою жизнь был убежденным скептиком. И что же произошло сейчас, когда он искренне поверил? Он превратился в губителя «нечисти»! Ты сам все видел своими глазами. Но, самое страшное даже не в твоём неверии, а в том, что по обычной людской глупости, ты сам привел одного из «них» в этот лес!

Таир вздрогнул, словно его ударило током.

Если бы указательный палец находился сейчас на спусковом крючке, наверняка, отец Севастьян был бы уже мертв.

— Какую «нечисть»?! О чем ты базаришь, Святой отец? Я понятия не имел, что Лихач со своей бандой сдохли четверо суток назад.

— А я сейчас не о нём, сын мой! Я о том человеке, который навел тебя на этот лесной домик.

И словно в подтверждение этому, отвесная деревянная стена громко затрещала, и свалилась в самый эпицентр огня. К небу поднялись крупные искры, заставляя собеседников сделать еще пару шагов, удаляясь от невыносимого пламени.

— Ты про Корнелиуса?

— А про кого же еще, сын мой! Он может назваться любым именем, но от нашего взора ему не спрятаться. Настоящее его имя Эра́хмий! И я прекрасно знаю, кто он таков на самом деле.

— Что ты несешь, Святой отец?! — возмутился Таир. — Вера затмила твой разум?

— Моя вера при мне! — громко сказал Севастьян. — И отличается она от твоей лишь одной незначительной для тебя деталью: мы смотрим на нее под разным углом. Ты стараешься не замечать очевидных фактов, но я поведаю тебе малую толику того, что на самом деле происходит, раз уж ты предоставил мне слово!

— Твои слова также безумны, как и слова твоего кореша! А потому, в них нет ни единой капли правды...

— Тогда, может, скажу я? — вмешался в разговор Парамонов. — Мы с тобой были друзьями, пока работали на одного негодяя. Теперь он мертв, и мне трудно представить, как ты теперь ко мне относишься. Хотя, почему же трудно? Очень даже легко! Принимая во внимание «калашников» у тебя в руках.

— Закрой свой рот, Никель! Если бы не я, ты бы давно был мертв! Вся свита Фомь разыскивает тебя по окраинам города, чтобы убить, словно застреленного пса. И я вызвался на эту авантюру по одной простой причине — поговорить с тобой, прежде чем...

— Так вот он я! — перебил собеседника Парамонов. — Я уже говорю с тобой, но ты никак не хочешь меня услышать! Плевать мне на Фому, на Елизара и всю их чертову свиту! Сейчас нас должно волновать лишь то, о чем я сейчас поведаю тебе. Ты не желал слушать моих друзей, тогда услышь меня — своего давнего приятеля, который никогда в жизни тебе не лгал!

Таир грозно посмотрел на него и выдавил, словно оторвал от сердца слова:

— У тебя две минуты! Если ты снова примешься водить меня за нос, готовься получить пулю между глаз!

Макс только решился вступить за друга, но Николай опередил его:

— Договорились! Но не смей меня перебивать, иначе проку от моего рассказа будет с гулькин нос!

Плохая идея! И Макс и отец Севастьян точно это знали. Таир не поверил им, и уж тем более не поверит словам Никеля. Сколько времени потребовалось им, чтобы убедить

Парамонова? Два дня? Или больше?

Чтобы Николай прозрел, ему непременно пришлось увидеть все своими глазами. Почувствовать, как страх затмевает разум, как немеют руки и отказывают ноги, когда бесконечный ужас поработочает сознание. Без всего этого — убедить Парамонова в потусторонней силе было бы невозможно. И теперь сам собою возник следующий вопрос: как Небесный Воин попытается убедить во всем этом своего давнего приятеля?

И тут же ответ колыхнул воздух загородного леса.

Страшный ответ!

— Я покажу тебе! — раскатом грома ворвались слова Николая в хладнокровную реальность.

— Ни в коем случае! — протестовал отец Севастьян.

— Другого выбора нет! И ты знаешь об этом! — повернулся Никель к священнику. — Но прежде, чем ты увидишь все своими глазами, Таир, я расскажу тебе, кто такой Эрахмий. После того, что произошло со мной в этом доме, я мало чего помню о том, что мне поведал граф Фургас.

— Это еще кто такой!

— Неважно! Важно то, что ты привел сюда настоящее зло! Да, мои друзья раскрыли тайну этого домика, и теперь наши, а заодно и ваши жизни, в руках Господа нашего. «Их» уже не остановить, как бы того не хотелось!

— Кого «их»? — не понял Таир.

— «Они» работают в три этапа. — Словно бы не услышал Николай вопрос своего приятеля. — Первый этап — наблюдение! Обычно кто-то из «них» проникает в сознание через сны или мысли, когда рядом появляется первородный страх. Тебя стараются сбить с истинного пути, лишить веры в добро, только ты начинаешь становиться на путь исправления. В моем случае это был граф Фургас и моя бабка Марфа, которая умерла два года назад. Я осознал свою, так сказать, не очень правильную жизнь. Впустил Господа в свою душу, и понеслось! «Они» не перенесли «предательства» и тут же появился наблюдатель. Он искренне хотел вернуть меня на свой путь, и когда, наконец, осознал, что у него ничего не получится — пытался меня оградить от этого мира. Тебе знакомо такое слово — порча!

Наступила тишина, лишь один из людей Таира, внимательно слушавший разговор, нарушил тягостное молчание.

— Я знаю, о чем он говорит! У нас в деревне был один случай...

— Молчать! — закричал Таир.

Но разговор уже сдвинулся с мертвой точки.

Небесный Воин сделал два шага и оказался лицом к лицу с громилой.

— Церковь Святой Богородицы! — словно замороженный, произнес Николай. — Женщина в зеленом платке упала на ступенях при входе и закричала на неизвестном языке. Тебе было тогда восемь лет, но ты хорошо помнишь тот случай. Верно?

Таир увидел, как громила выпучил глаза и задрожал, будто осинový лист. Он, словно перенесся в то страшное время, и оказался с родителями на пороге той церкви с огромными золотистыми куполами.

— Это был иврит. — Поведал Николай. — Женщина просила, чтобы ее не убивали. Искренне просила, но никто ничего не понимал...

Глава 12. Ангел — истребитель

Человек Таира был бледен, как мел. Никогда бы в своей жизни он не мог предположить, что кто-то напомнит ему эту страшную часть его бытия. Маленький восьмилетний мальчик пережил в тот день сущий кошмар, который всеми силами пытался забыть.

Страх сковал его с головы до пят, напоминая последствия того злополучного дня. Мерзкие мурашки бежали по телу, обгоняя друг друга, словно пытались скрыться от этого кошмара. И, наконец, сильные руки мужественного человека задрожали, когда разговор напомнил о той части бытия, которую многие отказывались принимать.

— Женщина пыталась вырваться, верно? — продолжил Никель. — Но, двое крепких парней все же затащили ее в церковь. Ты вошел следом за ней, потому что так хотели твои родители. Ты был еще молод, и плохо соображал, что же на самом деле происходит! Но, слово «порча» знал, перед тем как увидеть ее в первый раз. Никто не мог ей помочь в тот день! Никто не обращал на ее крики внимания, лишь батюшка окроплял ее Святой водой, надеясь изгнать демона и прекратить ее страдания. Но, ничего не вышло, верно? Никто и представить не мог, какими навыками следует обладать, чтобы извлечь демона, а потом его уничтожить! Женщина скончалась через пять минут от неизвестной болезни, как говорили врачи. Но мы-то с тобой знаем, чем она была больна!

Таир смотрел на своего человека и дивился тому, как точно и в подробных деталях рассказывает Николай его историю.

— Откуда тебе это известно? — спросил старый приятель.

— Мне много чего известно! — ответил Никель. — Может быть, потому что я сам стал жертвой подобного мира. Но, вопреки той женщине, я все же остался жить на этой земле, чем невероятно благодарен нашему Господу! Я получил необыкновенные знания, но память моя, к сожалению, была повреждена. Ее отрывки складываются у меня в голове, словно кусочки паззла, но как-то уж очень неохотно. Но главное, о чем я хочу вам поведать, это то, что за первым этапом незамедлительно последует второй — «Проникновение»! Вы привели сюда демона по имени Эрахмий! Он пришел, чтобы воочию увидеть того, кто не сломился под гнетом графа Фургаса и победил его, навсегда избавив наш мир от его персоны.

Какой уж потусторонней силой Эрахмий поднял Лихача с его свитой, — мне не известно! Но, основную свою задачу он выполнил благодаря вам. Он увидел воочию нашу обитель, и обозначил место нашей дислокации. Теперь территория этого леса не безопасна для всех нас. Если хотите спасти свои души — покиньте это место и больше никогда сюда не возвращайтесь! Я объясню, что нужно делать, чтобы по вашим следам не пошел Эрахмий...

— Еще чего! — заголосил Таир. — Думаешь, напугать меня своими сказками?

— Я знал, что ты не согласишься! — гордо ответил Николай. — Потому дам тебе исключительную возможность увидеть собственными глазами третий этап: «Уничтожение»! «Они» уже близко! Я чувствую «их» всем своим существом, и реально оцениваю угрозу. Готовься к неизбежному исходу, Таир! То, что ты так искренне старался принять, но по каким-то причинам не сумел, — сейчас явится перед тобой невероятными красками!

Лесной домик сложился, словно карточное строение. Стены, объятые пламенем, рухнули в эпицентр сумасшедшего костра. Яркие искры ринулись в небеса, освещая опушку леса, затрещали опаленные доски, черный пепел разлетелся по округе, и будто темные небеса разверзлись под натиском безудержного пламени.

Яркая молния пронзила пространство загородного леса. И мелькнула она так близко, что сиюсекундная вспышка заставила вздрогнуть даже самые твердые и непоколебимые сердца.

— «Они здесь!»! Вернее «он!»! — заключил Николай, устремив взгляд куда-то вглубь чернеющего леса.

— Ты его видишь?! — спросил Макс.

— Нет! — пояснил Парамонов. — Но, я его чувствую! Это демон-разрушитель, который хорошо нам известен!

Друзья переглянулись, и холодный пот пронзил Севастьяна и Макса. «Демон-разрушитель» был только один в этом и том мире! И имя его знал даже несведущий в молитвах приспешник самой захудалой церкви.

— О чем вы? — спросил Таир.

Из лесной тьмы появилась едва приметная фигура.

Отблеск лесного пожара не мог достигнуть ее в том месте, слишком уж велико было ее желание оставаться для наблюдателей только размытым силуэтом. И в первый момент даже показалось, что тень демона вовсе была мороком, или разыгравшимся воображением на фоне зловещей темноты под впечатлением происходящих вокруг событий.

Но, отец Севастьян моментально развеял миф о том, что на самом деле «их» не существует:

— Господи, Иисусе! Это же сам Асмодей!

Таир понятия не имел, о ком говорит священник, но память вдруг озарила сознание пару зловещими именами, которые до недавнего времени только значились в церковных обрядах.

— И я рад тебя видеть, Малх! — демон назвал Севастьяна настоящим именем.

— Кто это? — старый приятель Парамонова направил ствол автомата в сторону незнакомца.

За ним последовали и его люди.

Три черных зрачка уставились на явившуюся сущность, готовя выплеснуть беспощадную порцию смерти.

— Оружие здесь не поможет. — Просто сказал Макс, не отрывая взгляда от едва видимой сущности. — Это Ангел-истребитель! Он не принадлежит нашему миру, и его демоническую душу просто так нам не уничтожить. Нужна Великая Сила, сравни Силе Небесного Воина. Но, Николай еще слишком слаб! Только-только оперившийся юнец под личиной Желтого офицера, не сможет совладать с Асмодеем. А потому, нам нужен кто-то извне. Молись, отец Севастьян! Молись так, как никогда в жизни! Авось кто-то из Высшей Касты нас услышит! А мы пока постараемся сдержать его...

— Он прибыл за мной! — во весь голос сказал Парамонов. — Так что забирай своих людей, Таир, и беги, не оглядываясь! Это не твоя схватка!

— Смеешься надо мной, Никель! — взревел старый приятель. — Сначала я убью его, а потом врежу тебе по твоей наглой морде за то, что ты назвал меня трусом! Никогда в жизни, Таир не бежал от смерти, и не побежит сейчас!

И в следующий момент сущность медленно двинулась в их сторону. Сначала ее движения были едва заметными, скрытыми от глаз наблюдателей, но когда Асмодей вошел в зону света, раскинувшегося от большущего костра, все воочию увидели человеческие очертания.

Две руки, две ноги, голова, и что-то до боли знакомое мелькало у него за спиной. Вполне себе обычное земное создание, ничем не отличающееся от людей с автоматами в руках. Ничего тебе сверхъестественного или потустороннего!

Ах, как же они глубоко заблуждались!

— Говоришь, оружие не поможет? — съязвил Таир. — Сейчас мы это проверим!

Короткая очередь прозвучала, нарушив тишину леса.

Парамонов увидел, как силуэт демона рванулся влево, снова прячась в непроглядной тьме. Пули ушли точно в то место, где стоял незнакомец, но с одним большим разочарованием. Ангел, продемонстрировав отменную реакцию, ушел от расправы.

Стволы «калашниковых» мигом направили свой взор в вероятное место перемещение противника, и люди Таира нажали на спусковые крючки.

Снова беспощадный огонь ринулся в темную часть лесополосы, и снова напрасная трата патронов.

— Не стрелять! — закричал Таир. — Пусть выйдет на свет!

Грохот автоматов затих.

— Он не так глуп, чтобы явиться во всей красе под прицелы орудий! — объяснил Макс.

— Тогда не стойте, будто три тополя на Плющихе, а помогите нам чем-нибудь!

— Поверь, этим мы сейчас и занимаемся!

Отец Севастьян в прямом смысле слова упал на колени и сцепил пальцы в замок:

— Господь Всемогущий, Боже Великий, Царю Небесный, услышь прошение душевно раба Божьего твоего, ныне стоящего на коленях. Пошли мне на помощь Своего воина сильного...

Раздался треск сухих веток и, будто голос леса, заговорил:

— Проси, проси, грешник неприкаянный, нанесший прямое оскорбление Богу своему! Он никогда тебя не услышит! Для него ты мертв, точно так, как и вся твоя грешная Земля!

Последняя фраза прозвучала настолько громко, что впору было зажать уши руками. Лес словно затрепетал от Силы голоса, задрожал перед существом потустороннего мира, и еще больше укутал пространство вокруг себя в бесконечную тьму. Только яркий костер, все еще не хотевший догорать, был ясным лучиком в темном царстве.

Снова прогремела короткая очередь автомата.

В наступающей темноте человек Таира узрел что-то знакомое и устрашающее, но когда осознал, что там никого нет, убрал палец с пускового крючка.

А отец Севастьян продолжал:

— Обращусь я к нему с просьбой искренней, запретить врагам приближаться ко мне. Сокруши всех до единого, и пусть не устоят они перед гневом Твоим!

Казалось, все попытки привлечь на свою сторону одного из воинов Бога терпят поражение. Единственный защитник и истребитель демонов — стоит сейчас на этой земле в компании вооруженных людей и зовет себя Небесным Воином, — последствием запрещенного ритуала под номером 423! А потому, надеяться на кого-то еще — в данной ситуации было непозволительно!

Да еще Таир неумышленно «подлил масла в огонь»!

Старый приятель повернулся к Максиму, и с сожалением спросил:

— Я так понимаю, что священник, который просит сейчас о помощи Господа, когда в свое время, нанес ему оскорбление?

— К сожалению, это так!

— Ну, что ж! Тогда смею предположить, мать вашу, что нам всем хана!

И коротко стриженный блондин быстро повернулся на хруст свалившейся ветки.

Снова последовала очередь!

И снова безрезультатно!

Безумная пальба в центре леса, беспомощное ожидание смерти, и бесполезная мольба Господу, пусть от бессмертного, но все же грешника, не приносила результатов.

— О, Великий Ангел, первый Князь и воевода всех Небесных сил, Херувимов и Серафимов. Стань нашим заступником, и не покинь нас в трудный час. Молю тебя, услышь раба Божьего, и не откажи мне в моей просьбе! Аминь!

Ничего не произошло!

Никаких тебе громких раскатов молний, сияний и устрашающих шестикрылых Ангелов.

Ничего!

Только тьма вокруг леса стала заметно мрачнее.

Холодок воздуха, словно сильнее надавил, отрезвляя сознание. С ужасом кружили вокруг Таир и двое его бойцов с автоматами в руках, каждый раз стараясь предугадать очередное место появления Ангела-истребителя! Асмодей, будто играл со своей жертвой, все глубже и глубже затягивая ее в раскинувшиеся сети, и оттого было страшнее и ужаснее представить тот момент, когда все это, наконец, закончится.

Парамонов не сразу осознал, что мир вокруг на время застыл.

Очертания леса, непроглядной тьмы и большущего костра от останков лесного домика, преобразились в новом свете. Появились едва видимые кровавые краски, и оранжевое пламя замерло, словно под воздействием стоп-кадра.

Но не эти погодные явления привлекли внимание Николая.

Очертания людей, окружающих его ценную персону, внезапно явились для него по-новому.

Таир и двое его бойцов, выглядели по-особенному. Они все также держали автоматы в руках, и в этом не было ничего необычного, но, Парамонов, словно бы видел их насквозь.

Идеальный скелет, натруженные мышцы и сухожилия — все это напоминало ему атрибут человека в кабинете биологии. Суставы ног, рук, идеального строения череп видел сейчас Небесный Воин в обычных смертных, но своих друзей: Макса и отца Севастьяна он не сразу опознал.

На человеке, который давеча спас его от лап банды Лихача, уже не было кожаной куртки. Хозяин лесного домика был облачен в легкие доспехи, приправленные ярко красной тканью древних времен. Наручи, поножи и сандалии украшали его ноги и предплечья, а в обеих руках Макс держал по короткому мечу.

Черная густая борода испарилась, являя Николаю чисто выбритое лицо молодого воина Римской империи, и стрижка по чьему-то велению, стала гораздо короче.

Но, не он один подвергся такой метаморфозе.

Отец Севастьян тоже выглядел теперь по-другому.

Он все также стоял на коленях, прося Господа о помощи, но одет был теперь в длинную рясу с красной накидкой, и не было у него одного уха.

Мир, словно предстал перед Небесным Воином в истинных красках, а своих друзей Николай видел сейчас в настоящих своих обличьях.

Раб первосвященника и Римский легионер!

Малх и Квинтилл!

Собственной персоной!

Но, почему, именно сейчас! Вопрос, который в одно мгновение воспарил над лесом, и тут же рассеялся в воздухе, когда Парамонов ощутил настоящую угрозу. Он еще не ведал, каким жутким образом и с яркой ненавистью атаковал Асмодей, но отчетливо понимал, что с хладнокровным ужасом и Великой демонической силой в мир проник первоисточник самого бытия, явив планете все в своем истинном мироздании и подлинности.

И вот справа мелькнул знакомый силуэт, о котором не так давно ведал граф Фургас! И оружие его было беспощадно!

Островок мира в этом лесу так и остался в новой реальности, но лишь стоп-кадр кто-то снял с паузы, нажав треугольник под названием «Play».

Лесополоса так и осталась в темно-красных красках, по крайней мере, тот ее участок, который являл собою сейчас центр вселенной. Далеко слева мелькнул огненный росчерк. Да так быстро, что даже Небесный воин едва уловил его молниеносное движение!

Силуэт Асмодея только на миг вышел из тени, но Парамонову удалось выхватить из сумрака его очертания.

Ангел был одет в темно-красные одежды, практически полностью скрывающие его тело и лицо. Словно карающий призрак явился в этот мир, чтобы наказать человека, отказавшегося от Тьмы и принявшего Свет во всех его достоинствах и недостатках. Оружием Асмодея был огненный лук, разящий смертоносными стрелами, объатыми беспощадным пламенем, и вот одно из таких творений рванулось к его друзьям, подталкиваемое натянутой тетивой.

Стрела оставила огненный росчерк, похожий на трассер, и прошла сквозь тело одного из бойцов Таира. Одежда громилы одновременно вспыхнула и спереди и сзади, а в его руках застрочил «калашников», будто бы в последний момент, он увидел мелькнувшую тень Ангела-истребителя.

Асмодей снова нырнул в сумрак, уходя от пуль огнестрельного оружия.

— Какого хрена ты стоишь, Шмель?! Потуши пламя! — старый приятель Николая обратился к другому своему бойцу.

Шмель сорвал с себя ветровку и бросился к напарнику.

Несколько ударов хватило ему, чтобы сбить пламя. Громила упал на землю и неожиданно для всех закатил глаза. Одежда бойца практически не обгорела, только-только взялась пламенем, которое удалось подавить в зародыше, но вопреки этому громила не дышал.

Шмель не понимал, что же произошло мгновение назад? Огонь не добрался до важных органов, и вроде бы его напарник не особо пострадал, но при тщательном осмотре обнаружилось сквозное отверстие в области груди.

— Господи, Иисусе! — раздалось на фоне темного леса. — Он отбросил копыта!

На голос повернулся Таир, осознавая неизбежную правду, и в следующее мгновение мелькнула вторая стрела.

Яркая стрела разрезала темноту леса, снова оставляя огненный след. Задрожал сам воздух вокруг защищавшихся, напряжение достигло апогея, и все увидели, как стрела прошла сквозь затылок второго бойца.

Огонь вспыхнул еще яростнее, овладевая сразу всем телом, и Шмель не издав ни звука, рухнул на землю.

Таир инстинктивно повернулся в сторону предполагаемого противника и нажал на

спусковой крючок. Длинная автоматная очередь сносила ветви деревьев ровно до того момента, когда в магазине не осталось ни одного патрона.

— Что происходит, вашу мать?! — страх на лице коротко стриженного блондина проступил так явно, что впору было поверить ему в присутствие чего-то потустороннего.

— Это то, о чем я говорил! — ответил Парамонов. — Смерть приходит из другого мира! Того мира, в который ты наотрез отказываешься верить! Я обещал тебе показать это?! Так гляди же, Таир! Гляди в оба глаза! Может, хоть так ты, наконец, прозреешь!

— Смотрите! — закричал отец Севастьян, тыча пальцем в небо.

Высоко над ними взметнулись огненные сполохи, словно демон утратил интерес к их персонам, и решил поиграть в неизвестную игру. Будто его больше не забавляла быстрая погибель смертных, и потому, в бой ринулось что-то совсем другое.

Незнакомое и беспощадное!

Росчерки высоко взмыли в небо и быстро ринулись вниз, приземляясь в темном участке леса. Их было четыре штуки, ровно по числу оставшихся у догорающего домика людей.

— Это что еще за хрень?! — спросил Таир.

— Нулы... — как-то уж обеспокоенно ответил Макс.

— Господи, спаси наши души! Их нам еще не хватало! — поддержал отец Севастьян.

— Кто такие нулы? — попросил объяснения старый приятель Никеля.

— Души смертных, замученных в Аду! — ответил Макс. — Асмодей лично подбирает их и начинает ими свои стрелы. После соприкосновения с нашей реальностью, они превращаются в настоящих убийц. Не тех, кто порчей и заговорами проникают в саму душу смертного и медленно его уничтожают. Нулы гораздо опаснее, потому что убивают естественным путем. Жестоко и кровожадно! Они конечно сильны, опасны и непредсказуемы, но они имеют один громадный недостаток...

— И какой же? — вмешался в разговор Парамонов.

— Против них не нужно читать долгие молитвы и заговоры. Они не помогут! Проникая в наш мир, нулы обрастают человеческой плотью, которую можно поразить простым оружием, тем, который держит в своих руках обычный человек!

— Так чего же мы ждем? — спохватился Николай. — Им понадобится время, чтобы преобразиться в нашем мире. Нам просто нужно успеть вооружиться. Подберем оружие павших парней!

— Стойте! — голос Таира грозно прозвучал над лесополосой.

— Послушай, приятель! — обратился к нему Макс. — Нам сейчас совсем не до того, чтобы собачиться друг с другом...

— Я не об этом! — перебил его Таир. — Мы видели в небе четыре росчерка! Верно?

— Верно!

— А как насчет тех двух стрел, которые шлепнули моих людей?

Повисла пауза, но была она не долгой.

Из темноты вынырнула незнакомая фигура и бросилась на старого приятеля Никеля.

Короткое лезвие блеснуло в ее руках, и Таир вовремя упал на землю, уходя от атаки. Быстрый взмах рассек воздух, зловещим свистом отзываясь в ушах, и кончик клинка прочертил тонкую полоску на щеке.

Блондин неудачно приземлился на спину, ощутив боль в пояснице. Из оружия у него был только автомат, снаряженный пустым магазином. Нул воспользовался беспомощностью противника, повис над ним и рубанул мечом сверху вниз, вновь атакуя жертву.

Таир ловко подставил «калашников» под удар, останавливая клинок. Вибрация была такая, что, казалось, затрещали суставы запястий. Неимоверной силой обладали гости из потустороннего мира, и это делало их поистине опасным противником.

Что бы произошло в следующий момент, Таир боялся себе даже представить. Хорошо, что вовремя подскочивший Макс, быстро отвел угрозу. Ему, конечно, не удалось сразить нула, но оставить в живых приятеля Николая — была сейчас главная задача.

Клинок рассек воздух, но противник быстро среагировал.

Очень быстро, по мнению самого Таира!

Нул рванулся в сторону, и скрылся в темноте леса.

— Где второй?! — закричал во всю мощь легких коротко стриженный блондин.

Никто ему не ответил.

Друзья лишь увидели, как Парамонов достиг мертвого тела громилы, и вырвал из его рук автомат. Он не представлял, что будет делать, если вдруг в магазине не останется ни одного патрона. Какая жалкая судьба постигнет Небесного Воина, и какая скверная доля будет уготована ему в случае немедленной смерти?

Но, времени обмозговать ситуацию не оставалось!

Второй нул появился, будто из ниоткуда, и его высокий прыжок достоин был восхищения. Противник атаковал с воздуха, и это непременно сыграло с ним плохую шутку, беря в расчет то, что в полете нельзя изменить направление и уклониться от атаки.

«Калашников» произвел короткую очередь и затих, видимо, в истощенном магазине оставалось всего несколько патронов. И этого, безусловно, хватило, чтобы остановить гостя из другого мира.

Пули точно попали в цель, и красные брызги разлетелись в стороны. Нул рухнул на землю, и в одно мгновение исчез, превращаясь в пепел, взметнувшийся над лесом.

Его душа отправилась обратно в Ад.

— Их осталось пятеро! — закричал отец Севастьян. — выдайте мне оружие, и я помогу вам!

— Нет! — завопил Макс. — Ты будешь молить о помощи, раб! Приложишь все усилия, такие, которые никогда в жизни не прилагал! Делай, что хочешь! Предлагай взамен наши грешные души, души всех смертных на этой земле, но Небесный Воин должен остаться жить! Ему непременно нужно выбраться из этого леса! Скорее всего, Талгарат не станет нас слушать. Но, Небесному Воину может уделить время. Хотя бы ради любопытства. Молись, раб, своей самой мощной молитвой, которую только знаешь! А мы приложим все усилия, чтобы отбить атаку!

Оружие было бесполезно.

Рожки автоматов были пусты, лишь Таир перезарядил свой «калашников». Неутешительные сведения, если мерить их количеством патронов в магазине. Но, одно точно радовало — все они пока живы! Их было четверо против пяти нулов и Ангела-истребителя. И, в общем-то, нулы не особо их интересовали. Другой вопрос — как бороться с Асмодеем? Ведь помощь могла так и не появиться!

Костер наполовину умерил свой пыл. Лесной домик практически догорел, и свет от огня сузил пространство видимости. Темнота леса быстро приближалась, и не далек тот час, когда вокруг друзей наступит непроглядная тьма. И это будет уже настоящей проблемой!

— Вы все умрете! Все до единого! — грозно прозвучал голос на просторах загородного леса.

Друзья повернулись на его шум и воочию лицезрели, как из темноты появились пять силуэтов, только внешне похожие на обычных людей.

Нулы были готовы к последнему бою, и где-то в глубине леса за их спинами находился еще более опасный противник.

— Дай мне меч! — попросил Парамонов.

И Макс с удивлением посмотрел на друга.

— Да-да! Я уже давно вижу твою настоящую суть, Квинтилл! Я вижу твое истинное лицо! А потому, дай мне один из своих мечей, чтобы я мог сражаться.

— Нет, Николай! — без раздумья ответил Макс. — Не пристало Небесному Воину так нелепо погибать в первой же схватке с серьезным противником. И неважно, что ты победил Левиафана! Он всего лишь был судьей, не воином, как Асмодей или нул...

— А мне плевать на то, что ты говоришь! Я хочу сражаться с тобой бок о бок и точка!

— Ты не понимаешь, Коля! Сколько веков прошло с тех пор, пока Небесный Воин снова появился в этом мире? Никогда запрещенный ритуал не выдавал такого эффектного результата! Ты само творение Божье! И когда завяжется заварушка, я помогу тебе ускользнуть из этого мира в другую реальность. Таир поможет мне задержать нулов, в крайнем случае, — на помощь придет отец Севастьян. Но, Небесный Воин должен жить, и никак иначе! Забудь про герцога Талгарата! Забудь все то, что ты знал до этого самого момента. Это будет уже не твоей проблемой! Твоя основная задача — остаться в живых и найти наставника...

— Плевать я хотел на наставника! На Небесного Воина и на Талгарата!..

— Парамонов Николай Сергеевич! — громко и официально произнес Макс, чтобы привлечь внимание. — Отбросьте свой гнев в сторону и не мешайте мне защищать Небесного Воина!

— Да пошел ты к черту! — громыхнуло в ответ. — Меня зовут Никель! Слышишь?! Никель!!! Я — наемный убийца и такой же житель этого мира, как и ты! И я не оставлю своих друзей на растерзание Ангелу-истребителю! Отдай мне один из своих мечей, Квинтилл! Иначе, клянусь Богом, мне придется применить силу!

Собеседник увидел, как яростно блеснули глаза Парамонова. Как явные нотки бесстрашия мелькнули во взгляде Небесного Воина. И как результат запрещенного ритуала под номером 423, показал себя во всей красе, демонстрируя непобедимую силу.

Макс протянул ему клинок, и в этот момент шеренга нулов двинулась в их сторону.

Медленно, вальяжно, словно показывая свое презрение. Короткие мечи блестели на фоне догорающего костра, переливались желто-оранжевым светом, наводя ужас на противника. На просторах стало будто бы темнее и тревожнее, звуки леса потускнели, создали давящее напряжение, и оттого слова священника громче звучали в сумраке надвигающейся «нечисти».

— Сохрани, Господи, души наши смертные! Прости грехи наши необдуманные! Сбереги раба твоего Николая от бед нынешних и будущих! И защити от «нечисти» неутомной. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!

Неизвестно, что же повлияло на действия нулов. Трепет ошарашенного противника или чистая молитва отца Севастьяна, но шеренга плененных душ ринулась на друзей с такой скоростью, будто бы боялась, что заговор священника и впрямь возымеет добротный эффект.

Прогремел автомат Таира, заглушая слова отца Севастьяна.

Шеренга нулов была настолько плотной, что спасаясь от неминуемой гибели, они лишь

помешали друг другу уклониться от смертельного огня. Никель увидел, как две сущности неестественно дернули головой и рассыпались в прах, уносясь чернеющим пеплом в небеса.

Магазин «калашникова» опустел. И в следующий момент нулы атаковали противника.

Трое против троих!

Честная схватка, если мерить ее количеством!

Зазвенела сталь в лесном воздухе, затрепетали деревья, принимая на свои просторы войну двух миров; и застонали натруженные плечи, отбивая смертельные удары «нечисти».

Первые два нула мгновенно полегли под клинками Макса и Николая. Таиру пришлось помочь. Несмотря на боевые навыки старого приятеля, его армейский нож едва справлялся со своим противником. Но, действительно нужно было отдать должное блондину! В обиду он себя не давал! Там, где не доставало короткое лезвие, в ход шли кулаки и армейские ботинки. И можно сказать — не безуспешно. Последняя, плененная душа Асмодеем, вспорхнула к небесам, оставляя своего хозяина в одиночестве.

Бой закончился быстро, толком не успев и начаться.

Но это было только начало!

Из темноты показались еще противники. В этот раз их было душ семь или восемь. Они атаковали внезапно и со спины.

Парамонов узрел, что некоторые из нулов не имели даже мечей. Видимо, Ангел отправлял в бой еще не до конца сформировавшихся воинов. Его бойцы должны были обрести плоть в этом мире и призвать оружие, прежде чем вступить в схватку с другой реальностью. Но, для этого требовалось время, а Асмодей почему-то не давал его своим воинам.

Нулы были слабее и не так быстры, как в предыдущий раз.

«Нечисть» валилась на землю, словно скошенная трава. Меч в руках Никеля сразил одного из них, уклонился от беспомощных рук другого и вонзился в плоть третьего, заставляя превращаться поверженных бойцов в серую пыль.

Справа и слева, словно однотонные конфетти, вспыхивали поверженные души до той поры, пока последний нул не покинул эту грешную землю.

И снова атака из-за спины!

Ангелу-истребителю будто бы нравилось это показательное выступление. Все чаще и чаще яркие росчерки пронзали небо над почерневшим лесом, опускались где-то в глубине темноты и являлись этому миру мерзкими и озлобленными созданиями.

В этот раз их было душ пятнадцать!

Они вынырнули из лесополосы, рассыпаясь по пространству вокруг угасающего костра, и окружив противника со всех сторон, бросились в атаку.

Парамонов развернулся, рассекая воздух лезвием меча.

Поверженный нул разлетелся на маленькие пылинки черного цвета, и тут же последовала атака из-за спины. Два представителя потустороннего мира сковали его руки, а третий набросился спереди.

Никель увидел, что этот нул не успел даже полностью сформироваться, не говоря о том, чтобы обрести оружие. Половина лица, всего лишь одна рука и полупрозрачное тело являли собой страшное зрелище. Парамонов вдруг подумал, что после своей смерти, может вот так же, как и эти заблудшие души, стать невольным пленником Асмодея в следующей битве.

Противник приблизился на расстояние удара, и Николай с огромным удовольствием ткнул его ногой в грудь.

Несформированное тело упало на спину, а рука и голова невольно отделились от него. Снова брызнули серые конфетти, и очередная душа покинула этот мир.

Парамонов попытался вырваться от нависших сзади противников, и в этот момент, подоспевший нул, ударил его чем-то твердым по лицу. Сознание закружилось, все еще находясь в реальности, но от удара Никель невольно сбросил одного из атакующих со спины, и рука с мечом освободилась.

Инерция толкнула Небесного Воина влево, и спереди вновь появился противник.

С сумасшедшей злостью он вонзил меч в грудь соперника, и, понимая, что следующий удар сзади потушит его сознание навсегда, отпустил рукоять меча и бросился на землю, перекатившись в сторону.

Его руки были пусты, сознание с трудом держалось в реальности, и он вполне осознанно ощутил, как кровь заливает левую щеку.

Нужно было срочно понимать, пока нулы всем скопом не набросились на беспомощное тело, и не разорвали его на мелкие кусочки.

Никель уперся руками в землю и обнаружил под правой ладонью холодный металл. Рука инстинктивно схватила предмет и направила его в сторону атакующих.

«Макаров» с глушителем!

Тот самый, из которого человек Таира впервые расстреливал входную дверь лесного домика, пока его жители не представляли, кто же посетил их в это темное утро.

По весу, в магазине должны были еще оставаться патроны.

Но, как много?

Сейчас мы это узнаем!

Нулы нависли над ним, словно стервятники, и в следующий момент Небесный Воин трижды нажал на спусковой крючок.

Послышались сухие щелчки, пистолет дернулся в руках Парамонова, и трое мерзких созданий конвульсивно взмахнули головами, а мгновением позже рассыпались мелкими частицами пепла.

Никель перекатился вправо, уходя от атаки очередного противника и, вскочив на ноги, снова выстрелил.

Огонь поразил потустороннюю недоделанную сущность.

Незаконченный череп обнажал часть мозга, так похожего на человеческий, куда «макаров» и вогнал пулю.

Последний, оставшийся в живых нул, подобрался с противоположной стороны. Его движения были намного медленнее, чем его товарищей, потому что одна нога была короче другой.

Тем не менее, искалеченное этим миром тело продвигалось вперед, не оставляя последние попытки наказать Небесного Воина за смерть «сородичей». Своей уродливой рукой, больше похожей на обнаженную кость без мяса, «оно» сжимало деревянную ветвь, сорванную, видимо, с близлежащего дерева.

Парамонов прицелился, и в который раз нажал на спусковой крючок.

Беспольный сухой щелчок тут же информировал о том, что патронов не осталось.

Нул спокойно приблизился и взмахнул короткой палкой.

Никель ушел в сторону, уклоняясь от атаки, и вмиг оказался за спиной противника. Оружие, ставшее теперь бесполезным, вновь сыграло на его стороне. Николай вложил в удар всю свою злость, и ткнул глушителем пистолета в затылок беспомощному сопернику.

Мягкая плоть поддалась, и Парамонов почувствовал, как глушитель проникает в голову нула. Мерзкий звук разорвал тишину леса, заставив неприятно содрогнуться, и последняя не упокоенная душа отправилась в Ад.

— Неплохая работа! — голос, словно возник из самого леса, раскатом возвышаясь над кронами деревьев.

Друзья молниеносно среагировали, и повернулись в сторону внезапно появившегося голоса. Парамонов с облегчением осознал, что Макс, отец Севастьян и Таир твердо стояли на ногах, не доставив удовольствия Ангелу-истребителю насладиться смертью одного из них.

Асмодей оказался настолько близко, что теперь Никель мог отчетливо его разглядеть.

Высокий рост выдавал в демоне Великую силу, не подвластную ни одному смертному или бессмертному божеству, если такое хранилось в этом мире. Красное одеяние, во что был облачен Ангел, не производило никакого великолепия или элегантности. Обычный балахон, скрывающий тело и почти всю часть лица, сидел на этом существе, словно лохмотья местного бомжа. Впалые глазницы черного цвета, неестественные пальцы рук, будто обтянутые кожей без малейшего присутствия мяса на них, выдавали демона из другого мира.

От него веяло устрашающей силой, или даже скорее, мощью! При виде такого существа можно в один миг потерять дар речи, или того хуже, лишиться разума. Молодой и еще не опытный Парамонов Николай Сергеевич, несколькими днями ранее, вполне позволил бы себе это сделать. Но теперь, Небесный Воин, восставший творить добро на всей Земле, стойко переносил атаку темного колдовства.

Асмодей был действительно силен, грозен и ужасен! Но не это волновало сейчас Никеля. Его терзал один единственный вопрос: что сейчас произойдет?

Демон появился за спиной Таира так внезапно, что в первое мгновение все замерли на месте. Старый приятель Николая обернулся было на звук голоса, да так и застыл, словно увидел перед собой «старуху с косой».

Их взгляды соприкоснулись.

Таир стоял, не смея пошевелиться, будто окаменел. До встречи с демоном, у него в руке был нож, и Парамонов грешным делом подумал, что тот использует короткий клинок по назначению. Но, вместо этого, коротко стриженный блондин бросил оружие на землю и сильно прижал ладони к ушам.

— Не надо! Не делай этого! — закричал Таир.

Трудно сказать, что происходило у него в сознании. Какую гадость приготовил для него Ангел, и как далеко он зайдет, чтобы остановить обычного смертного.

— Не смотри ему в глаза! — прокричал Николай.

Но Таир его не слышал.

Он истошнее завопил, словно его резали на кусочки. Беспомощный голос разрывал тишину леса, и, казалось, стволы деревьев затрещали, собираясь упасть под гнетом невыносимого шума.

Макс быстро прочитал мысли Парамонова, и вместе они рванули к Ангелу-истребителю. В отблесках затухающего костра мелькнули лезвия мечей, зловещая ухмылка появилась на лицах Небесного Воина и Римского легионера, и неистовая злость поддержала атаку.

Асмодей даже не сделал шага назад!

Он просто протянул обе руки ладонями вперед, и нападавшие остановились, словно

упершись в стену.

Никогда в своей жизни Никель не испытывал чего-то поистине подобного. Даже когда пребывал под действием сильного наркотика, что колол ему один из амбалов Лихача, он все еще мог двигаться, дышать и поворачивать голову.

Но, теперь же Парамонов просто замер, не смея пошевелиться. Дыхание сперло, словно легкие отказывались ему подчиняться, и сознание помутнело, как будто бы ему в мозг проник едкий дым.

Демон был поистине силен! Таких особей в потустороннем мире было немного, и никто, даже Святая церковь, не представляла, как же с ними бороться.

«Оружие здесь не поможет!» — слова Макса всплыли на поверхность памяти и явились в мир.

«Отче наш! Иже еси на небесех!» — Асмодей взглянул как-то не по-доброму. Его пустые глазницы ответили черным пламенем, и Николай заметил, как рука, удерживающая его в скованном состоянии, задрожала.

«Да святится Имя Твое! Да придет Царствие Твое! Да будет Воля Твоя!» — Ангел разгневался. Может, потому что молитву произносил не обычный смертный, а Небесный Воин?

Руки Асмодея задрожали сильнее. На мгновение Парамонов поверил, что если полностью сконцентрироваться, то можно пошевелить рукой, в которой покоился меч. Не зря говорил Макс, что оружие в ладонях Желтого офицера — карает демона не хуже молитвы.

С Левиафаном такой трюк получился! Почему бы не попробовать и сейчас.

«Яко на Небеси и на Земли!» — закончил Николай.

Демон не стал дожидаться, когда слова приобретут смысл и Великую Силу. Он просто швырнул Макса и Никеля под ноги отцу Севастьяну, не смея больше терпеть такое унижение.

— Молитвы вам не помогут! Потому что я всегда могу сделать так!

Друзья оправились от падения и четко увидели, как Таир повернулся к ним лицом, все еще закрывая уши ладонями. Его взгляд был ужасающим, нереальным и таким необдуманым, что создавалось впечатление, что он и вовсе не понимал, что же на самом деле происходит.

Но, вместо него отчетливо понимал Ангел.

Асмодей вынул откуда-то кривой клинок и вонзил в спину смертному, пробивая его тело насквозь.

Оглушительный рев раздался на просторах леса. Застонали верхушки деревьев, засуетилось измученное небо, которое заволокло темными тучами; и вдруг в сознании мелькнула паршивая мысль: против такого противника не помогут никакие молитвы, заговоры или предания. Демон не станет играть с их грешными душами, а просто-напросто уничтожит на месте.

Тело Таира покинуло мир живых, и Асмодей отбросил его далеко в сторону.

— А теперь вы все же умрете! — снова этот ужасный голос воспарил над землей.

Ангел-истребитель сделал шаг навстречу, и в этот момент стало по-настоящему страшно. Страшно не за себя, друга или товарища! Стало страшно за весь грешный мир.

Какая участь ждет его, если вот так хладнокровно демон, появившийся с другой стороны, может беспрепятственно карать обычного смертного. Ему не нужна душа, хотя все

прекрасно понимают, что после смерти она попадет только в заранее уготованное место. Ему не нужно поклонение или покаяние! Ему лишь нужно время, чтобы поработить весь гребаный мир!

Никакие молитвы не помогут!

Никакие заговоры не спасут!

И никакая вера в Господа не остановит такой силы демона!

Ангел остановился, видимо размышляя, кто же первым удостоится той участи, которая постигла Таира. Он просто взглянул в небеса и внезапно оторвался от земли, ловко отскакивая назад.

Впервые за все время его существования на земле, друзья увидели распахнутые крылья, взмахнув которыми, он быстро переместился на три шага назад.

И тут же в то самое место, где мгновением ранее находился Асмодей, в землю вонзилось копьё, источая белесый свет. Небеса, словно разорвала яркая молния. До того беспощадная и давящая тьма растворилась, обнажив над лесом яркое солнце.

Солнечные лучи так неожиданно ударили по глазам, что друзья невольно зажмурились. А немногим позже, последовал раскат грома, оглушая окрестности, и светящееся существо скользнуло в этот мир, быстро спустившись с небес на землю.

Две руки, две ноги, голова и курчавая светлая шевелюра! Оно только выглядело, как человек, но на самом деле...

— Архангел Михаил! Заступник смертных на этой Земле! — промолвил отец Севастьян. — Он все же услышал мои молитвы.

В левой руке его был круглый щит, с выгравированным на нем львом, блестящие доспехи, будто бы золотого цвета, облачали его стан, и едва видимый нимб красиво парил над головой.

Михаил не спеша подошел к копьё и с легкостью вынул его из чрева земли.

— Асмодей! — голос не менее грозно воспарил над кронами лесных деревьев. — Ты ведь знаешь, что вход в этот мир для тебя закрыт!

Ангел-истребитель показательно усмехнулся:

— Как видишь, я подобрал ключи! А потому, советую мне не мешать! Иначе следующим трофеем будет твоя голова!

— Ты лучше беспокойся о своей голове! И, если действительно хочешь ее сохранить, отправляйся обратно в Ад!

— Ну, уж нет! — воспротивился Ангел. — Без тебя я отсюда не уйду!

Михаил грозно поглядел на трех друзей и сказал:

— У вас ведь есть незаконченные дела? Верно? — и не дожидаясь ответа, произнес. — Тогда спешите закончить то, за что взялись! А этот прохиндей станет уже моей проблемой!

И после сказанных слов, Архангел Михаил атаковал.

Они кружили над верхушками деревьев, и зрелище это завораживало.

Два ангела разного сословия и веры бились не на жизнь, а на смерть. Громким раскатом сопровождалось прикосновения клинков, высекая друг из друга яркие искры. Огромные крылья обоих соперников парили над землей, взмахами сбивая подвернувшуюся листву деревьев. И смотреть на это действие можно было бесконечно.

— Уходим! — голос Макса вернул в реальность Николая и Севастьяна. — Архангел Михаил дает нам шанс исполнить задуманное, и мы просто обязаны использовать это время в свою угоду!

«БМВ» Таира стоял на том же самом месте. Ключ, как обычно находился в зажигании, и Никель вдруг вспомнил старого друга, который никогда не изменял принципам. Автомобиль выскочил на шоссе, и помчался напрямик в город. А в загородном лесу все еще продолжался бой.

Глава 13. Герцог Талгарат

Церковь Святого Иоанна.

Единственное в городе пристанище Господа, знаменующее собой приход множества грешных и не только душ. Высокое здание с золотыми куполами и отвесными стенами, построенное в восемнадцатом веке, и являющееся гордым оплотом последователей Иисуса Христа.

Лучшего места для проведения тайного обряда и вызова в этот погибающий мир демона не найти. Удобное расположение, максимально выгодные условия и идеальная атмосфера пророчили, во что бы то ни стало, вернуться к выполнению своей непосредственной задачи.

Друзья прибыли в это место ближе к вечеру, когда здание уже не выполняло свои непосредственные обязанности по принятию в свою обитель местных прихожан. Заштопали раны, оправились от недавних событий, но самое главное — отдохнули от тяжелого изнурительного дня.

Весь следующий день — 5 июня 2021 года они провели в тайных подвалах церкви вдали от любопытных глаз.

Архангел Михаил прикрывал их отход из загородного леса, а дальше — дело за ними! Герцог Талгарат должен вырваться на свободу под пристальным вниманием древних икон, и поведать то, что доселе ни одному смертному не было известно. Многие последователи настоящей церкви и тайного знания Господа отдали бы за это мероприятие не одну сотню жизней, но познать секреты, хранившиеся в закромах этого мира, и так рьяно скрываемые «нечистью», доведется лишь горстке людей.

— Его здесь нет! — еще раз пролистав здоровенную книгу, сказал отец Георгий. — Я понимаю, все вы хотели увидеть Талгарата в древних писаниях, но уверяю вас — его здесь нет! И ты знаешь это не хуже меня, Севастьян!

Священник пристально поглядел на своего товарища.

— Я знаю, что демонов — семьдесят два! Никогда в книге не было упоминания о герцоге Талгарате, но почему все помнят его историю? Почему все знают о нем, но никто никогда его не видел?

— Потому, что его не существует! Это все байки, Сева! Обычные байки молодых приспешников городской церкви. Посуди сам — никто не видел герцога Талгарата воочию! Никто не оставил упоминания о нем в той или иной интерпретации! И лишь легенды о неминуемом его существовании разносятся по миру, словно зараза. Я могу поверить, что вы бессмертные, приносящие в этот мир добро и процветание. Я могу поверить, что вы каким-то образом узнали, что «нечисть» замышляет одно из своих коварств в этом городе, что она и делала все эти годы неустанно! Я даже готов поверить в то, что Николай вскоре станет Небесным Воином! Хотя, конечно, верится, на самом деле, с трудом. Но, я никогда не поверю, что Соломон не мог оставить хотя бы малейшей зацепки в своем трактате о семьдесят третьем демоне!

— А может, в тот момент его не существовало? Может, демон появился многим позже, нежели «Лемегетон»?

Отец Георгий строго посмотрел на отца Севастьяна, и во взгляде его читалось полное удивление.

— Сева! У меня в руках великолепная копия ключа Соломона! Когда-то давно, в

развалинах Иерусалима тамплиеры обнаружили этот ценнейший предмет и унесли с собой. Восемь веков он бродил по окрестностям Европы, пока царь Соломон не доработал трактат. Каждый из демонов приобрел отдельные очертания, был вызван из Ада и предстал перед смелым царем в естественном своем облике. Соломон подчинил себе семьдесят два демона, зная их сущность, порывы и желания. С помощью важнейших и верных заклинаний, которые мы сейчас зовем молитвами, он заключил их в этой книге. И многие из них ведали, что герцог Талгарат существует, но никто не сказал, как его увидеть. Никто из исчадий Ада не посмел указать верный путь к его Святейшеству. А знаешь почему? Потому что его вовсе не существует! Демоны хотят убедить нас в том, чего на самом деле не существует, и ловко играют сознанием и желаниями обычных смертных! И ведь не без успеха! Мы с тобой верим с эти рассказы, и что с того? Никто никогда его не видел, и не увидит! Поверь моему огромному опыту.

Отец Севастьян принял копию трактата из рук священника и протянул Парамонову:

— Взгляни, Николай! Может, в этот раз что-то тебе приглянется.

— Я уже три раза пролистал эту книгу! Имена некоторых демонов я выучил наизусть! Но, я не в силах вам помочь, на этот раз!

— А ты пролистай еще, Коля! — обратился к нему Макс. — Ты единственный в этом мире, кому известно его Величие, жизнь и смерть, и многое нам недоступное! Граф Фургас поведал тебе смысл бытия! Так помоги нам, Николай! Ты наша единственная надежда!

Парамонов положил книгу на колени и принялся медленно листать.

Текст был начертан на латинском языке. Никель не понимал слов царя Соломона, но ему и не надо было знать латинское правописание. В церкви находился Макс и отец Севастьян, которые ведали древний язык и могли с легкостью предоставить истинный перевод. А вот чего они не ведали, так это семьдесят третьего демона, который прятался на страницах «Лемегетона».

Никель был уверен в том, что герцог Талгарат существует!

Его имя прозвучало из уст покойного графа Фургаса не просто так. Демон хотел привлечь внимание на что-то глубоко значимое, когда показывал истинную сущность здешнего мира. Николай ведал многое из его рассказа, но имя демона, который может сыграть с этим миром решающую роль — помнил безоговорочно!

Первый лист копии трактата он перевернул, не читая.

Коварные, холодные, ничего не значащие закорючки, не воодушевили Небесного Воина. Латынь была для него незнакома, и уделять внимание письмам Соломона не было смысла. Другое дело — пронумерованные имена демонов! Здесь таился по-настоящему скрытый секрет!

— Давайте вызовем кого-то подобного! — не сдержался Макс. — Маркиз Шакс, например, находит спрятанные вещи! Мы объясним ему, что нам нужно то, что глубоко скрыто от нашего ведения! Или Принц Васáго...

— Ни тот, ни другой нам не поможет! — остановил его Николай. — И ты прекрасно об этом знаешь! Нам нужен только Талгарат, и никто другой! Граф Фургас упомянул его имя!

Никель перелистнул очередную страницу.

Ничего не обычного! Имена демонов и их положение в обществе, а также звания. Граф, Маркиз, Герцог, Губернатор, Король! Достойные правители главенствующей верхушки «нечисти»! И как только Соломону удалось подчинить их своей воле? Как царь Израиля сумел овладеть семьюдесятью двумя демонами, поместить их в кувшин и управлять их

силой?

Вспомнилась древняя байка о Соломоне.

Когда-то царю приснился Бог и спросил: «Что пожелаешь, царь Израиля!». Соломон подумал и сказал: «Дай же рабу твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро, и что зло!».

Зло!

Мысль скользнула в памяти Никеля, словно поток свежего воздуха. Зло, которое все время остается безнаказанным!

Как остаться безнаказанным в нашем мире, и спрятаться от всех, да так, чтобы другие тебя не нашли!

И сразу всплыл напрашивающийся ответ: занять чье-то место!

Спрятаться под тенью другого человека, взять его имя, жизнь, судьбу, и довольствоваться тем, что тебя никогда не найдут.

Перед глазами возник Ад — коварное место, куда сопроводил его граф Фургас и графиня Марфа — в простонародье — родная бабка Николая. Кипящие котлы, горящие в этих котлах души смертных, и незабываемая озлобленность потусторонних существ с рогами и копытами.

«Мы поклоняемся тебе! Мы чтим твою память! И мы скорбим о твоей утрате во веки веков!» — вспомнил то ли слова, то ли надпись на стене самого Ада, Парамонов.

Мгновение позже, Агасфер передаст «Глок-17» в руки Никелю, и граф Фургас получит первую порцию свинца.

Смерть витает в воздухе, словно крылья стервятника, и в удобное мгновение норовит броситься на беспомощную жертву. И тут же в памяти Парамонова последовательно всплывают две цифры: 6 и 2!

Никель перевернул страницу и пробормотал:

— Номер шестьдесят два — Губернатор Вóлак!

Друзья уставились на Парамонова:

— Ты нас не удивил! Мы прекрасно знаем имя демона под номером шестьдесят два.

— Я не об этом! — сообщил Никель. — Губернатор Волак мертв!

— Откуда тебе известно!

— Неважно! Я знаю то, что знаю! И об этом я уже говорил! Губернатор Волак мертв, и это значит, что свято место пусто не бывает! Когда демон умирает, его позицию занимает кто-то другой. И я думаю, что герцог Талгарат прячется под его личиной!

Друзья замерли от неожиданной поступившей информации. Вполне понятно, что Николай обладает знаниями, недоступными обычному смертному, но верить в первое попавшееся предположение, как-то не очень серьезно.

— Ты уверен в этом? — спросил Макс.

— У нас нет другого выхода! Либо мы проверим мою версию, либо будем искать демона до неминуемого апокалипсиса. Выбор за вами!

Неоднозначная ситуация!

Можно сидеть, сложа руки, до окончания веков этого мира, а можно рискнуть и поверить в слова Небесного Воина.

Третьего не дано!

— Рискнем! — нарушил молчание Макс. — Бездействие не принесет нам желаемого результата, но версия Николая мне нравится. А потому, придется отталкиваться от нее!

Парамонов снова перевернул страницу книги и прочитал:

— Итак, Губернатор Волак! Может призываться в любое время суток, является в образе ребенка, восседающего на двуглавом драконе. Боже Всевышний! Ребенка нам еще не хватало!

— Не верь тому, что можешь увидеть! — пояснил отец Севастьян. — Мы прекрасно знаем, кто скрывается под личиной этого отпрыска!

— Чтобы обряд состоялся, необходимо изготовить пять предметов и печать демона. Магический круг, треугольник, гексаграмма, пентаграмма и диск Соломона. Господи, где мы возьмем все это?

— Ах, да! Предметы! — вдруг вспомнил отец Георгий. — Вы даже представить не можете, что я нашел в подвале церкви, когда появилась эта рукопись! Пойдем со мной, отец Севастьян. Поможешь принести мне тайный схрон.

Минут через двадцать появился древний сундук с начертанными на нем символами.

Латынь — не иначе!

Царь Соломон надежно запечатал свое имущество в замкнутом пространстве под охраной сильного заговора. Но, древний замок, когда-то сковавший две железные створки сундука, давно превратился в пыль по истечении коварного времени.

Отец Севастьян откинул крышку и взору друзей явился весь арсенал царя Израиля.

— Откуда у вас это? — удивился Николай.

— Не трать время на пустые разговоры, а лучше говори, что тебе надобно! — с гордостью спасителя пролепетал священник.

— Вы же не собираетесь прямо здесь воссоздать ритуал? — спросил отец Георгий.

— А где ж ты нам прикажешь провести сие действие?

— Да где угодно, но только не в обители Божьей!

— Это самое удобное место! — заявил Николай. — В Храме Господнем мы будем в безопасности. И даже если, не приведи Бог, мы упустим контроль над демоном, Губернатор Волак не вырвется на свободу, потому что не сможет покинуть место, окруженное святыней икон.

— Вы с ума сошли! — священник осенил себя крестом. — А что, если...

— Не думай об этом! — перебил Парамонов. — Мы все будем надеяться на лучшее! В противном случае — я смогу остановить демона раз и навсегда!

Слабенькая отговорка, особенно произнесенная устами того, кто совсем недавно поверил в существование Господа.

— Ну, так что за предметы тебе нужны? — повторил отец Севастьян.

Николай перелистнул книгу:

— Магический круг!

И священники вынули из сундука большой ковер.

Раскатав его в самом центре помещения, друзьям явилось ритуальное изображение правильной окружности, представляющей собой длинную змею, закрученную в спираль. На ее брюхе располагались еврейские символы:

— EhyehKether Metatron Chaioth! — прочитал отец Макс. — Эти имена принадлежат Божественным ангелам и Архангелам, распределенные по знаку зодиака!

Внутри змеи был возведен круг поменьше, с красным квадратом «Master» и четырьмя звездами Давида, треугольники которых были раскрашены в желтые, зеленые и синие цвета.

Отец Севастьян до конца размотал мягкую ткань, и, казалось, помещение церкви

поникло перед разноцветными цветами ритуального изображения.

— Господи, Всевышний! Какой же грех мы сейчас пытаемся совершить в этом Святом месте!

Никто и не спорил.

Все только заворуженно смотрели на яркие краски, которые не потускнели даже при прошествии стольких веков.

— Треугольник Соломона! — напомнил Парамонов, что действие надобно продолжить, если они хотят узнать правду об этом мире здесь и сейчас.

Священник вынул из недр сундука ковер поменьше. Размотав плотную ткань, Николай увидел правильно начерченный треугольник с темно зеленым кругом внутри. На внешних сторонах фигуры черным по белому были написаны три имени на латинском языке, а внутри треугольника с внешней стороны круга — «Michael».

— Поместите его здесь! — Николай указал место, и треугольник Соломона своим основанием повернулся к большому ковру. — Теперь гексаграмма и пентаграмма!

Но, вместо них, отец Севастьян выудил из сундука белоснежную рясу:

— Это что еще такое?

Никель подошел ближе и пригляделся:

— Первосортный лен! Как же он хорошо сохранился! Да к тому же пентаграмма и гексаграмма уже наклеена на одежду.

На груди рясы была пятиконечная звезда в круге, выполненная из чистого золота, а вот на подоле...

— О, Господь Вседержитель! Что это за материал? — отец Георгий прикоснулся к подолу одежды.

— Шкура теленка. — Поведал Николай.

И священник одернул руку, в который раз окрестив себя Святым Крестом.

— Я нашел диск Соломона! — воскликнул отец Севастьян.

Он протянул Парамонову круглый предмет ярко желтого цвета, с тремя именами, начертанными черной краской.

— Отлично! Его нужно держать перед глазами, чтобы уберечься от дыхания демона. Все предметы собраны, осталось лишь найти соответствующую печать духа. Она должна быть выполнена из Крови Дракона!

И не медля более ни секунды, Николай захлопнул книгу и двинулся к сундуку. В его недрах он быстро отыскал стеклянную емкость с начертанными символами, изогнутыми линиями и именем Губернатора Волака. Стеклянная печать демона содержала в своих недрах светло красную жидкость, которая всякий раз переливалась по мере переворачивания предмета.

Тонкая веревочка была продета в проушины стекла, и Никель тут же повесил печать на шею.

— Это действительно Кровь Дракона? — спросил отец Георгий.

На что Парамонов усмехнулся:

— В древности так называли ртуть! Я вижу, что печать Волака была неглубоко скрыта в недрах сундука, а потому имею неосторожность сделать вывод — кто-то знал о том, что Талгарат прячется под его личиной. Иначе, зачем кому-то понадобился поверженный демон?

— Полностью поддерживаю твои выводы! — сообщил Макс. — И это может означать

только одно — мы на верном пути!

Никель взял в руку диск Соломона и сказал:

— Вам следует покинуть помещение! Печать демона, пентаграмма, гексаграмма и диск будут защищать лишь одного из нас. Остальных здесь быть не должно.

— Мы укроемся за алтарем! Это самое безопасное место...

— Нет! — коротко и ясно отрезал Парамонов. — Вы своими глазами видели, как Ангел поступил с Таиром. Он просто приблизился и убил его! Кто знает, какую «нечисть» я выну из потустороннего мира!? Нам неизвестны его возможности, силы и влияния! Нам неизвестен его настрой, привычки и желания. Сколько веков демон пробыл взаперти, и как изменился его мир вокруг? Один Соломон смог бы нам помочь в этом деле, но, увы, попросить его об этом уже невозможно. А потому, не советую искушать судьбу!

Макс посмотрел на Николая:

— Ты же знаешь, что просишь сейчас невозможного?

— Знаю, мой друг, знаю! Мало того, я сейчас собираюсь сделать это самое «невозможное»! Ты прожил много веков, Квинтилл! Скажи, ты веришь в то, что царь Соломон действительно мог говорить с демонами?

— Я не знал Соломона лично по одной простой причине — он умер много веков назад, еще до моего рождения. Но, я воистину видел демонов! И самое главное — я видел, как Небесный Воин убивает демона! Я верю в труд Соломона, и я верю в тебя! И как бы мне сейчас не хотелось остаться здесь с тобой, я искренне понимаю, что своим присутствием только помешаю тебе. Столько страданий принесла нам бесконечная жизнь в этом мире, столько страданий ты пережил в той комнате на втором этаже, и вот мы на последнем отрезке пути! Нам нужно пережить эту ночь! Нужно добыть у «них» информацию, во что бы то ни стало! И мне очень жаль, что для этого...

— Вы должны оставить здесь меня одного! — закончил Парамонов.

Макс бросился в объятия Николая и крепко обнял его. Для этого умирающего мира он был Небесным Воином, но для друзей он все равно оставался человеком!

— Дай нам знать, когда все закончится!

— Непременно! — ответил Николай.

И друзья быстро покинули помещение церкви.

Парамонов положил «Лемегетон» на видное место.

— Очисти меня Господь, и я очищусь! Омой меня, и я стану белее снега! — Парамонов поднял белоснежную рясу из чистого хлопка над головой и стал в центр магического круга Соломона. — Тайные символы этого Святого одеяния облекут меня в броню спасения, благодаря силе Высочайшего, Анхор, Амахор, Амидес, Теодиниас, Анитор; поэтому моя желанная цель может быть достигнута посредством твоей силы, О Адонай! Ты, которого я превозношу, чья слава пребудет во веки. Аминь!

Николай облачился в белоснежную рясу, в одну руку взял «Лемегетон», а в другую — диск Соломона.

Символы, начертанные на круге и треугольнике древнего царя Израиля, едва засветились. Парамонов почувствовал слабое дуновение ветерка, словно бы кто-то в церкви приоткрыл витражное оконце.

Ну, вот и хорошо!

Ритуал Соломона пришел в действие, и да простит меня Господь за эту скверную выходку!

— Я взываю и заклинаю тебя, О дух Губернатора Волака! И вооруженный Властью Егс Высочайшего Величества, я строго приказываю тебе, именем Того, кто сказал, и это было сделано, и кому послушны все существа! Я, созданный по образу Бога, наделенный властью от Бога, и сотворенный, согласно воле ЕГО, заклинаю тебя и приказываю тебе появиться перед этим кругом в человеческом облике без изъяна или уродства! Приди миролюбивым видимым и приветливым, открывая все то, что я пожелаю узнать! Я заклинаю тебя именем Живого и Истинного Бога, ты подчинишься мне и будешь оставаться в видимом облике, и выполнишь то, что меня интересует, говоря со мной ясным и внятным голосом, без всякой двусмысленности!

В этот раз порыв ветерка был сильнее!

Несколько свечей погасли, превращая освещенный дальний угол в полумрак. Никель вдруг почувствовал, как по линии охранного круга пробежало невидимое существо, стуча лапами о холодный пол церкви. Сначала два раза по часовой стрелке, а потом против часовой.

По спине пробежали мурашки, будто стая сороконожек перебазировалась от шеи до поясицы. Страх надвигался невидимой волной, как в тот раз, когда Парамонов впервые встретился с демоном лицом к лицу в комнате лесного домика.

Но, сегодня он был готов!

Великие страдания, вера и могущество Небесного Воина давали возможность стойко переносить все тяготы жизни.

Тем не менее, демон не появился.

Он всего лишь обозначил свое присутствие и затих. Никаких телодвижений, дуновений силы или, на худой конец, шороха.

— Именем Бога, я заклинаю, призываю и приказываю тебе, О Губернатор Волак, появиться в настоящем облике без уродства или обмана! Заклинаю всеми самыми Могучими и Великими именами Господа Бога, приди быстро и без промедления, в какой части света ты бы не находился!

И снова демон не удостоил его присутствием.

Лишь едва слышимый шепот раздался в дальнем уголке церкви:

— Соломон! Сколько веков прошло после нашего последнего разговора!?

— Явись передо мной Волак! Сейчас же! И покажи свою истинную сущность!

Голос приблизился, но не посмел нарушить границы круга:

— И что же произойдет, если я этого не сделаю?

— Я уничтожу тебя раз и навсегда!

Там где не могла подействовать разумная мысль, всегда помогала обычная угроза.

Парамонов услышал, как сущность рассмеялась. И уже далеко не шепотом.

— Ты убьешь свое детище, Соломон?!

Демон явно пытался изобразить детский голос, но, к сожалению, у него плохо получалось.

— Соломон давно умер! — пояснил Николай. — Но, ведь ты не можешь этого знать!? Чтобы увидеть перед собой призывателя, для начала тебе необходимо явиться в этот мир в настоящем облике. И даже этого ты не сможешь сделать! А знаешь, почему?

— Поведай же мне, смертный!

— Да потому, что я не увижу перед собой Губернатора Волака! Не увижу перед собой ни одного из семидесяти двух демонов! Я все верно говорю, Герцог Талгарат!

В этот раз ветер пронесся над Никелем с такой силой, что с кануна посыпались свечи. Большая часть помещения превратилась в полумрак, лишь изредка в дальних углах потрескивало беспомощное пламя, все еще сопротивляясь появлению потусторонней сущности.

— Кто ты такой?! — заревел уже не детский голос.

В первое мгновение Парамонов не увидел незнакомца. Лишь тень скользнула в правом углу, серой дымкой переместившись к вершине треугольника Соломона.

Но, потом туманная дымка рассеялась, и демон явился в этот мир.

Высокий, красивый мужчина, плотного телосложения. Длинная черная шевелюра спускалась до плеч, чисто выбритое и неопишуемой красоты лицо предстало перед Николаем. Плотная льняная одежда с сандалиями представляла собой древний наряд времен самого царя Соломона.

Ну, воистину ни чем не примечательный смертный!

Парамонов не успел ответить на его вопрос. Демон закрутил головой, понимая в каком месте сейчас очутился:

— Это Храм?! Ах, ты мерзкий людишка! Как ты посмел вызвать меня в таком месте!

— Молчать! — приказал Никель.

И Талгарат вздрогнул от неожиданности.

— Что ты сказал?! Что ты сейчас сказал, смертный?!

Его голос прозвучал в пустой церкви, заставляя дрожать иконы на стенах. Несколько Святых ликов упали со своих мест, и большинство свечей, что остались гореть после предыдущего инцидента, потухли, погрузив помещение в еще более глубокий полумрак.

И в следующий момент, Парамонов сделал то, что ни одному смертному никогда не удавалось. То, о чем даже не мог подумать Соломон!

Строго смотря в глаза Герцогу Талгарату, Николай отбросил в сторону диск царя Израиля вместе с «Лемегетоном» и шагнул за пределы круга.

Демон опешил!

Его зрачки расширились, и он невольно попятился назад.

— Стой на месте, Герцог Талгарат! Именем Господа нашего, Иисуса Христа, я приказываю тебе остановиться!

— Кто ты такой? — демон застыл, словно вкопанный.

Тем не менее, Николай не видел в его глазах страха. Скорее, это было недоумение.

— Я тот, кто изменил и солгал перед Господом и отступился от Бога нашего; говорил клевету и измену, начинал и рождал из сердца лживое слово...

— Не может быть! — перебил его демон, прекрасно понимая, к чему клонит собеседник.

А Никель продолжал:

— Я тот, кто вернулся на путь истинный, принял в сердце Господа нашего, и во имя веры, пустил демона в свой Храм. Я тот, кто умер, принял Дыхание Бога и воскрес в образе Небесного Воина! Меня зовут Николай! Я единственный в своем роде, и в этом бренном мире!

— Этого просто не может быть! — зло сказал демон.

— Это уже есть! — напомнил ему Парамонов, и, словно прозрение вступило в свои полноценные права, когда Небесный Воин вспомнил слова графа Фургаса — Я знаю, кто ты, Герцог Талгарат! Я знаю, что более демонов, описанных в малом ключе Соломона, не

существует! Ты последний и единственный страж «Лемегетона», и царь Израиля воплотил в тебе навыки, возможности и доступные свойства всех семидесяти двух тварей, отправив их в потусторонний мир. Контролировать столько духов он был уже не в силах, и потому создал тебя одного! Я все верно излагаю, Талгарат?

— Откуда тебе это известно? — вопросом на вопрос ответил герцог.

— В свое время я знал графа Фургаса, его графиню и Левиафана. Они же и были убиты моей рукой! Но, тебе, Талгарат, я оставлю твою драгоценную жизнь. Мало того, я освобожу от чар царя Соломона и отпущу твою душу на свободу, в обмен на то, что ты для меня сделаешь!

Демон явно успокоился.

По крайней мере, его жизнь останется при нем.

— Если ты не лжешь, то я сделаю тебя самым богатым человеком в мире! — поведал Талгарат. — Твоя сила и власть не будет знать границ, а твои подвиги разнесутся легендами на просторах этого и того мира. Я дорого заплачу за свою свободу! Я и ответственно осознаю, что помогаю не какому-нибудь смертному, а Небесному Воину, за что могу понести страшное наказание. Тем не менее, я готов тебе помочь! Проси, чего хочешь! Золото! Рубины! Сапфиры! Женщины, твердыни и замки! Все будет в твоих руках! Только пожелай!

Заманчивое предложение.

Парамонов вдруг представил подобную жизнь! Большой замок на берегу лазурного моря, придворные лакеи, рабы и Бог знает еще кто. Замок стража по периметру твердыни, в начищенных до блеска доспехах и много фрейлин при дворе короля — Николая Небесного!

И вдруг перед глазами возник образ его жены и маленькой дочки. Холодное лицо Елизара, брата Фомы, мертвая физиономия Лихача, поднятого неизвестной силой, чтобы уничтожить Небесного Воина, и важные, проникающие в самую душу, слова Макса: «Самоубийства, месть, злость и ненависть! Думаешь, откуда они взялись в этом мире? «Они» двигают нашим неверующим разумом. И единственные люди на этом свете, которые смогут «их» остановить — это мы с тобой!».

— Ты долго пребывал в заточении, герцог Талгарат! Золото, рубины, сапфиры и власть в нынешних обстоятельствах ничего не стоят! Самым ценным подарком является сейчас информация!

— Информация? — удивился демон. — И о чем же? Ах, да! Я понял! Информация о злате и власти! Ты честный человек, Николай, и я прекрасно понимаю тебя. Тебе хочется самому всего достигнуть! Ну, что ж, я с удовольствием тебе помогу — расскажу, где все это достать...

— Ты не понял меня, Талгарат! — перебил его Небесный Воин. — Мне нужна информация о том, что случится этой ночью!

— А что случится этой ночью? — искренне подивился герцог.

— Не валяй дурака, демон! — озлобился Парамонов. — Иначе наша сделка не будет больше иметь веса! Ты проведешь оставшуюся жизнь в заточении, и больше никто не вспомнит о твоём существовании. Я сожгу «Лемегетон» на этом самом месте; зарю сундук Соломона так глубоко, что его не найдешь даже ты, и навсегда сотру упоминания о тебе!

Герцог Талгарат изменился в лице:

— Об этом нельзя говорить. Но, раз уж на кону стоит мое существование, хочу гарантий того, что ты меня не обманешь.

— Даю тебе слово Небесного Воина!

И снова демон взял секундную паузу.

— Задай правильный вопрос, Николай! И я расскажу правду!

Герцог выглядел вполне серьезным, но напуганным до глубины души. Свобода в обмен на такую важную для него информацию, которая может в один миг перечеркнуть его жизнь, поставить под угрозу все его существование. Но, другого выбора не было: либо ты проведешь последние мгновения свободным, либо останешься взаперти.

— Я знаю точную дату и примерное время! — поведал Николай. — Но мне неизвестно где, и какие события последуют в том месте. Граф Фургас многое мне рассказал о действительном существовании этого и того мира. Мне ведомо то, что обычному смертному недоступно! Но, проникнув в мое сознание, он поразил отдельные участки мозга. Память возвращается ко мне очень не охотно и настолько медленно, что врагу не пожелаешь! Я могу вспомнить все, о чем рассказал мне Фургас, но на это уйдет уйма времени, которого у меня сейчас нет. А потому, прошу тебя, герцог Талгарат, единственный в своем роде демон на этой земле, поведай мне то, что скрыто за стенами моего разума! Расскажи, почему же так рьяно и с удовольствием граф переманивал меня на свою сторону, обещая, что этот мир скоро рухнет? Что же такого грандиозного произойдет 6 июня 2021 года на этой земле? И как «это» повлияет на весь погибающий мир? Я доходчиво задал вопрос?!

— Вполне! — услышал Небесный Воин, как задрожал голос герцога Талгарата. — Я расскажу то, что, скорее всего, тебе уже известно. Граф Фургас проводил тебя в Ад, а значит, показал свое истинное доверие. Что случилось потом, и каким образом ты отказался от ценнейшего в мире подарка, — мне уже неважно! Содеянного не воротишь. А потому, я буду трактовать только факты, и ничего кроме них. Для начала вспомни, как весь обезумевший мир во все горло кричал о конце света! Это было не так давно, даже по вашим меркам.

— Декабрь 2012 года? — вспомнил Николай.

— Точнее — 22 декабря 2012 года! Пророки соединяли одинаковые цифры и поклонялись красивой запоминающейся дате. И, поверь мне, дату они не угадали. Нужно быть полным глупцом, чтобы так подстроиться под напрашивающуюся цифру 2, и поверить в происходящее. И вот теперь на дворе две тысячи двадцать первый год! Все живы и никакого конца света не последовало! А знаешь, почему?

— И почему же?

— Потому, что вы ошиблись! Никакого 22 декабря не существует. Это просто глупое совпадение ничего не значащих цифр. Но вот год — уже другое дело! Один из демонов, имени которого я тебе не назову, долго терзал душу вашего священника. Это была поистине глубокая одержимость! Никогда в жизни нашего мира, душа слуги Господа не подвергалась таким страданиям. Демон рвал ее на части, топил в горьком вине, и резал ее плоть в прямом и переносном смысле слова. Как только не издевался над ней гость из другого мира! И вот уже погибая, священник попросил демона рассказать что-то важное перед смертью. То, что для обычного человека было недоступным. Можно сказать, это была его последняя предсмертная просьба. И тогда демон поведал ему о конце света, и даже назвал точную дату. Представляешь, какой информацией владел священник в тот момент!? Но, силы быстро покидали слугу Господа; он прекрасно понимал, что не успеет донести до ушей смертных день месяц и год важного события. А потому, ему удалось лишь начертать четыре цифры на каменной стене церкви, к подножию которой он обессиленный упал. Смерть настигла его очень быстро, но важная информация осталась, и ее непременно взяли на вооружение.

— И какие же цифры он успел начертать?

— Ну, это всем известно! 2, 0, 1 и 2! А теперь посмотри, как все идеально получилось! Внезапно погибший священнослужитель; числа, появившиеся на стене церкви; пророчества коренных народов Америки и записи, расшифрованные вашими экстрасенсами и учеными. Все произошло как нельзя лучше, чем мы смогли себе представить! И самое главное — цифры в Храме были верны, но вы не смогли правильно их соединить. Вы просто взяли ближайший год для наступления конца света и на этом успокоились. Да, вы правильно расставили первые два числа, но третье и четвертое — нужно было просто поменять местами! А когда мы поняли, что вы ошиблись, долгие 9 лет нам пришлось отвлекать ваше внимание. Все было точно и успешно распланировано, пока на горизонте не замаячил Горевестник!

— Господи Всевышний! Это вы убили его?!

— А как еще нам нужно было поступить? Горевестник нес твоим друзьям страшную весть, и она ни в коем случае не должна была явиться в этот мир. Да, да! Я знаю о существовании бессмертных на этой земле. — Пояснил герцог Талгарат, когда увидел изумленное лицо Николая. — Я хорошо знаю римского легионера по имени Квинтилл, раба первосвященника Ханны, и еще кое-кого! Я ведаю, что они натворили, и прекрасно понимаю, какая кара последовала за этими событиями. А еще я знаю, что твои друзья находятся неподалеку!

— Откуда тебе это известно?

— Ты забываешь, кто я такой, Парамонов Николай Сергеевич! Чем дальше я нахожусь в вашем мире, тем быстрее восстанавливаются мои силы! Я вижу людей насквозь, знаю их достоинства и недостатки, знаю их тайные желания и секреты! Ничто не ускользнет от моего взгляда. Соломон сделал меня таким, и этого не изменить! Я вижу прошлое, настоящее и будущее, так что для этого мира — я есть Бог!

— Ты всего лишь демон, сошедший со страниц «Лемегетона»! — остановил его Николай. — И когда я сожгу малый ключ Соломона, ты сгинешь вместе с ним...

— Ты дал слово Небесного Воина! — напомнил герцог Талгарат.

— Я хорошо помню о своем слове! Но, пока ты мне ничего нового не сказал. И сейчас я думаю, что просто теряю с тобой время.

— Потерпи, Небесный Воин! Я поведаю тебе то, что ни одному смертному не доступно!

— Так начинай уже говорить! — сорвался Парамонов.

— Хорошо! — успокоил его Талгарат. — Ты знаешь год, число, и месяц! И как ты уже догадался — цифра 6 для нас сравни вашему патриотизму. Такая же оккультная, как и для вашего Бога — цифра 3. Они тесно переплетаются друг с другом, и не могут друг без друга существовать.

— Я узнал закономерность! — внезапно сообщил Никель. — Конец света наступит 6 числа 6 месяца 2021 года! И это произойдет уже сегодня ночью! Но, я не могу понять, где таится третья «шестерка»? 666 — «имя мне — Легион»! К такому оккультизму ведет разговор?

— Совершенно верно! — гордо сказал демон. — И я обязательно скажу, где найти последнюю цифру 6. Но сначала, я поведаю тебе — что же произойдет этой ночью! Для обычных смертных конец света — это что-то из ряда вон выходящее. Громкое, смертоносное или даже губительное для всего сущего! Но, хочу тебя расстроить, это совсем не так?

— Что значит, не так?

— Это значит, что ничего подобного не произойдет! — объяснил Талгарат. — Не будет наводнения, всемирного пожара или еще какой-нибудь гадости! Сегодняшняя ночь станет для вас началом конца, да и только! Ваш мир будет существовать еще несколько лет, а потом внезапно умрет. Но, отсчет придется вести с сегодняшней даты! И виной этому будет одна девушка.

— Какая еще девушка?

— Самая обыкновенная! Ее зовут Валерия! Вы никогда не видели ее, потому что она была долго скрыта от посторонних глаз. И вот сегодня она выйдет из тени, и родит ребенка. Настоящее зло, какое можно только представить! В этом мире еще не было такого сильного и могущественного дитя! Сам Дьявол оставил свое семя в этой женщине.

— И что же особенного в этом ребенке? — поинтересовался Николай.

— В настоящее время, чтобы поработить душу смертного, нужно пройти долгий путь, и ты сам не понаслышке знаешь об этом. Граф Фургас терзал тебя долгих две ночи в комнате на втором этаже, а позже овладел твоим сознанием, но, все равно, не смог забрать твою душу по вполне понятным причинам. Сколько смертных побывали в твоей шкуре, раз за разом борясь за свою душу, побеждая или умирая, но, не проигрывая последнюю схватку демону? Сильный духом и телом с легкостью побеждал демона, а потому приходилось направлять в ваш мир еще более крепких и цепких графов, маркизов, или даже королей. Я уже не говорю о священнослужителях! Редкий случай, когда Святая душа оказывалась во власти даже сильного демона...

— Адрес, Талгарат! Скажи мне адрес!

Никель вдруг осознал последствия этих событий.

Но, герцог будто бы его не слышал:

— Мы с трудом добываем души смертных, хотя все больше и больше людей отворачиваются от истинной веры в Господа. Но, представь себе, что сегодня произойдет! Дитя Дьявола покинет утробу матери, отправится в наш мир для дальнейшего обучения и через несколько лет вернется обратно...

— Где мне его искать, Талгарат! — вновь перебил его Парамонов.

Но, демон, словно замороженный никак не мог остановиться:

— Представь силу этого дитя! Представь мощь его колдовства и желания разрушить все Святое на этой земле! Ему не нужны страдания жертв, овладения сознанием и невероятные пытки смертных. Он просто подойдет и возьмет то, зачем пришел. Любой человек, священнослужитель или искренне верующий, который никогда не грешил в своей жизни, будет перед ним беззащитен! Он просто отберет твою душу, словно игрушку у маленького ребенка, и никто на целом свете не будет способен его остановить!

— Мне нужен адрес, Талгарат! Иначе, клянусь Господом, я отправлю «Лемегетон» в топку!

— Не нужно так горячиться. — Просто сказал демон. — Ты правильно догадался, что третья «шестерка» тесно связана с номером дома хозяйки. И я обязательно ее тебе скажу. Но для начала, освободи меня! Дай мне удалиться в свой мир, и только после этого я поведаю тебе, где пройдут роды.

Никель застыл, словно ошеломленный. Демон выторговывал свободу, а время неумолимо шло. И с каждой прожитой секундой, минутой и часом, надежда на спасение мира таяла на глазах.

— Есть что-то еще, о чем мне необходимо знать? — спросил Николай. — Например,

как убить Темное дитя! Наверняка, обычная смерть ему недоступна!

— Ты прав, Небесный Воин! Чтобы навсегда покончить с ним, нужно провести определенный ритуал. Но можешь не беспокоиться на этот счет! Твои друзья ведают, как это сделать, потому что они посвятили борьбе с «нечистью» всю свою бессмертную жизнь.

— Тогда, готовься, демон, покинуть этот мир. Сегодня ты станешь свободным!

— Я всегда готов!

Николай поднял древнюю книгу, перевернул страницу и снова вступил в круг Соломона:

— О, дух герцога Талгарата! Поскольку ты старательно выполнил мои требования, и был готов прийти по моей просьбе, я позволяю тебе удалиться, не причинив вреда и не напугав ни одного человека, и ни животного! Удались, говорю я тебе, но не в свою обитель, где ты существовал много веков, а удались в свой потусторонний мир! Я, Небесный Воин, именуемый Николаем, дарую тебе свободу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь!

Никель захлопнул «Лемегетон», и тогда вокруг демона появилось облако. Густое, серое и непроглядное. Еще мгновение оно окружило в помещении церкви, и медленно рассеялось, показывая, что внутри его никого нет.

Герцог Талгарат удалился в свой настоящий мир, но прежде Никель услышал его отчетливый голос:

— Улица Лесная, дом 6! Ни в коем случае не ходи туда! Твое будущее уже предрешено!

И тишина.

Глава 14. Пленитель Душ

Автомобиль покойного Таира несся во весь опор, разрывая воем движка беспроглядную ночь. В салоне находились три человека, отец Георгий пожелал остаться в церкви и навести порядок после осквернения Святого места присутствием духа «нечистого» демона. И хотя Николай поведал ему, что герцог Талгарат навсегда удалился из этого мира, священник все же с опаской относился к данной ситуации. Чего стоило демону вновь появиться в нашем мире, ни одному живому существу не ведая о своих планах!

Иномарка выскочила на шоссе, и Макс с удовольствием утопил педаль акселератора в пол. Улица Лесная находилась на другом конце города, своим изогнутым серпантинном, огибая побережье хорошо известной реки. И если демон говорил правду, в том самом месте вся свита «нечистой» силы ожидала рождения самого Могущественного и Великого Властелина всех времен и народов!

— Боже, спаси нас от мести «нечистых»! — причитал отец Севастьян. — Как же мы нагрешили, если удостоились такой страшной участи!

— Твой адрес! — обратился к Николаю Макс. — Это местонахождение родильного дома?

— Понятия не имею! — ответил Парамонов. — Это все, что мне сказал Талгарат! Перед тем, как я отпустил его восвояси.

— Отпустил?! — злобно прорычал Макс. — С каких это пор мы стали щадить демонов?

— Я дал слово Небесного Воина!

— Твое слово ничего не значит! Ты еще пока не Желтый офицер!

Злость распирала собеседников, но каждый из них прекрасно ведал, что дело не в герцоге Талгарате. Дело в том, что сейчас происходит! И можно немедленно затеять потасовку, обозлиться на весь мир, или сыпать проклятиями в адрес друг друга, — это ничего не решит! Виноваты в том, что сейчас происходит, это мы сами! Земля укуталась смертью, безумием, ненавистью и ложью только потому, что люди потеряли веру в добро, а «нечисть» использовала такую подходящую ситуацию. Долгое время, «они» выжидали удобного момента, чтобы нанести последний удар.

И, наконец, решились!

Девушка по имени Валерия решит судьбу нашего мира. Заставит считаться с силой и властью своего ребенка; заставит, наконец, поверить в то, во что доселе никто не верил; а заодно и покажет всему миру, как же глупо они использовали отведенное время!

И Дьявол вновь возьмет верх, как это бывало уже не раз. Он покажет свое Величие в самый неподходящий момент, ровно в тот час, когда мы с вами не будем ожидать. А пока, хитрость его не имеет границ! И самая опасная афера Дьявола заключается в одном простом, но таком продуманном решении!

Он сумел убедить весь мир, что его не существует!

— Направо! — прокричал Никель.

Водитель резко надавил на тормоза, и машину круто занесло, разворачивая боком на безлюдном шоссе. Но, Макс быстро выровнял послушный автомобиль и в очередной раз утопил педаль «газа».

«БМВ» круто поменяв направление, съехал с асфальтированной дороги, и друзья почувствовали неудобство грунтового покрытия.

— Я видел уже это место! — сообразил Парамонов. — Граф Фургас указал мне этот путь, когда хотел, чтобы я..., ну, в общем, здесь начинается Лесная улица, которой принадлежит один единственный дом. Остальные строения с 1 по 5 номера находятся с противоположной стороны дороги, а об этом месте знает не так много людей!

— Не так много, говоришь?!

И друзья увидели вдалеке множество огней факелов, освещающих двухэтажный особняк. «03:40» — показали часы на приборной панели «БМВ», и Макс повысил скорость.

Местная роженица готовилась привнести в этот мир настоящее чудовище, и ей непременно нужно было помешать!

Вдалеке уже можно было рассмотреть черные одеяния священников, держащие факела над головой; простолюдины, выглядевшие совсем по-обычному, которые, вытянув руки перед собой, снимали на планшеты и телефоны одиноко стоящего на балконе слугу Господа.

Что там происходило, можно было только гадать.

— Тормози! — закричал Никель.

Впереди внезапно появилась груда припаркованных автомобилей. Видимо, гости добирались сюда с разных уголков города.

И вновь Макс нажал на тормоза, поднимая дорожную пыль.

«БМВ» остановился, и Парамонов первым покинул машину:

— Дальше пойдем пешком!

Друзья выбрались из автомобиля, и мелкой трусцой последовали в самый центр столпотворения. Уже можно было рассмотреть дорожную рясу черного цвета на священнике, который облюбовал балкон на втором этаже. На его груди разместился золотой крест таких необъятных размеров, что Николай поистине изумился, как этот слуга Господа вообще передвигается с таким грузом.

— Друзья мои! — вещал, словно с трибуны священнослужитель. — Сейчас мы присутствуем при историческом событии! Здесь, на нашей Земле, в этом Святом месте, родится чудесное дитя! Сам Господь ниспослал нам свое Творение, чтобы защищать и оберегать мир от «нечистой» силы! Ребенок Валерии станет оплотом кристальной души, мира и Великой веры в Господа нашего и сына его Иисуса Христа! Спустя столько веков, на земле вновь появится сын Божий! Укрепит нашу веру, простит все наши грехи, и направит нас по верному пути!

Сколько веков мы провели в томительном ожидании! Сколько сил было потрачено, чтобы передать из поколения в поколение, что второй Его приход не за горами! И вот сейчас наступил тот самый момент, который привнесет в наш мир добро, истинную веру, и, конечно же...

— Смерть! — раздался громкий голос у подножия двухэтажного особняка.

Толпа вмиг развернулась, оказавшись лицом к лицу к троице, только что примкнувшей к их скромной компании.

Священников и простолюдинов, в общей сложности, было человек тридцать. Некоторые из них держали факелы, но у большинства в руках все же имелись смартфоны, которые быстро направились объективами к вновь прибывшим.

— Сегодняшняя ночь принесет вам только погибель! — Парамонов оставался невозмутимым.

Сам того не ожидая, он оказался в центре внимания камер, и яркие вспышки на миг ослепили троицу. Простой люд не упустил возможность запечатлеть на своих смартфонах

нового глашатая, ведавшего об обратной стороне медали.

— Что ты говоришь, сын мой!? — возмутился слуга Господа. — Как такие нечестивые мысли могли проникнуть в твою голову?

— Мои мысли чисты и понятны! — перебил его Николай. — И я ведаю, о чем говорю! Если не веришь мне, спроси священника, который прибыл со мной. Это мой друг, и зовут его отец Севастьян!

Парамонов попытался сказать это настолько громко, чтобы до каждого слушателя дошел его глас.

— Святой отец ошибается! — Севастьян указал на глашатая, располагавшегося на балконе второго этажа. — Не сомневаюсь, что мысли и помыслы его чисты, как слеза Господа. Но, все же демону удалось его обмануть! Все мы прекрасно знаем, на какие ухищрения и коварства способны легионы «нечисти»! Они не гнушаются обманом, лукавством, или даже гибелью кристально чистых душ! Вам хочется верить в слова этого священнослужителя, и упаси Господь, сомневаться в его истинной вере, но сейчас он сильно ошибается! Валерия не даст вам сегодня повода для радости! Потому что явит миру исчадие Ада!

— Ты врешь, безбожник! — закричал глашатай.

Никель увидел, как священники с факелами в руках, нервно переглянулись, а простой люд поднял на смех речь отца Севастьяна. Верующих в этой толпе зевак, было гораздо меньше, чем могло показаться на первый взгляд.

— Я подтверждаю его слова! — закричал Никель.

— Кто ты такой, чтобы говорить от имени Господа?! — отозвался священник на втором этаже.

— Меня зовут Николай! — как можно громче сказал Парамонов. — И я — Небесный Воин!

Толпа все еще роптала, недоуменно переглядываясь, но потом смысл донесшихся слов все же заставил утихнуть священников с факелами. Конечно, обычный люд все еще хихикал, наводя смартфоны то на Никеля, то на священника на балконе. Позабавить друзей интересным видео каждый был горазд, но несколькими мгновениями спустя, и неугомонную толпу зевак удалось утихомирить.

Люди расступились, и вперед массовки выехало инвалидное кресло, сопровождаемое тремя здоровенными амбалами. Они были облачены в дорогие костюмы, и могли бы сойти за вполне себе обычных зевак, но друзья явно видели оттопыренные пиджаки, в недрах которых располагалась подмышечная кобура с вполне себе реальным оружием.

В инвалидном кресле сидел древний старик с длинными седыми волосами, и не менее дорогим костюмом.

— Повтори, что ты сейчас сказал?

Его вопрос предназначался Парамонову.

— Не слушайте его! — кричал, как умалишенный, священник, облюбовавший удобный балкон деревянного особняка. — Его устами говорит сам Дьявол!

— Верно! Не слушайте его! — подхватила толпа.

Но, стоило старцу повернуть голову в их сторону, как громкие голоса стихли.

— А ты помолчи, отец Викентий! Я выслушал твою правдоподобную историю. Мало того, оплатил особняк, разрешил девушке родить в этом месте будущего Спасителя! Но, теперь хочу услышать историю этого парня! Повтори, юноша, что ты перед этим сказал?

Старик явно слыл авторитетом в этом месте. И, наверняка, обладал немалыми знаниями, если позволил отцу Викентию преобразить это место в Храм Божий.

— Меня зовут Николай! — повторил Парамонов. — И я единственный в своем роде Небесный Воин! Я принял веру Господа нашего, прошел через Великие страдания, был одержим демоном, умер и воскрес, чтобы творить добро в этом и том мире!

Старик как-то неприятно взглянул на Никеля. Его холодные глаза блеснули на фоне горящих факелов, старческое лицо замерло, то ли от изумления, то ли от злости, и враждебный оскал озарил местность, не хуже пылающего пламени.

— Я слышал эти сказки очень давно. — Поведал человек в инвалидной коляске. — Уже и не вспомню, сколько лет прошло с тех пор, когда забылась последняя история. В давние-давние времена, когда на этой земле еще существовала вера в Господа, Желтые офицеры вели свое войско во тьму, наказывая «нечистых» за все их злодеяния. Холодным эхом отзывались шаги Небесных Воинов, и падали навзничь поверженные демоны, рискнувшие пересечь черту двух миров. Но, это время давно прошло! По истечении многих веков, упоминания о Желтых офицерах канули в небытие, и больше никогда не появлялись на свет. Ты смелый парень, если последовал в это место и сказал свое слово открыто, не прячась за спинами друзей. Но, я не верю, что ты есть Небесный Воин! Ты понятия не имеешь, на какие жертвы нужно пойти, чтобы стать...

— Запрещенный обряд номер 423 под названием «Небесное возрождение»! — вмешался в разговор отец Севастьян, и все присутствующие увидели, как широко округлились глаза человека в инвалидной коляске. — Я знаю, старик, в это трудно поверить! Но, мы действительно жестоко убили этого парня, обрекая тем самым себя на бесконечные мучения!

— Но, как же так? Вы же тогда должны...

— Понести суровое наказание? — вновь вступил в дискуссию Николай. — И это непременно бы произошло, не появившись на свет «Небесное возрождение»! Я избавился от демона, проникшего в мой разум, и устранил судью первой инстанции!

— Боже Всевышний! Так это правда?

— Это истина! — подхватил Севастьян.

Старик крутанул колеса инвалидной коляски и приблизился к нему:

— Мне знаком твой голос, священник. Клянусь Богом, я не могу вспомнить кто ты, но воистину, твой голос я где-то уже слыхивал! Назови себя!

Но, в разговор неожиданно вступил Макс:

— Пилат?..

Вопрос больно «ударил» старца в инвалидном кресле. Собеседник вздрогнул, да так резко, что коляска едва не опрокинулась. Один из амбалов в дорогом костюме быстро подхватил ее за ручки, не позволяя старику рухнуть вместе с нею под ноги незнакомцам.

— Кто вы такие? — только и вымолвил тот, кого называли Пилатом.

Но, Макс, словно не обратил на его вопрос никакого внимания:

— Ты все еще жив, Пилат?! Сколько же времени прошло с тех пор?

— Господи! Я ведь знаю тебя! Ты Римский легионер, который привел ко мне Иисуса! А ты...

— Раб первосвященника Ханны! — добавил отец Севастьян. — И мое имя — Малх!

Слезы появились на глазах Пилата.

Его руки задрожали, тонкие губы сжались так сильно, что побелели, будто он увидел

перед собой призрака:

— А где же ваш третий товарищ? Где тот богач из Иерусалима? Как его там звали?

— Агасфер! — громко сказал Никель. — Горевестник, обреченный на скитания до второго пришествия Христа! И тебе, Пилат, никогда с ним не встретиться в этом мире, потому что его нет среди живых!

— Боже мой! Он получил прощение самого Господа?!

— Он получил смерть! — поведал Никель, будто знал эту историю лучше других. — Кара «нечистых» за то, что пытался донести о последствиях сегодняшней ночи!

— И что же должно случиться этой ночью, по-твоему?!

— Девушка явит миру исчадие Ада! Я уже говорил об этом, Пилат, но ты, наверное, плохо меня слышал!

— Я слышал достаточно на своем веку! — злость проскочила в словах прокуратора. — И видел столько за свою жизнь, что ни одному смертному не испытать таких страданий! А потому убеди меня в своей правоте, и объясни, почему отец Викентий говорит по-другому!

Никель повернулся в сторону священника, стоявшего на балконе второго этажа, и громко сказал. Так громко, чтобы его слышали все присутствующие на этом «мероприятии»:

— Отец Викентий никогда не видел демона вживую! А я видел! Мало того, я разговаривал с ним давеча в церкви Святого Иоанна! Малый ключ Соломона мне помог!

— Я не верю тебе! Царь Соломон ввел тебя в заблуждение! «Лемегетон» не существует!

— Теперь не существует! — согласился Николай. — Я уничтожил его пару часов назад. И беспокоиться о нем больше не имеет смысла! Вам всем стоит сейчас беспокоиться о том, что произойдет с минуты на минуту!

— И что же, по-твоему, произойдет?! — ехидно спросил священник.

— Богом молю! Впусти нас в особняк, отец Викентий! Предоставь возможности остановить безумие, творящееся у тебя за спиной! Я не могу понять, почему вы все такие глупцы? Кто сказал вам, что на свет появится сын Божий?!

И небо вдруг потемнело еще больше!

Священники, наперевес с зажженными факелами, засуетились; хаотично запрыгали языки пламени, и мир снова предстал для Небесного Воина в особых красках.

Снова его друзья приобрели естественное обличье, как в тот раз в загородном лесу, когда их атаковали злобные нулы. И даже человек в инвалидной коляске мгновенно преобразился, облачившись в расписные доспехи, украшенные длинным красным плащом. Короткая прическа и маленькая бородка выдавали в префекте Иудеи грозного политика, а плотно сжатые губы когда-то в Древние времена выносили смертный приговор для Иисуса Христа.

— Помоги, Пилат! — обратился, будто с последней просьбой, Николай. — Ты должен поверить мне! Судьба не зря соединила всех нас в этом месте! Каждый должен внести свою частичку в спасение мира, чтобы получить возможность для прощения! Ты же ясно понимаешь, что сейчас происходит!

Старик ловко повернул колеса и поставил инвалидную коляску таким образом, чтобы видеть глашатая на втором этаже:

— Позволь им войти внутрь, отец Викентий!

— Ни за что! — раздалось в ответ.

И в следующий момент Валерия закричала!

Таким отчаянным голосом, что воздух сотрясся вокруг деревянного особняка, заставляя

самые громкие возгласы и смешки утихнуть.

— Отче наш, сущий на Небесах! Это уже происходит! Ребенок является на свет!

Заголосили священники, заликовал обычный люд, поднимая смартфоны, и направляя их на плашатая, возвышающегося на балконе второго этажа; и, казалось, небо потемнело еще, будто бы провозгласив это место центром Вселенной.

— Понтий Пилат, префект Иудеи! Сделай же что-нибудь! — закричал Макс.

— Ради всего Святого! Викентий, пропусти в родильную этих людей! Не заставляй меня брать грех на душу! — громче приказал человек в инвалидной коляске.

Три амбала в дорогих костюмах, будто по команде вынули оружие, и Никель увидел, как блестящие «макаровы» направились черными зрачками в сторону группы священников. Часть зрителей со смартфонами в руках, направили свои камеры к новому месту действия.

Но, к сожалению, для друзей, и к счастью для отца Викентия, священнослужители не бросились в рассыпную, а лишь только строй в темных рясах стал плотнее. Непокколебима сейчас была вера в Господа!

Снова душераздирающий крик Валерии на втором этаже.

Обособник утонул в вопле отчаяния, и тьма гуще укутала территорию вокруг деревянной постройке.

— Друзья мои! Мы становимся свидетелями второго пришествия сына Божьего! Склонитесь перед его телом и душой! И пусть вера ваша будет сильнее, чем много веков назад! — объявил отец Викентий.

— Огонь! — закричал Пилат, перекрикивая вой толпы.

И только сейчас, Николай понял, что прокуратор Иудеи настроен всерьез:

— Нет! — вырвалось из уст Парамонова.

Но было уже поздно!

Зазвучали «макаровы», выплевывая смерть, и кладя священников на холодную землю Лесной улицы. Люди, наконец, сообразили, что все это не актерская постановка, и бросились прочь от этого места.

Толкаясь и сбивая с ног соседа, они в спешке покидали место действия. Упавшие на землю смартфоны все еще не переставали снимать, надеясь на то, что кто-нибудь из их хозяев вернется в этот злополучный лес и явит миру творение любительской кинематографии.

Через несколько секунд, территория у подножия особняка опустела, лишь смелая горстка священнослужителей бросилась было в схватку с вооруженным противником с факелами наперевес, но тут же была подавлена огнем.

— Ну, чего застыли! — закричал Пилат.

И друзья, опомнившись, двинулись к входным дверям, перепрыгивая через мертвые тела.

Створки особняка тут же распахнулись, и на пороге появился отец Викентий с неизвестным предметом в руке:

— Во Имя Господа нашего, Иисуса Христа! Остановитесь, неверные!

Макс ухватил его за грудки и с силой отшвырнул в сторону, давая возможность амбалам Пилата решить судьбу священника.

Что происходило далее на улице, Николай не видел.

Вместе с друзьями он ворвался в помещение особняка, и едва не распластался на полу, задевая ногой высокий уступ порога.

Гостиная на первом этаже была просторной. Пилат на славу потруился, оплатив великолепный ремонт в дорогом и, на первый взгляд, простом стиле. Деревянная выделка напоминала работу истинных мастеров своего дела. Огромные бревна, практически одного размера, грамотно укладывались друг на друга, создавая идиллию совершенства и бесподобной красоты. Дубовая мебель занимала все пространство гостиной, завораживала своим великолепием и ведала о том, что в этом месте проживала семья настоящих господ.

Слева от входа друзья заметили широкие ступени деревянной лестницы, окруженные резными перилами, и Макс первым бросился в направлении ее. Сооружение сильно напоминало короткую дорогу на второй этаж, а посему действовать приходилось немедленно.

Отец Севастьян бросился вслед за ним, а замыкал процессию Небесный Воин по имени Николай.

И снова душераздирающий крик Валерии!

И был он настолько близко, что своей неожиданностью едва не поверг в шок троицу спешащих на помощь освободителей. Друзья закрыли уши руками, боясь, что громкие возгласы девушки перевернут с ног на голову ясное сознание.

Второй этаж появился внезапно, словно в американских фильмах, где в конце зачарованной лестницы не было уютного коридорчика, а сразу и бесцеремонно находилась дубовая дверь.

Макс первым рванул навстречу деревянному препятствию и тут же атаковал его своим мощным плечом.

Удар был такой силы, что петли жалобно застонали, саморезы фонтаном брызнули в разные стороны, и последний оплот «нечистой» силы был взят. Дверь легко соскочила с петель и, словно ураган, влетела в комнату на втором этаже, сбивая все на своем пути.

Никель увидел, что помещение действительно было переоборудовано в так называемый родильный дом. Несколько удобных кроватей, тумбочки, навесные полки и много всякой другой утвари находилось в этой комнате.

Снесенная с петель дверь сбила по пути два миниатюрных столика для пеленания новорожденных. Послышался крик медсестер, или как там называют работников данного учреждения? Повитух? Акушеров?

Две женщины в белоснежных костюмах истошно завопили:

— Вам сюда нельзя! Мы принимаем роды!

Но, Макс не обратил на них никакого внимания.

Один единственный пациент находился на передвижной кровати, тихо лежал, словно не дыша, и стоящая на подставке капельница рядом с ним, недвусмысленно указывала на счастливую роженицу.

— Вы не слышите меня? Немедленно убирайтесь отсюда! — снова закричала одна из медсестер.

— Молчать! — сорвался Макс, и Никель увидел, как обе женщины забились в угол, укрощая свой нрав.

Отец Севастьян медленно подошел к молодой маме и жестом пригласил присоединиться друзей.

Молодая красивая девушка со светлыми волосами мирно лежала на кровати. Она была без сознания. И прежде чем священник прислонил пальцы к сонной артерии, нащупывая пульс жертвы, Николай уже знал, чем закончилось сие «представление».

— Она мертва. — Холодно бросил Севастьян.

И в этот момент закричал младенец, мирно покоящийся на дальней койке в противоположной стороне помещения.

— Он убил ее! — злобно сказал Макс, медленно направляясь в ту сторону.

— Пожалуйста, покиньте это Святой место! Господом Богом прошу! — повторила медсестра.

Но, Макс «кинул» на нее такой взгляд, что она искренне пожалела о своих словах.

— В этом особняке нет Бога! — поведал ей отец Севастьян. — И никогда больше не будет, если мы немедленно не сделаем то, зачем пришли!

Слова священника сразили реальность наповал! Парамонов знал, с какой целью они сюда спешили, ведал, почему это нужно предотвратить, но никогда бы в своей жизни не подумал, почему так больно будет в ответственный час исполнить задуманное.

Теперь сумрак укутал комнату на втором этаже. Свечи по периметру помещения стали в разы слабее гореть, некоторые из них и вовсе потухли. Макс и Севастьян снова принимали облик своих настоящих персонажей из библейского прошлого, и спустя мгновение вновь возвращались к своему обычному состоянию.

Что это?

Одна из особенностей Небесного Воина?

Или же игра разума, постоянно преследуемая в силу происходящих событий?

Николай взглянул на Валерию, умиротворенно покоящуюся на передвижной кровати возле него. Ее простынь в районе паха заметно окрасилась в кровавый цвет, что неудивительно в нынешней ситуации, но внезапно светлые волосы приобрели пепельный оттенок. Складывалось ощущение, что вполне молодая девушка стареет на глазах, если это, конечно, не игра его воображения, или не таинственный свет в комнате.

— Стойте! — прервал тишину Парамонов.

Макс и отец Севастьян, которые снова выглядели, как реальные люди, остановились.

— Что случилось, Николай?! — нервно топтался на месте Макс.

— Я пока не знаю! Какое-то неприятное ощущение! Тревожное и непреодолимое!

— Так умерь свои чувства, Коля! Ты сам слышал, что сказал тебе Талгарат! Это судьба умирающего мира, и, если мы ему не поможем, никто даже не подумает этого сделать!

Слова звучали в комнате, словно древнее пророчество. Слово холодное предсказание Великого колдуна на этой земле, или самого Господа, что спустился с небес, уверяя всех в своей правоте.

— Нет, Макс! Это совсем другое! То, о чем мы до сегодняшнего момента не могли подумать!

— Так подумай же об этом сейчас, Николай! Подумай хорошо! Я дам тебе десять секунд, а потом исполню то, зачем мы сюда пришли!

Никель ведал о том, что упускает из вида что-то особо важное. Такое далекое и неизведанное, но в то же время такое близкое и знакомое. Существование этого мира просто невозможно без наличия его бытия, присутствия в этом безнадежном мире, и детального равновесия, которое никогда не остается в тени.

Равновесие!

Вот то, злополучное слово, которое имеет самый главный смысл во всех кругах!

«Ты вспомнил!» — то ли обрадовался, то ли разочаровался граф Фургас, в который раз объявив о своем присутствии.

— Равновесие! — быстро сказал Никель.

И повернув голову, он ясно увидел, как одна из медсестер пытается покинуть помещение.

Она находилась спиной к его драгоценной для всего мира персоне, и прижимала руки к груди, будто молясь о бессмертной душе.

— Остановись, женщина! — громко сказал Николай. — Ради всего Святого на этом Свете! Это тебе говорю я, Небесный Воин и защитник всего Сущего на этой земле!

Слова подействовали.

По крайней мере, медсестра не стала убегать вниз по лестнице, и медленно повернула голову к собеседнику.

— Я жажду увидеть, что у тебя в руках! — закончил Парамонов.

Словно поддаваясь его неизмеримой воли, женщина в белоснежном костюме медленно повернулась, и друзья воочию увидели, что она прижимала к груди.

— Боже Всевышний! — отец Севастьян едва не потерял сознание.

Медсестра держала в руках новорожденного, который по какой-то неизвестной причине все еще молчал, не подавая признаков жизни.

— Почему ты не сказала нам! — закричал Макс, приближаясь к женщине. — Это же ее ребенок?!

Медсестра судорожно закивала в ответ и разрыдалась.

Макс отнял у нее младенца и положил на отдельную передвижную кровать рядом с первым малышом. Вот теперь, оказавшись со своим родным братом, юнец заплакал, оглушая комнату на втором этаже.

«Вам не победить! — снова ворвался в сознание голос графа Фургаса, вещавший от имени всего «нечистого» мира. — По крайней мере, оставшись кристально чистыми!».

— Отец Викентий был прав! — поведал Николай. — В этом месте родился сын Божий! Вот почему здесь собралось такое количество верующих! Но и Талгарат, утаивший это событие, все же поведал истину! Второй ребенок — это сын самого Дьявола! Ума не приложу, как они оказались в одной утробе?!

— Это неважно! — сказал Макс. — Мы пришли сюда с одной целью, и мы ее исполним!

— Каким образом?! — спросил отец Севастьян.

Пауза, повисшая в полутемном помещении, на фоне криков беспокойных малышей, сама ответила на поставленный вопрос.

— Нет! Я не позволю тебе этого сделать!

— У нас нет выбора, Севастьян! Наша вера в истинную силу Господа, не имеет права оставаться пассивной! Мы с тобой решили идти до конца! И никто, даже ты не сможешь меня остановить! — разозлился Макс.

— Я тебя остановлю! — вмешался в разговор Никель, выхватывая из-за пояса «Глок-17».

— Откуда у тебя пистолет?

— Это неважно! Важно то, что он заряжен, хоть и в это трудно поверить! Единственный момент, о чем тебе необходимо напомнить, это то, что в руках Небесного Воина оружие смертных превращается в грозную силу! А потому, не стоит кичиться своей бессмертностью на просторах этого мира! Я в один миг смогу перевернуть с ног на голову твою судьбу!

В комнате восстановилась немая пауза, если не брать в расчет крики новорожденных младенцев.

— Ответь на мой вопрос, Римский легионер по имени Квинтилл, позорно толкнувший Иисуса Христа с моста, за что получивший необыкновенное бессмертие, что ты намерен делать в данный момент?

— Я готов пойти на любое действие, Небесный Воин по имени Николай! — отозвался Макс. — И я хочу верить в то, что ты останешься на моей стороне, что бы ни случилось! И ни один синедрион не вправе судить меня за это вполне себе разумное решение!

— Я, так понимаю, ты решил избавиться от обоих младенцев?!

— Абсолютно верно ты понимаешь! Это самый разумный вариант, тебе ли не знать, Небесный Воин! Ты поставлен оберегать нас от напасти демонов на Святой Земле! И ты поддержишь мое мнение, что бы ни случилось! Иначе все то, к чему мы стремились всю эту неделю, станет бесполезным!

В его словах была определенная логика. Слова бессмертного, который искренне добивался прощения самого Господа, нельзя назвать безумными или лишенными смысла. Нельзя обвинять Римского воина в варварстве по отношению к этому миру и этой принципиальной позиции, как нельзя судить голодного за кражу еды! Но, не пристало Небесному Воину уподобляться коварством во имя спасения мира, и гибели беззащитного существа, только что вошедшего в наш мир с благими намерениями!

— Я сказал нет! — грозно поведал Николай. — Я не стану жертвовать сыном Божьим во имя умирающего мира!

— Как ты не понимаешь, Коля! Мы не сможем сейчас увидеть в этих младенцах истинную их сущность! Для этого понадобятся годы, а может быть и века по меркам другого мира. И ты не представляешь, как время течет в обители «нечистых»! Через несколько лет ты пожалеешь, что не предпринял попытки остановить все здесь и сейчас! Земля погибнет под гнетом демонов, бесов, колдунов и ведьм, и мы уже не сможем ничего изменить!

— Я знаю все это! — согласился Николай. — Граф Фургас поведал мне об участии этого мира. Но, убивать сына Божьего я никому не позволю! Даже тебе! Уйди прочь от этого ребенка! Иначе, клянусь Господом нашим, не отвечаю за дальнейшие действия!

«Глок-17» поднялся на высоту плеча, грозно явив черный устрашающий зрачок.

— Николай! — послышался голос отца Севастьяна. — Я тоже не в восторге от этой идеи, но...

— Я не хочу слушать безумные речи! Тем более от священника, каковым являешься ты! — перебил его Пармонов. — И я ни при каких обстоятельствах не позволю убить младенцев! Так что отойди и позволь мне их забрать!

Никель двинулся на друзей, все еще держа «Глок» в вытянутой руке. Младенцы тут же перестали кричать, будто почувствовали защитника.

Пармонов приблизился к передвижным кроваткам и остановился.

— Не делай этого! — попросил Макс. — Не вздумай брать их на руки!

— Я знаю, что делать! — огрызнулся Николай. — И я знаю, что будет после этого! Мне удалось вспомнить разговор с демоном в лесном домике! Он сказал — «Закон равновесия сыграет исключительную роль в нашей жизни!». И мы ничего не сможем поделать!

— Нет! Нет! — завопил Макс.

Но Николай уже взял на руки обоих младенцев.

Такие легкие, словно жители из другого мира. Такие красивые и только-только начинающие свою жизнь в этом безумном мире, и такие беззащитные. Едва не лишившиеся жизни от рук закоренелых грешников этой земли, способных на то, чтобы с легкостью

отнять жизнь у безгрешных созданий, они мирно лежали на руках Небесного Воина.

— Папа!

Никелю показалось, что он ослышался.

Тонкий детский голосок едва произнес первые в своей жизни слова, но так скоро, по сравнению с обычной реальностью.

— Папа! — повторил второй младенец, и теперь это был не морок.

— Вот этого я и боялся. — Сказал Макс. — Зачем ты принял их на руки? Разве демон не ведал тебе о «смертельных узах»?

Ничего подобного Никель не слышал и не помнил. Лишь снова память, едва распахнула свои объятия, сжалась в клубок, и распутать ее понадобилось бы невероятное количество времени.

Граф Фургас не ведал Николаю о «смертельных узах», но по своему необыкновению и внезапной участи, что постигла обычного смертного, посвятив того в Небесные Воины, Парамонов прекрасно знал, что означает сие выражение.

— И, тем не менее, я не позволю убивать сына Божьего! Не нам решать в этом мире, кто будет жить, а кто умрет!

— Умрут все те, кого ты знал здесь, на этой Земле! — подхватил отец Севастьян. — Если мы не предпримем какие-нибудь действия!

— И какие же действия ты готов предпринять?! — вдруг спросил Николай.

— У нас очень мало времени. — Тихо сказал священник. — Я подтверждаю то, что в течение нескольких часов, а может даже и лет, нам не удастся определить, кто же из них сын Дьявола, а кто сын Бога! Оба останутся верны своим Господам, и, клянусь деревом Божьим, я никогда не хотел бы попасть в такую ситуацию! Но, она непременно последовала за нами, и теперь обязывает сделать оправданный выбор!

— И какая же правда в твоих словах?! Поведай мне отец Севастьян, и, может даже, я соглашусь с тобой!

Священник замялся:

— Кинем жребий, если хочешь! Я с удовольствием положусь на удачу, устраню одного из детей, и буду просить Господа о прощении всю свою жизнь! Так, по крайней мере, мы сможем угадать и спасти умирающий мир. Я лучше совершу Великий грех против Господа, сославшись на то, что не ведал, что делал, чем уйду отсюда в покорном бездействии!

— Нет, отец Севастьян! Я — Небесный Воин по имени Николай, не позволю тебе принять такой грех на душу! И не позволю жить во грехе любому из вас, как бы вы этого не хотели! Убеди меня, что вот этот, или же вон тот младенец — сын Дьявола и Великий Пленитель душ, и тогда я рассмотрю твое безумное предложение! А пока, я вижу лишь двух беззащитных младенцев, которые мирно лежат у меня на руке, и никому в этом мире не позволю приблизиться к их чистым душам!

— У нас нет времени на эти глупые ссоры! — священник был просто в ярости.

— А причем здесь время? Младенцы у нас, и я думаю, мы можем их контролировать.

Отец Севастьян грозно посмотрел на Макса, как будто бы тот был ему не другом, а кровным врагом.

— А почему ты на меня так смотришь?! — удивился Макс. — Скажи ему об этом! Скажи ему, почему время в нашей нынешней ситуации такое ценное обстоятельство! Я сделал все от меня зависящее. Убедил заблудшую душу, что вера в Господа самое сильное оружие против зла! Я обратил его в христианство, спасая душу от неминуемых пыток! С

тобой вместе, мы совершили грех, нарушая все мыслимые и немыслимые законы, используя ритуал под номером 423! В итоге у нас получилось! Небесный Воин стоит сейчас перед тобой! И я удивлен твоему выражению лица, если не сказать больше — обескуражен! Что ты хотел от истинного верующего? Чтобы Желтый офицер убил беззащитного ребенка? Мы его сделали таким, а теперь попробуй объяснить ему, что самое время сделать по-иному!

Но, вместо священника заговорил Никель:

— Я знаю, что ситуация не из приятных! Но, у нас в руках оба младенца! И пусть один из них приходится сыном страшнейшего зла во Вселенной, тем не менее, он под нашим контролем! Мы укроем от посторонних глаз младенцев, люди забудут об их существовании, и...

— Нет, Николай! — перебил его отец Севастьян. — Я слишком долго прожил на этой земле, чтобы вот так бросаться из стороны в сторону подвернувшейся возможностью. Всю свою бездарную жизнь я молил Господа только об одном! Хотел «выйти из игры» точно так же, как и Макс. Но, теперь, действительно вижу настоящую возможность спасти мир, и о прощении я напрочь забыл! Но, я не забыл о людях, которые меня окружают. Которых я любил, обожал и лелеял! Которые умирали у меня на глазах, опережая мой возраст, и ничего не понимали в реалиях этого бытия. И я хочу тебе поведать одно неумолимое условие, при котором твое предположение, или предсказание, — называй, как хочешь, просто не сбудется по одной простой причине. Уничтожить сына Дьявола или Бога можно лишь одним действенным способом — окропить тело младенца Святой кровью еще не грешного человека. И этим человеком становится любой новорожденный ребенок, но только в первые сорок минут своего пребывания в этом мире! Первый раз девушка закричала ровно тридцать две минуты назад! А потому, начнем отсчет с этого времени! Понимаешь, Николай, что у нас на все про все — восемь минут! А может, и того меньше!

Парамонов вздрогнул.

Никогда в своей жизни, он не слышал ничего более мерзкого и равнодушного. Никогда он не видел священника, готового убить младенца, чтобы спасти безумный мир, хотя по своему убеждению, отец Севастьян не был настоящим священнослужителем. Да, он проповедовал христианство, в силу бывшей профессии в недрах синедрона, но настоящим ценителем жизни он никогда не был. Чего стоит его не прощенный поступок — удар по лицу Иисуса Христа, обвинив того в неуважении к первосвященнику.

— Я разочарован тем, что ты сказал отец Севастьян! Макс мне толковал о вечной жизни, верованию в Господа нашего, его Сына и Святого Духа! Молитвы, что лились из его уст, оглашая окрестности леса, были подобны силе мирской, что учила не приносить вред ни одному живому существу, будь то человек, или зверь! Сын Божий проповедовал добро, когда ступал по земле Израиля! И никогда бы своей жизни, не допустил, чтобы священник убеждал человека убить ребенка! А, уж о том, чей это сын — и речи быть не могло!

Пистолет поднялся на уровень глаз, и Парамонов добавил:

— Эти восемь минут, или сколько там еще осталось, мы проведем в молитвах Господу нашему! Никто из вас не приблизится ко мне и к этим младенцам, иначе оружие в руках Небесного Воина превратится в карающий меч, и по счастливой случайности, в ваше прощение!

И в этот момент послышались выстрелы за пределами особняка.

Макс быстро обогнул передвижные кровати, и вышел на балкон.

— У нас проблемы! — послышалось от него. — Пилат и его свита погибли, и что-то по-

настоящему злобное направляется по нашу душу!

Мгновение и друзья почувствовали, что освежающий ветерок пахнул через створку, где несколькими минутами раньше находилась дубовая дверь.

— Я здесь! — неприятный шипящий голос возвестил о своем присутствии. — И я прибыл за младенцами!

Молодая медсестра в белоснежном костюме поднялась во весь рост и показала свои черные, словно смерть, глаза. Ее пальцы покрылись чудовищными язвами, словно до этого самого момента, девушка болела неизлечимой болезнью.

И это могло означать только одно.

— Боже Всевышний! — затрепетал отец Севастьян. — Я вижу проблески одного из шести архангелов Дьявола! Назови себя, «нечисть», вступившая в наш мир!

Но, «нечисть» и не подумала назвать свое имя, может быть, испытывая неуверенность перед смертными, которые могли вынуть ее дух из покорного тела женщины, и изгнать из этого мира. Хотя, все абсолютно знали, — чтобы изгнать такое сильное существо, понадобились бы годы обучения, и годы для проведения экзорцизма! Никогда в памяти церкви (католической или православной) не зафиксировано ни одного случая, чтобы архангел самого Дьявола был низвергнут в Ад!

Медсестра с легкостью отшвырнула священника и продолжила медленную картинную поступь к Небесному Воину, что удерживал в крепкой руке обоих младенцев.

— Назови свое имя! — кричал Макс. — Господом Богом и его сущим воином архангелом Михаилом прошу!

— Михаил сдох, как собака, в загородном лесу! — голос «нечисти» оглушил комнату на втором этаже.

— Ты врешь! — неуверенно, и как-то неубедительно высказал свое мнение Николай.

— Я никогда не вру! Славная была схватка! Асмодей должен был одерживать победу, но коварный удар Михаила перечеркнул его судьбу. Соперники устранили друг друга, и теперь их души вернулись в свои миры!

— Именем Господа нашего, Иисуса Христа! Назови свое имя, Архангел!

Макс не вступал в схватку, будучи уверенным, что существо себя обозначит.

— Небесный Воин знает мое имя! Просто стесняется его сказать, потому что моему Величию нет конца или края!

Медсестра на миг остановилась и воздела руки к небу.

— Не может быть! — пистолет в ладони Николая дрогнул, осознав незыблемую правду.

— Я тот, кто я есть на самом деле! И вам этого не изменить!

Голос Архангела звучал в особняке, будто пророчество всего живого на этом земле. Будто предзнаменование чего-то поистине кошмарного и губительного для этого мира. И что-то совсем неестественное, таинственное и печальное для всего человечества!

Никель нажал на спусковой крючок.

Дважды.

Первая пуля попала в грудь женщине в белоснежном костюме, а вторая точно в шею. Идеальное и расчетливое действие для наемного убийцы, который держал в руках двух новорожденных младенцев.

Нет! — закричал на него Макс. — Тебе не убить всех людей на этом свете! Он продолжит перерождаться, а таким образом нам его не остановить!

И, словно в подтверждение этому, с пола поднялась другая медсестра, сверкая черными

яблоками глаз:

— Меня зовут Люцифер! Я Дух Астрального Света, и пришел не по вашу душу! Но, если кто-то посмеет меня остановить — берегитесь! Гневу моему не будет конца!

Все передвижные кровати устремились к потолку, и тут же рухнули на пол, подтверждая безумные мысли коварного чудовища.

Младенцы заплакали, создавая в комнате трель тоненьких голосов. И до того кошмарным выглядело сие действие, наполненное плачем ни в чем не повинных созданий.

— Устрани свою прыть, во имя всех Святых! — стоял на коленях отец Севастьян. — Негоже жителю потустороннего мира врываться в Святую обитель смертных и похищать невинных младенцев! Господом Богом, заклинаю тебя, Люцифер, оставь этих отпрыском в нашем мире! И мы позаботимся о них!

— Позаботитесь?! — взорвался дух Астрального Света. — Я заберу обоих младенцев и воспитаю их на своей территории! Один из них, несомненно, умрет! А другой — возвратится в ваш мир, и поистине живые будут завидовать мертвым!

Никель почувствовал, как чья-то притягательная сила вцепилась в новорожденных детей, и стала тянуть в сторону Люцифера. Архангел даже не подошел в зону соприкосновения с Небесным Воином, чтобы забрать младенцев. Ладони Никеля просто разжались, и руки опустились вниз, подчиняясь злой и ненасытной воле. В первое мгновение Парамонов подумал, что новорожденные рухнут на деревянный пол и разобьются на радость Люциферу.

Но, не тут-то было!

Младенцы зависли в воздухе лишь на долю секунды, а в следующее мгновение медленно поплыли к своему «Господину». Никакая молитва или приворот не смогли бы сейчас остановить это действие!

Отец Севастьян первым осознал, что же сейчас произойдет, и бросился на Духа Астрального Света. Молитвы перестали для него существовать, заговоры, ритуалы и Божественные явления силы не оправдали своих доверий, а потому в дело вступила грубая, ненасытная и хладнокровная сила.

Священник успел лишь сделать два шага, чтобы помочь Господу и его малому отпрыску, но в тот же миг что-то подняло его к потолку и мигом свернуло шею, словно беспомощному котенку.

Отец Севастьян рухнул на пол, переворачивая еще годные к использованию кровати, и навсегда затих.

— Боже! Спаси его грешную душу, и не дай твари из потустороннего мира владеть здесь нескончаемой властью! — Никель понял, что без мощного союзника здесь не обойтись.

Отец Севастьян знал истинные молитвы, что могли заставить такого защитника, как Архангел Михаил, явиться в этот мир и наказать «преступника». И вот сейчас, он лежит бездыханный в собственной крови, меж передвижными кроватями частной родильной. А потому, приходилось довольствоваться тем, что есть!

— Мое имя Николай! Я Небесный Воин твоего Царствия Небесного! Услышь меня, Господи, и отведи ту беду, что навалилась на этот мир!

— Здесь нет Господа Твоего! — вмешался Люцифер. — И нигде не найти тебе Его следы!

Слабость внезапно накатила на Парамонова. Его ноги подкосились, задрожали, словно он опять очутился в комнате на втором этаже, только в другом лесу. Будто опять его терзал

граф Фургас с известной графиней, и «Глок-17» был бесполезен в данной ситуации.

Младенцы вмиг оказались в руках женщины в белоснежном костюме. А Люцифер вымолвил напоследок страшные и горькие слова:

— Мне никогда в жизни не доводилось убивать Небесного Воина! Но, сегодня, я сам исправлю этот маленький недочет.

В руках медсестры появилось сверкающее копьё, обрамленное яркими сполохами серебряных молний. Оно засветилось ярким пламенем, озаряя комнату на втором этаже особняка. И само по себе метнулось в сторону Парамонова.

Жизнь проскочила перед глазами в течение нескольких мгновений, и уже когда Никель с нею заочно распрощался, копьё остановилось в сантиметре от его лица. Острие окрасилось кровавыми каплями, которые, сорвавшись с колющего оружия, и окропили в свой цвет деревянный пол перед ним. Глухой стон раздался в пределах комнаты, и явно злобный смешок проскользнул в полупустом помещении.

— Тебе не изменить грядущего! — прорычал глас Духа Астрального Света, и женщина в белоснежном костюме замертво рухнула у проема входной двери.

Архангел удалился, прихватив с собою двух новорожденных младенцев. И пусть это была не лучшая новость за сегодняшний день, но то, что произошло секундами ранее, совсем выбило из колеи Николая.

Светящееся копьё исчезло вместе со своим хозяином, но рана в теле Макса, который прикрыл собой Небесного Воина, не затягивалась. Римский легионер по имени Квинтилл завалился на бок, все еще задыхаясь от сквозного ранения.

— Не вздумай умирать, Макс! — завопил Парамонов, подхватывая обреченное тело. — Ты же бессмертный! Бог тебя проклял на веки вечные! И я стану молиться и просить Егс сделать все...

— Не надо! — вымолвил Римский легионер, снова воплотившийся в своей настоящей сути. — Мы уже... получили прощение... Разве... не видишь... Эта рана... не... затянется... Прости... что не ... смог... сопроводить тебя... далее... Прошу лишь... об одном...

Макс закашлялся, и сгустки крови вырвались из его рта.

— Я исполню все, что ты мне накажешь, Квинтилл! И буду молить о твоём искреннем прощении!

— Не покинь... младенцев... Они... не осознают... свою... суть... Не знают своих... родителей... Но... знают... тебя...

Макс снова закашлялся, сплевывая кровь прямо на пол. И Никель грешным делом подумал, что друга он больше не услышит, но бессмертие, долгое, беспринципное и непоколебимое решило еще помучить жертву:

— Моя кровь... кровь проклятого... на веки... веков... позволит...

И стон!

Отчаянный стон прощенного человека, который так искренне пытался доказать, что достоин внимания очей Господа.

Никель прекрасно понимал последнюю фразу покойного. Мало того, он видел едва заметный след Люцифера, который стремился ускользнуть из этого мира. Но, Дух Астрального Света на мгновение позабыл, что по его следу может устремиться Небесный Воин! Желтый офицер, как в стародавние времена называли истинного защитника того и этого мира, пройдет проторенной дорожкой вслед унесенным младенцам, и во что бы то ни стало, найдет и накажет обидчика!

И для этого действия, как поведал в свое время граф Фургас, достаточно трех вещей: не угасший след сильного демона, кровь бессмертного и настоящая непоколебимая вера!

Все три компонента были у Парамонова здесь и сейчас!

Оставалось лишь ими воспользоваться.

А слова он помнил наизусть! Граф Фургас оказался чудесным осведомителем.

— Господь Всемогущий! Владыка мира нашего, принесший сюда Имя сына Господа, Иисуса Христа, воплощенного в человеческой плоти! Принявшего жертвенные муки, и умершего ради искупления человеческих грехов! Воскресший из мертвых и вознесшийся на небеса! Позволь рабу Твоему Николаю, пуститься по следу Архангела Люцифера, и отвоевать сына Божьего; оберегать его; наставить на истинный путь; и сделать все для Великого счастья Его, чтобы сын Божий вернулся в тот мир, из которого вышел, и наставил верующих на истинный и единственно правильный путь!

А по сему, прошу тебя, Боже! Благослови меня на поход по следу Люцифера в Пограничный мир, и возроди в человеческом обличе, в любой его ипостаси!

Никель прислонил к деревянной стене свою руку, выпачканную в крови Макса, ровно в том месте, где угасал след Астрального Духа, и закрыл глаза.

Да пребудет со мною Господь!

Ныне и присно, и во веки веков!

Аминь!

Больше книг на сайте - Knigoed.net